

Hunter — Fall from Grace

Охотник — Падение от благодати

Оглавление

Пролог: Последний крестовый поход	3
Введение	10
Глава 1: Одинокая дорога	14
Глава 2: Трещины, как земля в пустыне	34
Глава 3: Дьявол, которого ты знаешь	53
Глава 4: Правила и повествование	79

Как ни ранит мою гордость признание в таком промахе, я оступился с пути и упал в Свет. Он испепелил и выжег волю из меня, так что я больше не сожалею о том, что потерял. Однако память об этом сожалении — или его фантом — остается. Я уже говорил и буду говорить в будущем о том, как скручивается и сворачивается время. Прошлое и будущее постоянно теснят меня, они так же ярки и болезненны, как и настоящее. Воспоминания и видения, у них есть зубы и когти, такие же злобные, как у тех, кто меняет кожу.

На дне Соединенного Королевства мой протеже — лишь немного пострадавший от своих злоключений — привел меня к месту, обладающему значительной силой. Кольцо Чанктонбери находится в графстве Сассекс. Это одинокая вершина холма, увенчанная кругом деревьев, которая, по словам местных жителей, любима врагом, самим Сатаной. Чтобы добраться до него, нужно пройти долгий путь по извилистой лесной тропе, а затем перевалить через горный хребет, далеко за пределами легкого прикосновения современного мира. В легендах говорится, что те, кто останется на ночь, привлекут любопытство Врага. Он придет к ним, и их судьба будет полностью зависеть от его настроения, ведь Кольцо — это место, которого не касается божественное.

Мы пришли туда, провели ночь среди деревьев, а утром за мной пришла Тьма.

Я сопротивлялся Его искушениям.

Это было нелегко. Мои поиски были долгими и утомительными и привели меня во многие странные места. Тьма не говорила со мной и не называла себя. Он обратился ко мне через мои силы. Мне было предложено прояснить зрение, чтобы заглянуть в самое начало, чтобы наконец открыть истину о том, кто мы такие и с чего все началось. Видение было там, на задворках моего сознания, ожидая, когда я на мгновение обращу на него свое внимание. Я знал это так же точно, как знал свой собственный разум. Меньший человек мог бы ухватиться за эту власть, но если я чему-то и научился в своем родном доме, так это тому, что всегда есть цена, и что самая высокая цена — та, которую нельзя увидеть. Моя душа не продается.

Когда Тьма потеряла ко мне интерес и ушла в другое место, Уильям затих и начал испытывать приступы рвоты. Только тогда я понял, что он кричал от боли все время моего визита. К рассвету он пришел в себя и, хотя был слаб, смог ходить.

Позже Сияющие показали мне, как я могу достичь тех же высот могущества — путь, требующий значительных усилий. Мое видение никогда не вело меня ложно, и мне не приходило в голову, что от меня может потребоваться пожертвовать своим Я.

На чьей вы стороне? Возможно, это самый важный вопрос.

Есть огромная, пустая равнина, серая от смешанной пыли пепла и толченых костей. Она находится за моими глазами, за моим разумом. Она необъятна и древняя. Ни один человек никогда не пройдет по ней, но мы все там, все избранные. Сюда приходят умирать боги. Снова пришло время для битвы. Мы призваны к битве, мои братья и сестры. Силы Света и Тьмы яростны и непримиримы, смертельно опасны в своей ненависти друг к другу. Они сражались тысячу раз прежде и будут сражаться еще тысячу раз. Мы — фигуры в их смертельной игре.

На чьей вы стороне? Света или Тьмы? Осмелитесь ли вы отвергнуть обе стороны и встать на сторону человечества?

Третий вариант — не тот, на который любят обращать внимание наши владыки и повелители, но вы не обязаны предавать своих. Вы можете отказаться принимать приказы и указы, миссии и задания, искушения и посвящения. В каждом из нас есть путь к высшей власти. Возможно, это часть процесса, который делает нас теми, кто мы есть.

Я уверен, что если бы Сияющие могли закрыть его для нас, то они бы это сделали. Они похожи на чрезмерно опекающего отца, не желающего позволить своему ребенку обрести независимость.

Этот третий путь требует жертв. Конечно, требует. Но чтобы стать по-настоящему сосредоточенным, нужно отбросить отвлекающие факторы. Стремясь внутрь, вы сможете найти путь к реализации своего потенциала и сыграть свою полную роль в грядущей драме. Тогда вы сможете поступать так, как велят вам совесть и истинная воля, ибо у вас по-прежнему будет совесть, которую Тьма не оставит вам, и у вас по-прежнему будет истинная воля, которая не допускается, когда человек служит Свету. Я знаю, ибо вижу это в своих воспоминаниях и видениях. Сияющие показали мне путь, и я последовал за ними — и в результате стал их последователем.

Призрак того, чем я когда-то был, силен, как когда-то была сильна моя воля. Он питает меня, давая мне силы, позволяя писать эти слова. Но каждый из них съедает понемногу, и скоро я положу это перо, как того требуют мои хозяева, и больше не буду писать, ибо не останется больше меня. В моей душе тлеют угли старого костра, и они разжигают достаточно бунтарства для этого последнего акта неповиновения.

Прислушайтесь. Последние осколки моей независимости сгорают, чтобы вы могли услышать это последнее и величайшее предупреждение. Всегда есть цена. Она неизбежна. Но вы можете выбрать, кому платить: Тьме, Сияющим или себе.

Пролог: Последний крестовый поход

Мир заряжен величием Бога. Оно вспыхнет, как сияние из толченой фольги.

На небе не было ни облачка. Оно было ярким, почти болезненно-голубым. Цветы в полной весенней красе, казалось, излучали свой собственный свет, а солнце било с веселым теплом.

Это был прекрасный день для похорон, но немногочисленные гости на службе не были на свежем воздухе. Они были в крематории.

Одинокая женщина была одета в черное платье, которое было ей немного маловато. Оно неловко спадало до середины голени и было тесновато в плечах. Оно принадлежало девушке, вошедшей в пламя.

The man wore a black suit with the too-sharp creases of pure polyester. He stood at rigid attention, brow furrowed, with a rosary wound between his fingers. The only other people present were the priest, who didn't know either of the mourners, and the attendant who operated the furnace.

Священник, казалось, торопил службу. Обычно люди не смотрят, как гроб опускают в пламя, но этот человек, Венделл, настоял на своем. Помещение было маленьким, бетонным, утилитарным. Не было даже подиума, поэтому священнику пришлось держать Библию.

После этого женщина, которую звали Жюстина, спросила Венделла, хочет ли он забрать прах.

— Я подумал, что мы должны развеять их, на всякий случай, — сказал он. Она вздохнула.

Когда они вернулись к его фургону, он снял пиджак и надел бесформенную ветровку большого размера. Она скрывала его наплечную кобуру гораздо лучше, чем костюмное пальто.

— И что теперь? — спросила Жюстина. — Тактически или стратегически?

— О, ради всего святого...

— Тактически, мы возвращаемся в отель, чтобы вы могли собрать свои вещи. Стратегически, мы продолжаем борьбу с нечистью, которая забрала нашего товарища.

— Венделл, они все мертвы. Ты хоть помнишь, как испугался? Крики "Бог ненавидит тебя"? Ты разнес их всех на куски этой штукой, этим С4.

— Это было только одно гнездо. Есть и другие.

— Ты даже не собираешься сделать перерыв и оплакать Карлу?

— Лучший способ оплакать ее — это отомстить за нее.

— Да, я уверен, что она хотела бы именно этого.

Венделл уже собирался завести фургон, но вместо того, чтобы повернуть ключ, он повернулся к женщине.

— Что это значит? — спросил он.

— Просто охота на монстров была твоим крестовым походом, а не ее.

— Очевидно, что он стал и ее тоже.

— Конечно. Когда бросаешь кого-то в грязь, он становится грязным, — сказала Жюстина.

— Как вы думаете, она хотела, чтобы они выжили, когда узнает правду?

— Конечно, нет. Но я предполагаю, что она хотела выжить.

Венделл хлопнул по приборной панели, и Джастин подпрыгнула. Она и раньше видела его вспыльчивость и почти отступила, но не в этот раз. Из-за яркого солнечного света вся ситуация казалась сюрреалистичной. Неудобное платье сделало ее раздражительной. И она скучала по Карле, которая стала ее подругой.

— Лучше умереть, зная о спасении Христа...

— Это твой ответ на все. Ей было лучше умереть христианкой в 19 лет, чем жить...?

— Да! Лучше умереть христианином — в любом возрасте! Думаешь, я не жалею об этом? Думаешь, я не мучаюсь, думая, как я мог ее спасти?

— Я скажу тебе, как ты мог спасти ее. Ты мог бы отпустить ее вместо того, чтобы вербовать ее в свою "армию"!

— Что значит "отпустить ее"? Ты говоришь так, будто она была в плену.

— Разве не так? Без денег, за сотни миль от дома, без работы. Что ей оставалось делать? Особенно, когда ты все время пугаешь ее до смерти, рассказываешь ей о кровососах и гниении.

— Я сказал ей правду!

— Какое большое одолжение. Если вы не заметили, правда — отстой. Многие люди совершенно счастливы, даже не зная об этом.

— Как ты хотел? — сказал Венделл.

— Да! Я знаю, что не могу вернуться, но это не значит, что я не хочу. Она могла бы. Она могла бы бросить учебу и жить настоящей жизнью!

— Через месяц она бы снова попала на крючок.

Жюстина дала ему пощечину. На мгновение она увидела, как раздуваются его ноздри и расширяются зрачки, и поняла, что зашла слишком далеко. Он бросился на сиденье. Она

была достаточно быстра, чтобы просунуть руки и ноги между ними, но он был силен, истерически силен. В одно мгновение он прижал ее ноги к груди, а запястья зажал в крепкий захват. Она попыталась ударить его ногой в промежность, но не могла пошевелиться. Он переместился, чтобы сделать... что-то. Захватить оба ее запястья в одну руку, чтобы другой рукой ударить или задушить ее? В отчаянии Жюстина пыталась говорить.

— Карла сказала мне, что ты ее тоже однажды ударил. — Это сработало.

Как затычка из ванны, вся злость вытекла из него. Он снова сел за руль.

— Венделл, — осторожно сказала она, — я ухожу.

Он кивнул. Она открыла рот, закрыла его, потом сказала:

— Послушай... Я знаю, что ты спас ее. Она сказала мне об этом. И меня ты тоже спас... разными способами. Но как только ты кого-то спас, ты должен его отпустить.

— Тогда иди, — уныло сказал он.

Жюстина прикусила губу.

— Венделл...

— Иди сейчас же.

Когда она уходила, он остановил фургон и протянул ей сумочку. Она сразу почувствовала ее тяжесть и увидела внутри пистолет. Только позже она обнаружила 500 долларов, которые он также положил туда.

†††

Утешитель, где, где Твое утешение?

Маленькая женщина ничем не выделялась. Она не была местной, но многие незнакомцы проходили через Поллок по дороге в национальный парк. На ней были хорошие туристические ботинки и красивый рюкзак, но они не были блестящими и новыми. Опытный глаз — как у Нила Бродербурга — оценил бы ее как человека, способного провести неделю в лесу без фургона и назвать это развлечением. Она выглядела нормально. Ничего не происходило, и Нил решил подойти поближе.

Хотя он никогда никому не говорил, Нилу нравилось, как выглядят женские ноги в узких маленьких походных ботинках. Это не было фетишем или чем-то в этом роде. Просто ему это нравилось. Ноги этой женщины показались ему особенно хорошими, и он задумался, как долго она пробудет в городе. Он небрежно сделал несколько шагов вперед, стараясь подойти достаточно близко, чтобы рассмотреть обручальное кольцо.

На спине рюкзака было что-то похожее на флаг — два круга и стрела. Когда он был в метре от нее, он наклонил свою шляпу.

— Доброе утро, — сказал он.

— П... добрый день, офицер, — ответила она.

Нил улыбнулся. Акцент. Каждый американский мужчина любит акцент, верно? Может, французский, или итальянский, или еще какой-нибудь. В парке было несколько гостей из Европы, но обычно это были немцы.

У нее была широкая, открытая улыбка и никакого кольца. Но что-то было в ее глазах. Что-то на два градуса от нормы. Что-то, что заставило его думать не как о взрослой особе, которая хорошо выглядит в форме, а как о человеке, поклявшемся служить и защищать.

— Делаете небольшой поход?

— Да. Я жду друзей. Мы идем вверх по реке Снейк. — Она сказала "да", "жду" и "река" с таким странным акцентом... как будто перед ними было немое "у".

— Надеюсь, вы недолго ждали. — Она пожала плечами.

— Как они выглядят? Может быть, я их видел?

— О, мне не нужна ваша помощь, спасибо. — Затем она наклонила голову, как будто прислушиваясь. — Но я... ценю ваше предложение. Вы слишком добры. Возможно, когда я вернусь из своего путешествия, мы сможем встретиться снова?

Она была достаточно красива. Высокие скулы, длинные волосы, милый акцент, сапоги.... Но что-то в ее тоне заставило Нила скорее нервничать, чем возбудиться. Ее глаза были немного... пустыми.

— Это было бы здорово, здорово, — сказал он. Затем он посмотрел на часы. — Стоп! Мне нужно начинать патрулирование. Когда ты собираешься вернуться?

— Эх, я не знаю, простите. Я поищу вас, когда вернусь?

— Конечно. — Он снова коснулся края своей шляпы. — Я Нил Бродербург.

Она улыбнулась. Он ждал.

— А вы...? — наконец спросил он.

— О, как глупо! Я Беатрис. Беатрис Дюшам.

— Приятно познакомиться.

Нил повернулся — не слишком быстро — и вернулся к своей патрульной машине. Затем он отъехал — не слишком быстро — припарковался за углом, зашел в супермаркет и незаметно наблюдал за ней через переднюю витрину.

В конце концов подъехал пикап. На заднем стекле висела картонная табличка с четырьмя соединенными кольцами. Беатрис улыбнулась широкой улыбкой людям внутри и села внутрь.

Нил почти списал это со счетов. Но вместо этого он позвонил приятелю в службу парков и попросил его присмотреть за грузовиком, чтобы выяснить, куда они направляются.

— Ты думаешь, они подозрительные? — спросил его друг. — Н... нет. Одна цыпочка вроде как флиртовала. Хочу убедиться, что ее не передают по кругу, как дубину. Ну, ты понимаешь.

Его приятель рассмеялся.

— О, я обязательно посмотрю, если это будет такая вечеринка.

†††

Наш вечер закончился; наша ночь хрипит, хрипит и закончит нас.

— Вы уверены, что этот сервер безопасен? — спросил Венделл.

— Я тоже рад вас снова видеть, — сказал мужчина, стоявший с тростью. Его звали Лу. — Да, он безопасен.

Венделл вошел в систему.

— Итак, давно не виделись. — Венделл ответил ворчанием. — Что случилось с двумя подростками, которые были с тобой в прошлый раз?

— Один умер. — Венделл даже не поднял глаз от экрана. Лу слотнул. — Насколько я слышал, второй собирался встретиться с Генри Имсом.

— А, водитель. Бедный ублюдок.

— По крайней мере, его дочь все еще жива.

— Девушка, которая умерла... она не была...?

— Нет. Просто кое-кого я спас. — Венделл вздохнул. — Где все?

— Кого ты ищешь?

— Соломона.

— Ушел из списка, помнишь?

— Я помню, что Риггера выбросили. А что насчет Рипсоу?

— О, Боже, — сказал Лу. — Он не писал, но у меня есть новости о нем из Европы. Пошел за каким-то большим клыкком с кучей других парней. Большие пушки, взрывы, всякие безумные полицейские... эээ... штуки.

— Типичный Рипсоу. Пятидесятипроцентная смертность?

— Вы имеете в виду на его стороне? Да. Хотя, насколько я слышал, сто процентов на другой стороне.

— И он выжил.

— Ага.

— Воистину, Господь присматривает за глупцами.

— Да, но после 11 сентября Рипсоу действительно вышел из себя. Сказал, что едет в Ирак.

— Господь присматривает и за безумцами. Кто-нибудь стоящий все еще в списке?

— Мемфис, но я знаю, что вы двое не ладите. Солдат включается время от времени.

— Он тоже дурак, — пренебрежительно сказал Венделл. — А как насчет Путешественника?

— Никаких вестей в течение нескольких месяцев.

— И он — наша связь с Педро.

— Знаешь, есть я, — сказал Лу. — То есть, я уже не могу так хорошо передвигаться, но я не бесполезен.

— Я надеялся получить хотя бы трио, но, возможно, нас будет только двое. Мне это не нравится, но, возможно, мы сможем подобрать третьего, пока выслеживаем нашу цель.

— Одна цель? Похоже на высшую лигу. Какой-то перевертыш? Настоящий старый клык?

Венделл покачал головой.

— Беатрис Тремблей.

Лу побледнела.

— Ты имеешь в виду... Оракул?

— Я давно должен был это сделать.

— Но она одна из нас!

— Уже нет. В последний раз, когда я видел ее, я колебался... но я почувствовал что-то нехорошее. Я был слаб. Я следовал человеческим чувствам вместо божественной воли. — По мере того как он говорил, голос Венделла становился все холоднее. — Я не повторяю этой ошибки.

— Извини, парень. Считаю, что меня нет.

Венделл обратил на Лу спокойный и презрительный взгляд.

— Я не удивлен. Просто не вставай у меня на пути.

— Что?

— Лу, тебе лучше знать.

Другой мужчина повесил голову и возился со своей тростью.

— Ее больше нет в списке, — пробормотал Лу. — Есть идеи, как ее найти?

Лу покачал головой. Венделл кивнул и встал, чтобы уйти. У двери он повернулся.

— Это адский выбор, Лу. Не расстраивайся из-за своей слабости. Ты еще можешь сделать много хорошего... много очевидного хорошего.

†††

Я просыпаюсь и чувствую, что наступила темнота, а не день.

— Здесь что-то есть, — сказал пузатый мужчина вкрадчивым голосом. — Вы чувствуете это?

— С нами всегда кто-то присутствует, mon ami, — ответила Беатрис.

Пузатый мужчина не прошел бы проверку Нила. Все его походное снаряжение было одинаковым, совершенно новым и дешевым. Он пыхтел и отдувался, таща его в лес. Его звали Рик, и он был уволенным инженером-электриком. Однажды он убедил призрак отказаться от мести и примириться с загробной жизнью.

Двое других людей из грузовика были Нэнси, которая занималась инвентаризацией в компании по поставке хлебобулочных изделий, и Патрик, финансовый контролер. Жена Патрика вернулась из могилы, и они с Нэнси вместе разбирались с ней.

— Это что-то... что-то плохое, — сказал Рик.

— Может быть, просто что-то, чего мы не понимаем, — сказал Патрик, но он не выглядел очень уверенным.

Наступила ночь, и они разбили лагерь на берегу реки Снейк в Айдахо. Их костер был ужасно маленьким, но глазам, наблюдавшим из леса, он был хорошо виден.

Невидимым наблюдателем был друг Нила, лесничий Скотт. Счастливо женатый мужчина, он не слишком высокого мнения ни об одной из женщин. В частном порядке он считал, что Нилу стало трудно.

Скотт вернулся к своему грузовику и вызвал Нила по радию.

— Пока единственное, что вызывает подозрение в ваших туристах, это то, что они не разжигали костры. Они на площадке 17, той, что у изгиба реки.

— Семнадцать? Вот где эти две девушки....

— Да. Но ты не думаешь, что есть что-то...?

— Неа. Никакой связи, я уверен. Если они, знаешь, ничего не делают.

— Похоже, утром они собираются выходить на каноэ. — Скотт был снаружи пикапа, прислонившись к его боку, с микрофонным шнуром, протянутым через открытое окно. — Я бы сказал, что все в порядке.

— Отлично. Конец связи, — ответил Нил.

Скотт безотчетно вздрогнул, как будто этот разговор его как-то обеспокоил. Рейнджер взглянул на небо, пытаясь оценить завтрашнюю погоду. Вероятно, будет кристально ясно. Он рефлекторно посмотрел влево и вздрогнул от чего-то, что показалось в нескольких дюймах от его лица. Потом он понял, что это летучая мышь, но не совсем близко, а на расстоянии ярда, что означало бы размах ее крыльев...

Он даже не успел закричать.

†††

За кого? Героя, чьи небесные руки бросили меня, нога которого ступала по земле?

Вернувшись в свой офис, Нил почувствовал себя как-то беспокойно. Но тревожиться было не о чем, убедил он себя и отправился домой на вечер. Его машина была припаркована возле магазина Woodsmoke Outfitters, и когда он подошел, то увидел в магазине мужчину.

Нил почти прошел мимо, но что-то в этом человеке заставило офицера остановиться. Что-то в его позе, жестах привлекло внимание Нила. Мужчина разговаривал с Норрисом, владельцем, и у него были проблемы. Нил некоторое время работал полицейским. Он инстинктивно пробежался по списку вероятных вариантов: избивающий жену, злой пьяница, вооруженный грабитель, взбешенный водитель. Нил не мог бы сказать, что именно, но он готов был поставить деньги на то, что при подходящих обстоятельствах этот парень проявит жестокость.

Он вошел и услышал:

— Слушай, я знаю, что ты ее видел. Твои глаза говорят мне, что ты лжешь. Ложь — это грех. Ты должен прекратить это прямо сейчас.

— Добрый вечер, — приятно сказал Нил.

Мужчина повернулся, медленно выпрямился и опустил плечи. Он явно старался казаться расслабленным.

— Офицер, — сказал он.

Когда Нил подошел ближе, ему показалось, что он увидел, как глаза мужчины скользнули по его рубашке, затем вернулись к лицу. Нил опустил взгляд, недоумевая, почему мужчина посмотрел на его заколку рыцарей Колумба, а затем спросил:

— У вас какие-то проблемы?

— Нет проблем, — ответил мужчина.

— Он кого-то ищет, — сказал Норрис. — Может быть, я смогу помочь.

Прежде чем незнакомец успел остановить его, клерк протянул Нилу лист бумаги.

Он был сделан на цветном принтере, и на нем была фотография Беатрис Дюшам. Только там было написано, что ее зовут Беатрис Тремблей и что она опасная преступница, разыскиваемая в Канаде.

— Вы знаете эту женщину? — спросил Нил.

— Вопрос в том, знаешь ли ты?

— Почему бы тебе не пойти со мной? Мы оба сможем получить ответы.

Мужчина колебался. Он посмотрел на Норриса, затем на Нила. Внезапно комната наполнилась густым черным дымом.

— Что за...?

Нил потянулся за пистолетом и с удивлением обнаружил, что рука уже там. Он положил обе руки на кобуру, но почувствовал, что к его виску прижат ствол другого пистолета.

— Я не люблю убивать представителя закона, но я это сделаю, если вы не скажете мне, где она.

— Я... Я не могу...

— Лагерь 17!

На мгновение Нил не узнал голос Норриса. Он был таким писклявым и испуганным.

— Она и ее друзья купили карту. Спросили дорогу!

— Я хотел бы приобрести такую же карту, с такими же указаниями.

— Норрис, не надо!

— Офицер, пожалуйста, лягте на пол.

Просьба сопровождалась сильным щелчком отведенного назад молотка револьвера.

†††

Чтобы я мог подняться и устоять, свергни меня и согни Своей силой, чтобы сломать, взорвать, сжечь и сделать меня новым.

Венделл искренне переживал, что ему пришлось надеть наручники на шерифа и продавца магазина. Он не думал, что им понадобится больше 10 минут, чтобы освободиться. Затем полицейский направился бы к лагерю №17. Если повезет, он найдет только тело предателя. Но если нет, он найдет ужасы ада.

Припарковавшись возле кемпинга, Венделл услышал крик. Полицейскому не повезло.

— По крайней мере, он христианин, — пробормотал Венделл, поправляя очки ночного видения и проверяя глушитель на своей снайперской винтовке.

Он быстро пробормотал Акт раскаяния, и ему стало тошно, но он не удивился, увидев зло на земле. Пока что оно дремлет, но оно клубилось в воздухе, как дым, проникало в каждое дерево, как сок, билось в крови каждого животного, пробирающегося сквозь подлесок. Венделл быстрым шагом направился через лес, пытаясь найти берег реки. Возможно, он сможет обойти группу с фланга и застать их врасплох. Пару раз он споткнулся. Возможно, земля пробуждалась от его присутствия и пыталась схватить его. Но он не упал и наконец пробился сквозь кусты к скалистому берегу.

Он заметил движение и поднял голову, чтобы увидеть парящие фигуры огромных летучих мышей: одна отделилась от него, а другая набросилась на него.

Винтовка, которую он нес, была большой, мощной и неудобной. Кроме того, сегодня она была оснащена оптическим прицелом, которым он не мог пользоваться, не сняв очки ночного видения. Венделл поднял ружье и выстрелил, ориентируясь на мертвую точку. Чудовищное животное упало в воду на две части, но три его товарища бросились в атаку.

Венделл бросил винтовку, отпрыгнув в подлесок, и достал пистолет из наплечной кобуры. Он лег на спину, стараясь представить косую цель, и сделал один выстрел, затем два. Каждая летучая мышь упала, одна мертвая, другая покалеченная. Он не обратил внимания на плеск раненой твари, когда третья прикрепилась к его груди, прогрызая сетчатый жилет. Зарывав, Венделл схватил бьющуюся тварь левой рукой, другой всадил пистолет в ее мохнатое тело и нажал на курок.

Кровь существа забрызгала его. Близкая дульная вспышка на короткое время подожгла его одежду, но он остался невредим.

Не успел Венделл перевести дух, как услышал далекий выстрел и крики. Какая-то часть его сознания зафиксировала, что мертвая летучая мышь уменьшилась до нормального размера. Но он уже вскочил на ноги, схватил винтовку и бросился бежать по пляжу.

— Отче наш, иже еси на небесех, — прошептал он, возобновляя святое видение, когда огibal поворот. Через очки ночного видения он разглядел отблески огня. Перевернувшись на живот, он пополз к подножию дерева.

Частью своего внимания он откинул сошки винтовки, сорвал очки и постарался как можно лучше укрыться за деревом. Другой частью он смотрел на зло перед собой. Женщина была уже мертва, лицом вниз на песке. Двое других держали пылающие ветви. Они кричали, замахиваясь вверх на проносящихся летучих мышей, и наносили удары вниз по цепляющимся корням и огромным, прыгающим насекомым. Венделл увидел шерифа — который, должно быть, знал более быстрый путь — стоящего на краю тропы с искаженным от недоверия лицом и стреляющего из ружья. Но больше всего внимание Венделла было приковано к двум оставшимся фигурам.

Одной из них была Беатрис Тремблей. Она стояла к нему спиной, держа в каждой руке по выключенному фонарику, направленному в землю.

Другой был медведем, но не совсем медведем. Взглянув ангельским зрением, Венделл увидел, что зло, царившее вокруг, сосредоточилось в этом звере. Это было что-то глубокое, грязное и более древнее, чем звезды. Это была ненависть без предела и сила без формы, текущая сквозь и вокруг этого существа так, как ветер, несущий чуму, может проноситься над подоконником.

Такая же мерзость двигалась в Тремблэ.

— Ваш выбор очевиден! — крикнула Беатрис. — Придите к свету или будьте сожжены и уничтожены!

Ответ медведя был отвратительным.

— Я СКЛОНЯЮ КОЛЕНА НИ ПЕРЕД ЧЕЛОВЕКОМ, НИ ПЕРЕД БОГОМ, НИ ПЕРЕД ДЕМОНОМ!

Беатрис подняла и направила оба фонарика на его грудь, но мерзость извергла облако крови и тьмы, блокируя и поглощая свет.

Шериф закричал, когда огромный паук прокусил его сапог.

— Да будет воля твоя... — прошептал Венделл, нажимая на спусковой крючок, выпуская патрон за патроном в летучих мышей и зверей. Некоторые попадали. Некоторые промахивались. Но внутри он понимал, что это безнадежно. Они продолжали приближаться: Вихрились из темноты сверху и продирались сквозь подлесок. Даже когда он молился, он чувствовал, как в нем поднимается ярость. И даже молясь, он считал пули.

Что он мог сделать? Продолжать стрелять, пока не закончатся боеприпасы? Это было бы бессмысленно и только отсрочило бы неизбежное. Выстрелить в медведя? Даже если пуля убьет его, он потеряет шанс убить Тремблэя, Иуду, предателя. Или он мог выстрелить в нее, выведя зверя из-под контроля и позволив ему опустошить остальных. Когда оставался один выстрел, ярость переполняла его. Он не мог спасти их. Он не мог спасти никого. Он был бесполезен и слаб. Он был бессмысленным, жалким и маленьким, и не осталось ничего, кроме вкуса злобы. "Как мы прощаем тех, кто посягает на нас...", — прошептал он, наводя прицел на спину Беатрис Тремблей. Она не двигалась. Какую бы нечистую силу она ни несла в себе, как болезнь, она была заперта в патовой ситуации с другой. Сравнившись в силе и злобе, ни один из них не мог одержать верх.

И тут он почувствовал присутствие.

Он читал, что некоторые Избранные снова слышали ангелов после их первоначального благословения. Он давно завидовал этому контакту, но теперь, когда они снова заговорили с ним, он вспомнил тот сырой ужас, который они принесли.

— ТОЛЬКО ТЫ МОЖЕШЬ СПАСТИ ИХ, — услышал он.

— Как? — прошептал он. — Пожалуйста. Пожалуйста, скажи мне как.

Присутствие внутри него уже казалось таким мощным, таким огромным, что ему казалось, будто его кожа вот-вот расколется.

Затем оно еще больше усилилось, принесся с собой поток образов. Он интуитивно понял, что слова — это не их путь, что их истинный язык — это сама реальность. Он увидел алтарь. Огонь. Он видел Евхаристию, вознесенную ввысь. Огромное распятие. Агоат с рогами, зацепившийся за куст.

— Жертва, — прошептал он. — Я отдаю ее. Все, что угодно.

Еще изображения. Он не мог отвести взгляд, потому что они были не только в его сознании, они были его сознанием. Это были его воспоминания, и он заново переживал их.

Ужасный взгляд хозяйки детской площадки.

— Что ты сделал с ним, Венделл? Что ты сделал?

Сгорая от стыда, судья сказал:

— Вы кажетесь честным молодым человеком, но вы должны контролировать свой нрав!

Страх в глазах его сержанта, когда Венделл встал на колени на груди мужчины, обрушивая удары на его лицо.

Ледяное спокойствие, когда Венделл вносил крошечные поправки в прицел, пока его цель шла через парковку, ела пончик, готовая к дневным убийствам.

Радость в его сердце, когда он выпускал пулю за пулей в спину вампира, а тот уползал, истекая украденной кровью, кряхтя и умолая.

Как дрожал сутенер Карлы, вглядываясь в ангельский туман, не понимая, что Венделл направил пистолет ему в лицо.

Кровавый раб плакал, когда Венделл размахивал бейсбольной битой на вытянутых руках мужчины.

Оправдание, которое он знал, когда ударил Карлу и закричал:

— Шлюха! Блудница! Соблазнительница!

И Жюстина на переднем сиденье, глаза блестели от страха, когда он набросился на нее.

Глаза Уэнделла были мокрыми от слез, когда он сказал:

— Да. Возьми. Возьми все.

†††

Не буду, не буду, карион утешать, Отчаянье, не буду пировать на тебе.

— Джерард Мэнли Хопкинс

Первый дикий выстрел Нил сделал в панике, но второй попал в цель, и это его успокоило. Время словно замедлилось, так как ужас того, чему он стал свидетелем, казалось, перегрузил его способность бояться. Третий и четвертый выстрелы он сделал в каком-то состоянии фуги, не думая, не чувствуя, просто действуя. Но он знал, что его пистолет рассчитан только на пять выстрелов, и после этого он умрет.

Когда он выбрасывал стреляную гильзу четвертого патрона, Нил увидел, что кто-то встал у берега реки и решительно направился вперед. Он успел подумать: "Это тот парень из магазина. Он тоже умрет", прежде чем на него налетели летучие мыши.

В руке у мужчины был пистолет, и когда он выстрелил из него в летучую мышь, появился ослепительный блик — словно короткий кусочек

дневного света, вкрапленный в ночь. Двое мужчин у костра так устали и измучились, что стояли на коленях на земле, слабо размахивая факелами, в то время как кружащие тени закрывались от них, чтобы убить. Но когда новоприбывший оказался в радиусе света их костра, он закричал "Прочь!", и чудовища бросились бежать. В сердце Нила зародилась маленькая, странная надежда, и он начал бежать, спотыкаясь, к этой загадке, к этому спасителю. Мужчина продолжал стрелять в воздух, давно уже опустевший револьвер. Он направил пистолет на странное, чудовищное,

адское существо — и вдруг оно снова стало просто бурым медведем. Он уклонился от огня и скрылся в темноте.

Женщина, Беатрис Дюшам, Беатрис Трэмблей, повернулась лицом к незнакомцу. Лучи ее фонарей казались теперь тусклыми, слабые электрические мерцания играли на лице мужчины. "Возвращайтесь", — сказал он ей. Его лицо было чистой маской серафического спокойствия.

Без слов она скрылась в ночи.

Введение

Итак, молю Тебя, если я нашел милость в очах Твоих, покажи мне ныне путь Твой, чтобы я познал Тебя, чтобы найти милость в очах Твоих, и рассмотри, что народ сей — народ Твой.

— Исход 33:13

Цена власти

Когда человек погружается в кошмарный мир, о существовании которого он даже не подозревал. Она пробуждается к ужасающей реальности, в которой чудовища, вещи из детских фантазий, доказали свое существование. Ночные существа не только реальны, они скрываются в тени, манипулируют ничем не подозревающими людьми и охотятся на беспомощных. Новоиспеченный охотник может на время отвернуться от этих тварей, но, скорее всего, ненадолго: она узнает их на работе или повсюду и в конце концов понимает, что люди, места и вещи, о которых она заботится, находятся под угрозой. Она должна что-то сделать.

Первые дни, ночи, недели и даже месяцы охотницы проходят в мучениях. Она осмеливается вступить в схватку со сверхъестественным, рискуя жизнью, конечностями, разумом и душой. Она может стремиться уничтожить каждое существо, которое ей попадется, заставить тварей понять ошибку их пути и существовать в гармонии с обществом, или же попытаться узнать секреты чудовищ. Независимо от того, какой подход она использует или на какой призыв отвечает, каждый урок, который она усваивает, и каждая победа, которую она одерживает, достаются ей тяжелым трудом. Такие, от которых появляются синяки, ломаются кости, иссякает дух, отдаляются друзья, заканчиваются карьеры и разрушаются семьи. Увидеть реальный мир и узнать проблеск правды может показаться бесценным даром — охотнице позволено пробудиться от сна, который затуманил ее разум прежде, — но она практически одинока в своем осознании и вынуждена примириться с новой жалкой жизнью.

Подвергаясь такому давлению, многие охотники не выдерживают. Они попадают под зубы и когти зверей, становятся игрушками кукловодов или лишают себя жизни, когда не могут больше выносить страданий. Другие, однако, умудряются выстоять. Они могут затаить сильную обиду или навязать себе миссию против сверхъестественного и просто не могут отпустить или не хотят быть побежденными. Они могут испытывать такую огромную скорбь или иметь такое щедрое прощение к монстрам, что отказываются прекратить примирение существ.

Или у них может быть такое ослепительное понимание мира или такие возвышенные стремления к нему, что они переносят все страдания ради исполнения высшего блага.

Те охотники, которые выживают, все глубже погружаются в охоту. Их прежняя жизнь становится не более чем воспоминаниями, пока они пытаются справиться с новыми монстрами или спасти хоть какие-то осколки надежды. По мере того как эти упорные немногие добиваются успехов и находят все больше крупиц правды, они обретают все большую силу. Они проявляют новые и странные способности, которые позволяют им продолжать миссию. Приобретаются ли эти способности как награда за победы или как инструменты, с помощью которых можно одержать победу, неизвестно. Посланники — или тот, кто или что пробуждает избранных, — не дают ответов. Но с ростом силы выжившие охотники могут совершать все большие подвиги, сталкиваться со все более могущественными существами и разгадывать все более загадочные тайны сверхъестественного.

Однако за эти преимущества, достоинства и проницательность приходится платить. Погружение в охоту отдаляет избранных от тех, кем они были раньше, настолько, что они могут потерять связь с собой и рассудок. Возможно, это бремя знания ужасных истин, свидетельство ужасных зрелищ или то, что они просто люди, наделенные нечеловеческой силой. Причина не имеет значения. Факт в том, что охотники, которые упорствуют, по иронии судьбы сходят с ума. Кажется ужасно несправедливым, что наградой за выполнение какой-то миссии является безумие, но неизвестно, что на уме у так называемых "Вестников", и чего они ждут от своих избранников. Ясно лишь, что упорное противостояние коррупции и обретение все более разнообразных и удивительных способностей разрушает разум и личность охотника, даже если он обретает силу.

Наделенные, достигшие этой потрясающей крайности, демонстрируют цену, которую они за это платят. Они кажутся неуравновешенными, руководствуются побуждениями и целями, которые непонятны "меньшим" охотникам. Эти экстремисты могут даже оказаться противниками для своих собратьев, когда намерения и цели сталкиваются. Группа охотников может планировать показать вампиру, как он может воздержаться от охоты на людей, чтобы выжить, в то время как "сумасшедший" охотник нацелен на уничтожение существа,

охотников и всех, кто с ними связан, потому что все они "явно" способствуют тому, что подпитывает неизвестное.

Как долго охотница-экстремистка сможет продержаться, обладая пугающей властью и борясь при этом со страшным расстройством, неизвестно. В конце концов, она может зайти слишком далеко и потерять себя из-за слабоумия. Она может принимать абсурдные, на первый взгляд, решения о "враге", которые заставят других наделенных силой или смертных убрать ее. Или она может направить против монстров все, что у нее есть, и слишком поздно понять, что этого слишком мало. К этому моменту охотница имеет долгую "карьеру" в качестве избранной, но обычно она не заканчивается хорошо ни для нее, ни для окружающих.

А что, если все не должно было закончиться именно так? Что если есть еще большие высоты, до которых экстремист может подняться в своем стремлении к цели? Что если существует еще большая власть, доступная ей, если только она может страдать, напрягаться, превозмогать или компрометировать себя настолько, чтобы достичь ее? Чего бы она тогда могла достичь? Какие чудесные подвиги она могла бы совершить? И, как и во всем, что связано с охотой, какую цену придется заплатить даже за эти достижения?

Или, что еще более пугающе, какие силы, существа или сущности могут предложить такую награду и поднять некоторых напитанных за пределы, в которые заключены остальные? Неужели эти чрезвычайно редкие избранные просто имеют в себе силы подняться над другими напитанными и экстремистами? Или за дело берутся другие "стороны", пытаясь понять, кем должны или могут стать охотники?

Есть только один способ выяснить это — при условии, что заключение сделки не приведет к падению из милости.

Взлет и падение

Fall from Grace — знаковая книга для Hunter: The Reckoning. Она посвящена игре и рассказу о самых одержимых, целеустремленных, сильных и безумных из проникнутых: экстремистах. Это персонажи, которые видели и делали смелые, опасные, ужасающие и трагические вещи во имя охоты. Они начинали, как и все избранные, с имбутинга, но сумели выжить и бороться достаточно долго, чтобы стать опытными, возможно, даже опытными в выполнении миссии. Однако с этим статусом приходят психические и эмоциональные стрессы и, в конечном итоге, полное безумие.

С точки зрения правил, "экстремисты" — это персонажи, которые достигают рейтинга 7 или выше в основной добродетели или в более чем одной добродетели — Милосердие, Видение или Рвение. Именно на уровне 7 добродетели у этих

решительных чемпионов развиваются отклонения, и именно на таких кажущихся вершинах власти их жизнь и личность действительно начинают рушиться.

В предыдущих книгах "Охотника" обсуждались экстремисты, кто они такие и как другие проникнутые склонны понимать их и иметь с ними дело. И только в этой книге эти "сумасшедшие", "психи" и "святые" рассматриваются со своими собственными концепциями, рекомендациями и правилами для использования игроками и рассказчиками. Вы получите идеи, как изобразить и обработать этих персонажей в вашей игре, независимо от того, 7 у них добродетель или 10, обладают ли они различными низкоуровневыми способностями или силой четвертого уровня. Вы также получите советы о том, как определить цели для таких пропитанных, и помощь в разыгрывании их сокрушительных недугов.

Однако на этом "Падение из милости" не заканчивается. Эта книга — вклад Хантера в "Год проклятых". Она задает опасный вопрос о том, как далеко готовы зайти одержимые, чтобы завершить свои квесты против монстров. Чем они готовы заплатить за силу, чтобы воплотить свои извращенные мечты в реальность. Задавая эти вопросы, эта книга разрушает границы, установленные ранее. Исследуются пути и способы достижения пятого уровня. Наконец-то охотники могут выйти за рамки ограничений, наложенных на них с тех пор, как был избран первый человек. Открываются двери к всемогуществу.

Но является ли доступ к таким возможностям благом, особенно когда имеешь дело с "маньяками", "сумасшедшими" и "перегоревшими"? Смогут ли экстремисты справиться с давлением и требованиями власти, которой человечество никогда не должно было обладать? Как долго смогут продержаться хрупкие тела и разум этих охотников? Что произойдет, когда они потерпят неудачу, и кого можно будет забрать с собой? Говорят, что умирающая звезда горит ярче всего в конце.

Пожалуй, самый животрепещущий вопрос, поднимаемый этой книгой, — откуда берутся эти силы? Далеко не всегда игровое дополнение диктует условия, видение или направление вашей игры. Fall from Grace предлагает три возможных истока эпической силы экстремистов, общие идеи и термины, которые, как мы надеемся, будут соответствовать и поддерживать вашу хронику, а не подменять или переписывать ее. Вы как игрок или вы как рассказчик решаете, что возможно для экстремистов в вашей игре, и вы решаете, как их эпические истории развернутся в вашей интерпретации Мира Тьмы.

Эта книга рассказывает три истории об экстремистах, которые поднялись на вершину

власти, и демонстрирует, как подобные судьбы могут встретиться в вашей игре.

Глава 1: Одиночный путь показывает один из путей к удивительной силе, которую вы знаете лучше всего, как достигнутую через верования и "стандартные" системы Охотников. Однако нет ничего "стандартного" в тех, кто идет этим независимым путем.

Глава 2: Трещины на пустынной земле показывает, что может произойти, когда посвященные стремятся к своим целям так горячо, что отказываются от всего остального, даже от самих себя. Такие усилия настолько впечатляют, что привлекают внимание сил, которые можно определить только как божественные.

Глава 3: "Дьявол, которого ты знаешь" исследует глубины, на которые готовы пойти некоторые беспокойные, фанатичные избранные, чтобы достичь своих извращенных или ненормальных целей. Этот порочный путь может обещать огромную силу, но это сделка с дьяволом.

Глава 4: Правила и повествование исследует идеи, возможности и системы для игры и управления экстремистами, а также для тех героических или трагических фигур, которые захватывают грани пятого уровня.

Исходный материал

Истории о людях, которые отдают все и заходят слишком далеко в достижении своих целей, вряд ли можно назвать новыми. Их рассказывают уже много веков, и вдохновение для охотника за экстремистами можно найти практически везде. Вот несколько примеров.

Моби Дик, автор Герман Мелвилл — классика. Морской капитан мстит существу, которое искалечило его много лет назад. Идеальная метафора охотника, преследующего чудовище, с которым он впервые столкнулся во время своего погружения — и сходящего с ума в процессе. К тому же Ахав не боится уничтожить своего врага и всех его союзников.

Сердце тьмы — либо книга Конрада, либо интерпретация Коппола "Апокалипсис сегодня". Курц — определенно человек, рядом с которым опасно находиться, безумец с моральной миссией, зашедший слишком далеко.

"Таинственная прогулка" Роберта Маккаммона — Книга о двух детях, Билли Крикморе и Уэйне Фальконере, которые растут в разных религиях (чокто и евангельское христианство). Дети ненавидят друг друга и, по сути, хотят друг другу смерти. Но затем они сталкиваются с "Изменяющим Облик", теряют рассудок и обретают силы в процессе борьбы с ним. Каждый персонаж является примером человека с неожиданными способностями, который жертвует направо и налево в битве со

сверхъестественным злом. "Ты придешь, когда я позову тебя" Дугласа Клегга — Роман ужасов с отличным настроением Охотника. Простые дети из "синих воротничков" выросли и сошли с ума, столкнувшись с существом под названием "Ангел отчаяния". Некоторые видят видения, некоторым снятся демоны, а другие просто заходят слишком далеко.

Падение вниз — Этот фильм обсуждался в предыдущих книгах Хантера, но и в этой книге он служит проницательной ссылкой. Обычный парень становится одержимым желанием увидеть свою разлученную жену и ребенка и теряет всякое представление о том, что правильно, а что нет. Его слова в конце могли быть произнесены с недоверием любым охотником, особенно экстремистом: "Я плохой парень?"

Memento — Фильм о человеке, который теряет способность создавать новые воспоминания. Он одержим идеей найти убийцу своей жены; ее смерть — последнее воспоминание, которое у него осталось. Он вытатуировал на своем теле следы ее смерти и сосредоточен исключительно на мести, не зная, как долго он этим занимается. История рассказывается в обратном, но плавном повествовании, от конца до начала.

Хрупкость — Хотя она и не идеальна в качестве учебника по грехопадению, это идеальный фильм об Охотнике со всех сторон. Главный герой (которого играет Билл Пакстон) приступает к своей миссии "убийства демонов, которые выглядят как люди" с простой целеустремленностью и без вопросов. К тому же, его почти невозможно поймать. Он даже вовлекает в это своих детей. Очень тревожная история о том, что могло бы быть с охотником, пошедшим наперекосяк. (Или уже сделал это?)

Сексуальная бестия — Фильм о бывшем заключенном, пытающемся уйти на пенсию и зажить мирной жизнью со своей женой в Испании. Бен Кингсли играет лондонского мастера, который собирает команду для ограбления, и отправляется в Испанию, чтобы завербовать отставного мошенника. Кингсли не принимает отказов в качестве ответа и уговаривает бывшего заключенного присоединиться к команде. Кингсли целеустремлен и пугающ в своей настойчивости.

"V За вендетту" Алана Мура и Дэвида Ллойда — Анархист/террорист/мессия в маске борется с фашистским английским правительством. "Ви" действует в соответствии со своими собственными планами, и его методы опасны и необъяснимы; он подвергает свою протеже месяцам психологических пыток, чтобы сломить ее дух и воссоздать ее по своему образу и подобию. Действия и стиль Ви легко использовать в качестве шаблона для действий и стиля воинствующего экстремиста.

"Болотная тварь" от DC Comics и Брайана К. Вона — не старая, а новая, с главной героиней

женского пола. Отличный комикс о девушке, которая когда-то казалась человеком, но которая начинает осознавать свою жестокую цветочную судьбу. У нее есть много вариантов, которые нужно сделать на этом пути, поскольку она становится все более холодной и начинает предпринимать крайние шаги, чтобы показать людям экологическую ошибку их пути. Ее

эволюция очень естественна: от старшеклассницы она превращается в наполовину растение /наполовину девочку, которая также рассматривает возможность убийства от имени "Зеленых".

Глава 1: Одинокая дорога

И суд обращен вспясть, и справедливость стоит вдали: ибо истина упала на улице, и справедливость не может войти.

— Исаия 59:14

10-1

Они хотят, чтобы я вела дневник. Дневник. Какая-то дурацкая техника тайм-менеджмента, которая должна помочь мне "упорядочить мысли" и "отслеживать прогресс". Сначала я думала, что это глупая идея, но, конечно, не стала этого говорить. Теперь я почти пристрастился к ней. Я пишу каждый день. И вот я завела еще одну тетрадь.

Сегодня я понял, что слежу за Мэри Эллен уже больше года. Я никогда не ожидала, что буду наблюдать за ней так долго. Я называю это "следить за ней". Я был уверен, что потеряю интерес через несколько недель. Я не чувствую себя одержимой. Но я не могу остановиться, так что, возможно, так и есть. У меня три ящика, полных таких тетрадей, но я не могу заставить себя даже прочитать их. Как будто ведение этих записей менее важно, чем их создание. Может быть, просмотр "Мэри Эллен" в каком-то странном смысле полезен для здоровья. Может быть, это помогает мне справиться.

Сейчас прошло несколько часов. Я не могу уснуть. Я думал о том, что написал ранее. Правда в том, что я прекрасно знаю, что то, что я делаю, нездорово. Мне не стыдно признаться, что мне просто одиноко. У меня нет никакого права разговаривать с Мэри Эллен или вмешиваться в ее жизнь, но слежка за ней каким-то образом заставляет меня чувствовать связь с ней. Как бы мне хотелось подойти к ней. Хотела бы я предложить ей свою помощь. Ей нужна помощь, я это знаю. До развода она была красивой, общительной женщиной, которая жила в доме за 400 000 долларов и любила устраивать званые ужины. Теперь у нее однокомнатная квартира в плохом районе города, и она живет на временные заработки. Она больше не встречается со своими старыми друзьями и, похоже, не завела новых. К ней никогда не приходят гости. Однажды мне удалось проникнуть в ее квартиру. Я знаю, что это было неправильно, но

Я сделал это. То, что я нашел, ужаснуло меня. Там не было никакой мебели, кроме старой раскладушки. На стенах ничего не висело. Ни занавесок, но окна были заклеены бумагой. Ни книг, ни журналов, только кипы и кипы газет. Маленький черно-белый телевизор и радио с часами. Несколько тарелок, кружка, вилка и ложка. Полотенце. И больше ничего. Женщина жила как монах. При разводе она получила кучу денег. На что она их потратила? И еще ее внешний вид. Она похудела на 20 или 30 килограммов.

Когда-то она была немного полновата. Теперь она почти как рельс. Кажется, она набрала немного мышц, но

не в том здоровом виде, как в спортзале. Она выглядит так, будто разбивала камни в цепной бригаде. А может, это ее стрижка заставляет меня думать о тюрьме. Раньше она была выше плеч. Теперь она подстрижена так коротко, что похожа на мужчину. Прежняя Мэри Эллен могла провести целый день, примеряя одежду в Nordstrom's. Теперь она одевается, как беженка в лагере.

Ее лицо. Ну, я уже писал об этом раньше. Возможно, напишу еще раз, но сейчас просто не могу.

Не спать допоздна

Они спят, думая, что находятся в безопасности. Но на самом деле они мягкие. Уязвимые. Беспомощные. Ничего, кроме слабой плоти, скрывающейся за тонкой оболочкой стен, дверей и простых замков. Я вторгаюсь. Я пробираюсь сквозь их защиту. Проникаю через их границы, как вирус. Заношу свой токсин глубоко в тела, где он принесет наибольший вред. Они спят, а я просеиваю мирские артефакты, разбросанные по их дому, как выброшенные мысли. Их небрежный мусор оскорбляет меня. Журнал о коже, запечатанный в пластик. Миска для хлопьев, покрытая несвежим, сухим молоком. Зеленый пуфик, испачканный коричневой подливкой. стакан из-под желе, пахнущий бурбоном. Моль, застрявшая между двумя оконными стеклами. Почему никто не ставит эти вещи на свои места? Почему именно я всегда должен все исправлять?

Но это не мой прекрасный дом. Это не моя прекрасная жизнь. Мне больше не место в таком месте. Меня изгнали из страны гостиницей. Если я останавливаюсь, чтобы оглядеться, у меня кружится голова и приходится прикусить губу, чтобы вспомнить, где я нахожусь. Это чужой мир. Дом счастливых невежд, которые не понимают, что нечто мертвое и когда-то похороненное, возможно, нюхает их мусор и прижимается носом к их окну.

Я не ношу обувь. Мне нужна тишина. Я чувствую ворс ковра сквозь носки, щекочущий мои подошвы, словно тысячи крошечных пальчиков. Где мои балетные тапочки, те, которые я носила, когда мне было восемь лет? Я хотела стать балериной, но мама сказала, что я толстая. Но посмотрите на меня сейчас, я ступаю так осторожно, так точно, танцуя по чужому полу. Я не хочу, чтобы дом меня слышал. Кажется, что прошла целая вечность, пока я пересекла комнату, нащупывая путь среди дешевой мебели, проходя мимо книжных полок,

установленных аляповатыми фарфоровыми животными.

В парадном зале сквозь занавески пробивается слабый желтый отблеск света на крыльце. Эти люди. Они оставляют свет на крыльце на всю ночь, в то время как их задний двор погружен во тьму. У них вокруг высокие заборы, чтобы защитить свою частную жизнь от соседей, с которыми они никогда не разговаривают и не ходят в гости. Я знаю. Я наблюдал за ними. Они, наверное, даже не знают имен друг друга. Может, мне тоже стоит навестить соседей? Внутри меня горит огонь, и пока он горит, я могу не спать всю ночь. Ничто не может меня тронуть. Я вошел через заднюю дверь. Она была без засова. Ни сигнализации. Только замок на цепочке, который выскочил, как зуб у ребенка.

Ковер продолжает подниматься по лестнице, и я тоже. Моя любимая песня звучит в глубине моего сознания: "Fa fa fa fa / fa fa fa fa...". Я — кошмар, который ищет сон, чтобы испортить его. Мне часто кажется, что я во сне, только он чужой, а не мой. На вершине лестницы я становлюсь статуей. Глаза полузакрыты, я слушаю, слышу. Слабые звуки — храп — из спальни хозяев. Трудно быть уверенным из-за белого шума кондиционера. Но этот же шум заглушает любой звук, который я могу издать. О Боже, холл. Ковер почти истерся до ниток посередине и испещрен выцветшими пятнами. Он выглядит так, будто ему место в мотеле. Стены обшиты панелями и выглядят ужасно. Меня тошнит. Я не хочу здесь находиться. Этот уродливый дом из сборных конструкций — не мой. Я так хочу быть в своем собственном доме, но этого дома больше нет, и людей, которые там жили, тоже нет, включая ту, которая раньше думала, что она — это я.

Шепот через лужайку. Рука в темноте. Запах дыма. Эти образы возвращают меня к текущей задаче.

Господин Ф:

Уничтожьте это после прочтения, как и раньше.

Где вы были? Я оставил это же сообщение в двух других местах. Насколько я могу судить, мы с тобой единственные, кто выжил на прошлой неделе. Если не считать Л., которого я вчера навещала в больнице. Он все еще не может говорить внятно, и доктор не думает, что это произойдет в ближайшее время.

Я бы хотел, чтобы вы, ребята, позволили мне больше участвовать. Наверное, я понимаю ваши причины, но мне трудно понять, что произошло. Теперь, когда прошло некоторое время, охрана на железнодорожном дворе снова работает довольно медленно. Я пробрался туда несколько дней назад и осмотрелся. Я сделал несколько снимков боевых действий.

Я нашел сарай для технического обслуживания со сломанным замком. Он был завален мусором, но среди этого хлама была странная куча новых вещей. Например, будильник, CD-плеер, мужской галстук, несколько ножей и ложек, пульт от телевизора. Ничего ценного. Но все они были чище, чем мусор, и лежали так, будто ими недавно пользовались. Хуже была пара детских кроссовок, книжка-раскраска (три страницы раскрашены) и несколько плюшевых животных. Я не получил от них никаких изображений.

Думаю, ясно, что наша подруга рассказала нам не все. Я хочу рассказать вам, почему я была так уверена, что мы должны работать с ней. За день до того, как она нашла нас, я кое-что увидела. Слова стихотворения, которое я читала, внезапно изменились и гласили: "Аутсайдеры становятся союзниками". Когда появилась М.Е., я подумала, что эти слова означают ее. Я все еще думаю, что происходит что-то важное. Я просто не уверен, что с этим делать.

Каким бы ни был тот монстр, с которым ты сражался, похоже, его больше нет. Я думаю, мы должны чувствовать себя хорошо. Ты видел в газете статью о ребенке Руни? Полиция арестовала его дядю. По-моему, доказательства выглядят довольно скудными. Кто-то подставил его? Полиция облажалась? Я все время думаю о тех кроссовках. Они были синие и красные, мальчишечьи. Может, я воображаю то, чего нет. Но вы же сказали, что я в этом хороша, верно? М.Е. сказал, что больше детей исчезнет, если мы ничего не сделаем. Я постоянно напоминаю себе об этом.

Если вы там, напишите, пожалуйста, ответ. Вы знаете, где я. Мы должны понять, что делать дальше. Давайте составим план.

С.

Наконец, я дохожу до детской комнаты. Она находится в дальнем конце коридора. Я знаю это, наблюдая за домом, заглядывая в окна в бинокль и зарисовывая вероятные планы этажей на нижней стороне коробки из-под пиццы. Когда я вызываю в памяти карту, я чувствую запах сыра.

Дверь приоткрыта. Мне почти не нужно ее двигать. Я скольжу в комнату, как призрак. Маленькая девочка спит. Смеющиеся пони и улыбающиеся цветы гоняются друг за другом по ее стеганому пледу. Их вечно солнечный мир поднимается и опускается, когда она дышит. Я подхожу к кровати, наклоняюсь поближе и чувствую запах зубной пасты на ее дыхании. Ее щеки такие круглые и румяные, как хурма. Ее уши — маленькие морские раковины. Я хочу погладить ее волосы, поцеловать в шею. Мама здесь, Эмбер. Но не пойми меня неправильно. Я знаю, что это не Эмбер. Правда, знаю. Игрушки и мягкие животные расставлены вокруг ее

кровати, как круг учеников. Кукла на комодке смотрит на меня, ее мертвые глаза блестят в лунном свете. Мои инструменты лежат в рюкзаке, аккуратно уложенные, чтобы не шуметь. Я снимаю рюкзак и начинаю свою кроваво-красную работу.

Когда все заканчивается, когда я уйду из дома, когда я возвращаюсь в свое убежище, я закрываю глаза и представляю маленькую девочку. Мне интересно, как ее зовут. Интересно, кто ее друзья, какие у нее учителя, какие мультфильмы она смотрит. Единственное, о чем я не задумываюсь, так это о том, поймет ли она когда-нибудь, что я для нее сделал. Я знаю, что не поймет. Завтра будет травмирующий день. Она будет напугана криками своих родителей, когда они увидят красные слова, которые я намалевал на стенах. Она не поймет последствий сломанного замка или грязных следов, которые я оставил на заднем крыльце. Но ее родители поймут смысл. После того, как полиция уедет, они поставят хорошие, крепкие замки на свои двери. Они будут говорить о том, чтобы завести сигнализацию или большую собаку. Они поговорят с соседями. Вся община станет осторожной. Они станут недоверчивыми к незнакомцам. Они будут прикрывать друг друга. Они будут внимательно следить за своими детьми.

И реальное существо, преследующее этот район, решит оставить их в покое и уйти в другое место.

Маленькие существа

Сон уходит от меня (или я уйду от него), как камень, брошенный в реку. В дверях стоит человеческий ребенок — тощий, темноволосый коротышка в очках с толстыми стеклами и грязным лицом. Он похож на Гарри Поттера, если бы Гарри Поттер проводил свои дни, играя на свалках и в кучах грязи. На секунду я задумываюсь, не является ли он воображаемым, если обе мои трясущиеся ноги стоят в реальности. Мой желудок грызет меня, а в горле сухо, как в пустом колодеце. Я бросаю на уродливого подростка свой лучший гневный взгляд. Он закатывает один из рукавов, чтобы показать один из знаков, нарисованных на его руке. Он улыбается кривой улыбкой, не зная, что во мне что-то отложило яйца.

"Нет, — отвечаю я ему, — меня зовут не Мэри Элен. И мне это не интересно". Я начинаю толкать дверь. "Подождите", — говорит он. "Я искал тебя повсюду! Я должен с тобой поговорить!" Он ставит ногу перед дверью. Четыре дня без еды сделали меня слишком слабой, чтобы заставить его вернуться.

"Убирайся", — рычу я. "Вы ошиблись человеком". Кто его послал? От злости мои кулаки сжимаются, как у удава-констриктора.

"Нет, не знаю, мэм", — говорит он. "Я знаю, кто вы. Я видела вас раньше. Вы меня не видели, но слышали обо мне. Я — С".

†††

Ближайшее место, где можно поесть, — один из тех ресторанов с жареными цыплятами. Улыбающийся цыпленок на двери, кажется, не понимает, что он в меню. Я уже видел этот взгляд. Ребенок не только настаивает на том, чтобы есть все руками, но и умудряется размазать жирный куриный жир по всему рту. Я заставляю его вытирать лицо и есть ножом и вилкой, прежде чем с ним разговаривать. Он выглядит так, будто месяц ходит в одной и той же футболке. Она вся в пятнах от еды и почти протерлась на плечах. Его осанка ужасна.

"Начни с рассказа о том, как ты меня нашел", — говорю я, потому что больше не могу смотреть, как он жует с открытым ртом. Мои слова, кажется, кружат у меня в голове, как мухи. Видение в мотеле покинуло меня. Я больше не могу его вспомнить, но голова все еще кружится.

"О, я просто вроде как догадался. Подумал об этом и все такое. Думаю, мне немного повезло. После драки на железнодорожной станции в Куинси я разместил несколько сообщений на hunter-net..."

"На чем?"

"«Hunter-net»? В Интернете? Разве ты им не пользуешься?" "Я ненавижу компьютеры", — говорю я ему. "Не ешь, пока разговариваешь". Мне нечего сказать, но я поддерживаю разговор. Это на меня не похоже.

"В общем, — он откладывает куриную ножку, — я получил письмо от одного знакомого парня. Он сказал, что он и еще несколько парней встретились с тобой и что-то планировали. Так что я пошел к нему и потусовался некоторое время. Тебя уже не было. Но потом я получил сообщение и..."

"Сообщение от кого?"

"От... ну, вы знаете... посланников". Его голос немного понижается. "Я получаю их каждые несколько недель".

Посланники. Вестники. Я слышал, как другие охотники используют эти термины. Это грубые слова, основанные на неразумных предположениях. Я называю их голосами, чем бы они ни были, потому что все, что я знаю наверняка, это то, что они говорят со мной. Я думаю.

"Я читала свою книгу стихов, — говорит Си. "Современные американские поэты". Вот где они всегда со мной разговаривают. Ты любишь поэзию?"

Только Talking Heads". Что я сделал той ночью. То, что она сказала той ночью". Он смотрит на меня. "Закончи свою историю", — говорю я ему.

"В общем, я смотрю на стихотворение Э.Э. Каммингса, и вдруг слова переставляются, и получается "ДОМ СПЯЩЕЙ ЛУНЫ". Круто, да?

Я думал об этом около дня, а потом вспомнил, что на шоссе 13 был мотель под названием "Сонная луна". Когда мне было девять лет, дядя взял меня туда на выставку камней и минералов. Я купил окаменевшую рыбу девонского периода. Именно тогда у рыб впервые появились челюсти. Знаете ли вы, что сегодня существует только два вида бесчелюстных рыб? Миксина и.... Итак, я прокрался по отелю и, знаете, нашел ваш номер".

Он сосет соломинку, пока вся газировка не вытечет из его стакана, и продолжает сосать, издавая раздражающий хлюпающий звук. "Как ты добираться до всех этих мест? Ты слишком молод, чтобы водить машину".

"О, меня возит мой дядя Пит". Он наклоняется вперед и шепчет: "Он немного туповат. Я могу заставить его делать все, что захочу".

Теперь, когда я поел, я чувствую, как ко мне возвращаются силы. Я чувствую огонь, горящий за моими ребрами. Мои мышцы разогрелись, и я чувствую потребность действовать, делать что-то, быть подальше отсюда. Мне нужно отделить себя от этого грязного ребенка с его отвратительными манерами за столом и сотнями вопросов. Мне нужно добраться до какого-то города под названием Тринити. Так сказал мертвый голос.

Что-то изменилось со времени моего видения в мотеле. Где-то внутри меня выдуваются яйца, и их обитатели выползают наружу. Крошечные монстры в моих венах. Я должен просто оставить этого парня здесь, но я не могу. Он ловко устроился рядом со мной, и мне придется забрать его домой. Я не могу бросить его здесь. Я хочу, но не могу. Слишком много детей никогда не возвращаются домой.

"Я много думал о драке в Куинси", — говорит он. "Кроме тебя, только один человек выбрался. Этот парень, мистер Ф., он..."

"Как только вы услышите голоса, ваши дни сочтены. Ты должен это понять". Если он ожидает, что я возьму на себя ответственность за смерть его приятелей — Кайла и остальных — он будет разочарован.

"Это была моя вина", — говорит он. "Видите ли, я — я был — своего рода лидером группы. Я убедил их пойти с вами. Теперь я понимаю, что это была ошибка. Я сделал это из-за сообщения, которое я получил. В нем говорилось, что я должен помочь тебе. Но я думал об этом и теперь понимаю, что послание было адресовано мне — лично мне. Я должен был помочь тебе. Вот почему я искал тебя. Чтобы помочь".

Я могу только смотреть на мальчика, чувствуя, как горячие силы скользят по моей коже, и гадая, как долго я смогу держать их под контролем. На долю секунды я представляю себя и этого мальчика парой муравьев на подъездной

дорожке, одержимых хлебной крошкой, в то время как Ford Explorer выезжает из гаража и катится к нам.

С

Я был далеко, очень далеко, но об этом я расскажу вам в другой раз. Надеюсь, ты получишь это сообщение. Пожалуйста, свяжитесь со мной прямо сейчас. Я кое-что проверил. Эта женщина в Куинси — плохие новости. Она не в своем уме. Я поговорил с теми, кто с ней работал. Они все говорят, что она опасна. Если она появится снова, не подходите к ней. Я серьезно, Си. Не позволяй своему любопытству взять верх над тобой. Ты же умный парень, поэтому знаешь, что нужно слушать меня, верно? Свяжитесь со мной, и я решу, что нужно сделать. А ты держись от нее подальше.

Ф

Говорение на языках

Сейчас я в другом месте, скрючившись на земле. Руки прижаты к груди умирающего человека. Это Майкл. Я мокрый. Идет дождь. Он был запятнан. Один из них. Его застрелили. Неважно. Кровь теплеет под моими руками. Смывается дождем. Надавите на рану. Пуля внутри него? Он кашляет. Не могу остановить кровотечение. Неважно. Меня это не беспокоит. А должно? "Посмотри на меня", — говорит тот, кто стрелял в него. Он держит пистолет нацеленным на меня. На его лице камуфляжный грим. Знаю ли я его? "Я видел, как ты разговаривал с той куклой", — говорит он. "Ты не был так разговорчив со мной или другими в Куинси. Помнишь?"

Затем я помещаю его. Один из группы С. 'Ф.' Выживший. "Ты изменился в лице", — говорю я ему.

"Я не хочу убивать тебя, если мне не придется, Мэри Элен". "Это больше не мое имя", — говорю я ему. "Стреляй, если хочешь. Мне все равно".

Он игнорирует меня. Он говорит как школьный учитель, который поймал ребенка на курении. Наверняка он долго думал над этой лекцией. "С той ночи я разговаривал со многими людьми", — говорит он. "Другим охотникам, которые пострадали, спасибо за вас".

Майкл перестал дышать. Я отнимаю руку от его раны. Он вздыхает, как любовник. Я двигаюсь медленно. Смещаю свой вес. Готовлюсь к пружине. Я наклоняю голову, чтобы дождь не попадал мне в глаза.

Он нервничает. У него дрожат руки. Он боится меня. "Мы на войне, понимаешь?" — говорит он. Он жуёт свою нижнюю губу. "Это не просто фигура речи. Мы на войне. Возможно, это

наш последний шанс. Мне кажется, ты забыл, на чьей ты стороне".

"Я не хочу...", — начинаю говорить я, но тут мир меняется. Свет, тепло или энергия вырываются из меня. Мои глаза. Мой рот. Мои поры. Мне тепло. Моя усталость исчезла. Я стою. Странные слоги эхом отдаются в моих ушах: "NABA IA VEDDUN MONEM ESSET UMMUM". Теперь меня не тронет ни одна пуля. Я могу добраться до него в мгновение ока, если захочу. Выхватить у него оружие.

Но потом свет выключается и оставляет меня пустым. "О, о Боже", — заикается он, покачиваясь, но все еще направляя на меня свой пистолет. "Вы слышали это? Это были они?" Я не понимаю, о чем он говорит. "Наверное, ты так далеко зашел", — говорит он. "Они больше не говорят с тобой. Но я слышал это". Он стоит немного прямее.

"Там было сказано: "ЭТОТ ДАР БУДЕТ ВАШИМ, КОГДА ВЫ ЗАСЛУЖИТЕ ЕГО". Вы понимаете, что это значит? Ангелы. Они не оставили тебя".

Ангелы? Посланники. Вестники. Голоса. У меня болит голова. Мое сердце бьется, как пойманная птица. На долю секунды все обретает смысл. Я изо всех сил пытаюсь удержать истину, которую мне нашептали. Я знаю. Наконец-то я знаю, кто мои настоящие враги. Дети под угрозой. Муж в соучастии. Никому нельзя доверять. Монстры повсюду. Но кто стоит за монстрами? Кто знает о них все? Кто открыл их мне? Когда я была Мэри Эллен, кто позволил мне смотреть, как похищают моих детей, но не дал мне силы спасти их?

"Посланники", — говорю я. Дышите. Держи себя в руках. Он пока не стреляет. "Они дают нам палки и камни, чтобы бороться с ураганом. Либо они получают удовольствие от нашей боли, либо им все равно". Удерживайте его внимание еще немного.

"Ты сумасшедший". Он принимает преувеличенную стойку для стрельбы, которую он видел по телевизору. "Я боялся этого. Мне жаль. Правда. Вы много страдали, я уверен, но вы не оставляете мне выбора. Нам всем будет лучше, если... Вы можете сначала помолиться, если хотите".

"Мне не нужно молиться".

Позади него. Массивная тень, обрамленная дождем. Огромная рука сжимает пистолет, затем пальцы. Кости трещат, как сельдерей. Другая рука сжимает его шею. Щелчок. Я отступаю назад и беру ломик, который я принес сюда. Я поставил себя на ноги. Слишком устал, чтобы бежать. Слишком устал для трюков. Не знаю, смогу ли я это сделать.

Гигант позволяет телу "Ф" опуститься на мокрый бетон. Я готовлюсь. Существо игнорирует меня. Склоняется над телом Майкла. Пальцы, похожие на сосиски, касаются его

груди, гладят волосы. Оно стоит. Десять футов скрученной плоти. "Вид на память/Центр отсутствует". Разорванная одежда, черная, обугленная кожа, кровь, стекающая под дождем. Запах паленых волос. Он ранен. Может быть, у меня есть шанс. Оно смотрит на меня. В моих глазах дождь. Что-то не так с тенями на его лице.

"Ты должен покинуть это место", — говорю я громко, надеясь, что он поймет. Я указываю на труп Майкла. "Твой хозяин мертв".

Он произносит. "Вы не поняли. Я — хозяин". Я слышу слова, но их смысл, кажется, бесконтрольно проходит через мой мозг, как вода через сито, а затем я падаю в длинный, темный туннель в небытие.

10-3

Черт. Я должен был это предвидеть. Я проезжал мимо ее квартиры сегодня утром. Бумага с окон была снята, свет горел, и я мог видеть людей внутри. Похоже, хозяин показывал квартиру возможным арендаторам. Я сделал вид, что я друг Мэри Эллен, которого не было в городе. Хозяин сказал, что она съехала. Просто встала и ушла — что она сунула ему под дверь немного денег и ушла, когда он открыл дверь.

Я должен был этого ожидать. У нее была привычка уезжать на несколько недель, и исчезновения становились все более продолжительными. Я никогда не мог проследить за ней из-за своей работы. Теперь она исчезла, и у меня нет возможности найти ее. Что мне делать?

Моя жизнь в кустах привидений

"Вы уверены, что знаете, о чем говорите? Это уже третья ночь и пока ничего. Должен сказать, мы начинаем думать, что могли бы лучше проводить время, понимаете? Убивать врагов вместо того, чтобы убивать время". Его зовут Кайл или Кевин, или что-то на букву К. В этом я уверен. У него есть два способа скоротать время: болтать, как обезьяна-паук, или постукивать пальцами по приборной панели. И никогда одновременно. Ногти у него грязные. Он нервничает, но старается не подавать виду. У него есть пистолет, и он думает, что я об этом не знаю. Пистолет лежит под рубашкой, засунутый в брюки. Мне всегда казалось глупым, когда мужчина носил пистолет вот так, как по телевизору. Смертоносная сила направлена на его собственную промежность. Я отворачиваюсь от него и смотрю в ночь, которая окутывает машину и готова нас съесть. Когда-то не было ночей, были только дни. Кевин или Кайл делает глоток кофе. Он остановился в "Старбаксе" перед тем, как встретиться со мной. В "Старбакс". Я сосредотачиваюсь на дыхательных упражнениях. Дыхание равно жизни. "Ветер в моем сердце/Пыль в моей голове". Жизнь равна дыханию. Он снова начинает говорить.

"Мы не кучка новичков, знаешь ли. Конечно, пару раз мы облажались, но сейчас мы действительно держим себя в руках. Мы уложили много мерзких ублюдков". Еще один глоток кофе. Арпеджио по рулю. "Кто-то сказал мне, что вы охотитесь уже около года. Это много ночей". Глоток. "Каково это после стольких лет? Держу пари, ты повидал немало серьезного дерьма".

Я не обращаю внимания на его ругательства. Я ищу огонь в своем животе, чуть ниже грудной клетки. Дела идут не очень хорошо. После трех ночей ничегонеделания огонь угасает. Я должен подпитать его, разжечь, сделать его больше, сделать его сильнее. Если я этого не сделаю, я вернусь к тем плохим дням, когда просто вставать с постели было больно.

Теперь Кайл рассказывает мне, как все меняется, как охотники собираются вместе и скоро они свергнут империю зла, поработившую человечество. Он поднимает спор о том, кто враг — пришельцы с другой планеты или сверхъестественные монстры. Когда я ничего не говорю, он спорит сам с собой, принимая то одну, то другую сторону. Он и его группа считают, что важно, откуда взялся враг, почему он здесь, какова его истинная природа. Они не понимают, что единственная битва, которая имеет значение, — это та, в которой ты участвуешь в данный момент.

"Однажды ночью, — говорю я, прерывая его нудное позирование, — я был в городе под названием Вифлеем, в Пенсильвании. Я был весь в синяках, устал и едва мог идти. Шел дождь. Мне нужно было успеть на автобус через три часа, и я боялся, что если лягу где-нибудь спать, то не успею проснуться. Я увидел кафе и решил зайти. Там было около 15 человек, которые сидели и ждали, когда кто-то выйдет на сцену. Я заказал суп и сел сзади. Молодая девушка подошла к микрофону. На вид ей было не больше 20 лет. У нее не было никакого инструмента. Она не представилась. Она просто начала петь без аккомпанемента".

Мой голос лошадиный и монотонный, непрактичный, певучий, как будто я декламирую по памяти, что я, конечно, и делаю. Обычно я не разговариваю с другими людьми подолгу. Слова могут быть использованы против тебя, потому что ты никогда не знаешь, что еще может слушать. Когда я делаю паузу, он поворачивается ко мне и смотрит, ожидая продолжения. Кевин думает, что я рассказываю историю ему. Я продолжаю. "Ее голос звучал самой изысканной музыкой, которую я когда-либо слышал. Боль утихла. Мне стало легче. Это было похоже на колыбельную. Как в постели, когда мама рассказывает тебе сказку..."

Мой голос на мгновение затихает, когда в голове проплывает образ любимой сказки моей младшей дочери на ночь. Затем я прочищаю горло и продолжаю. "Это было как обещание мира. Как сам мир". Я делаю глубокий вдох.

"Когда я включила зрение, я увидела, что комната переполнена духами — по крайней мере, три на каждого человека. Все они смотрели на сцену, вслушиваясь в каждую ноту. Даже те, у кого не было лиц — или голов, — казалось, пребывали в блаженстве. Затем я посмотрел на певицу. Это не она пела. Это что-то запуталось внутри нее, управляя ею, как марионеткой".

Кайл вмешивается с медленным свистом. "Суууука. Я не знал, что они могут это делать. Кто-то сказал мне, что они могут поехать с нами, понимаешь? Но не трое или больше". "Я подождал после закрытия заведения. Несколько друзей девушки проводили ее до дома, но за квартал до ее квартиры они повернули, чтобы идти своей дорогой. Когда она открыла дверь в холл, я бросился и сбил ее с ног. Я сломал ей три ребра, прежде чем паразит покинул ее тело. Затем я удержал его на месте и проткнул его. Я наблюдал, как она дрожит, как пресловутый соляной столб. Я оставил девушку плакать на полу. Когда я был в нескольких кварталах от дома, я остановился в переулке, чтобы меня вырвало".

Кит поворачивается, чтобы посмотреть в лобовое стекло, его рот беззвучно открывается и закрывается. Его пальцы больше не постукивают. Для его пользы я добавляю: "Вот на что это похоже".

Память сделала свое дело. Огонь снова горит во мне ровно. Пока, во всяком случае.

Дорога в никуда

Я еду по черному шоссе. Я не могу ехать достаточно быстро. В сутках не хватает часов, чтобы найти, ранить и убить все, что я ненавижу. Внутри меня что-то голодное советует мне быть терпеливым.

Говорит ребенок С. "Откуда ты узнал об этой машине?" — спрашивает он. Он все еще не пристегнул ремень безопасности, хотя я три раза ему об этом говорила.

"Винсент рассказал мне об этом", — отвечаю я. Этот разговор утомляет меня. Вещи внутри меня, свернувшиеся змеи, молчат, как будто ждут чего-то. "Он принадлежит одному из нас, который оставляет его для других. Ты просто должен вернуть его с бензином и деньгами". Я устала от этих бесконечных вопросов. Но первый урок, который усваивает каждый родитель, — это терпение. Должно быть, этот урок все еще со мной, просто похоронен.

"Кто такой Винсент? Твой муж?"

Я почти смеюсь над контрастом между Майклом, который и мухи не обидит, и Винсентом, который считает всех, кроме себя, насекомыми. Как такой мечтатель, как Майкл, вообще смог поступить на юридический факультет? Я начинаю задаваться вопросом, где он может быть сейчас, но мысли о Майкле

делают меня слабой, поэтому я отвечаю на вопрос. "Винсент был охотником, которого я встретил вскоре после того, как ушел из дома", — говорю я, надеясь, что мой голос не даст мальчику заполнить воздух своим. "Он научил меня многим вещам, необходимым для выживания. Дратся, стрелять, воровать. Сначала я думал, что он делал это, потому что хотел залезть ко мне в штаны. Позже я понял, что все было еще хуже. Он хотел залезть в мою голову. Он хотел наполнить меня своими идеями и сделать из меня другую версию себя. Это почти сработало".

"Так что с ним случилось?"

"Он мертв. Я убил его. Вообще-то, его убило что-то другое, а я стоял в стороне и позволяя этому случиться".

Я надеюсь, что моя откровенность шокирует мальчика, но он не упускает ни секунды, отвечая: "Думаю, у тебя были свои причины".

Психо-Убийца

Проснуться. Трава. Где я? Лежу перед домом Мэри Эллен? Смотрю, как он снова сгорает? Нет. Дневной свет заливал мне глаза. Прохладный ветер. С стоит надо мной, призывая проснуться. Глаза фокусируются. Серое небо. Забор.

Мой день в парке

Эмбер К. Класс 3b

Фернвильская начальная школа

Я был в парке в субботу и играл на качелях, а потом катался на горке. А потом милая женщина сказала, как тебя зовут, и она выглядела очень смешно и была одета в смешную одежду, и тогда мне захотелось спать. Она сказала, посмотри на этот янтарь, и показала мне красивую игрушку пони и сказала, что я могу ее взять. А потом собака залаяла и залаяла, и женщина ушла, а мама сказала, что пора идти домой. Я хотела бы иметь этого пони. Окончание.

"Ты в порядке?" спрашивает меня С. Глупый вопрос. Он предлагает свою руку. Я игнорирую ее и, шатаясь, поднимаюсь на ноги. Я все еще нахожусь в депо Троицы. С моргает на меня.

"У тебя есть еще один мертвый друг", — говорю я ему. "Дерганый парень по имени Ф."

Он кивает. "Мистер Франклин.... В... газете. Там сказано, — он сглатывает, — что пропал еще один ребенок. Через два или три города, в Джуте".

Что-то привлекло мое внимание. Непонятная форма, извивающаяся на ветру. Я пристально смотрю на нее. "Не моя забота", — отвечаю я.

"Но..."

"Это не моя проблема", — говорю я. Дети исчезают. Майкл мертв. "Факты простые и

факты прямые/ Факты ленивые и факты поздние". Мэри Эллен было бы не все равно, но мне все равно. Я близок к концу. К какому-то концу. Тонкий след дыма висит передо мной. Одна его часть тянется назад к депо. Другой тянется через дорогу и исчезает. Это я проложил след? Кажется маловероятным. Может, это был подарок. Или взятка.

С смотрит на свои ноги. "Сегодня утром я получил еще одно сообщение. О тебе. В нем говорилось..."

"Мне все равно. Я не работаю на голоса. Посланников. Как хочешь, так и называй. Больше нет". Он подходит ко мне, открывая рот, чтобы что-то сказать. Моя рука обхватывает его горло прежде, чем я успеваю остановить его. "Ты — их создание", — говорю я ему. "Может быть, если я убью тебя, им будет больно". Это было бы справедливо. Удовлетворительно. Мой разум спокоен, но тело содрогается от ярости. Я почти не замечаю, как он задыхается, задыхается. Его глаза выпучиваются, слезятся. Он не борется. Не поднимает руки. Он хромой, как тряпичная кукла. Это было бы легко. Я чувствую, как моя рука напрягается, сжимается. Его шея горячая.

Меня останавливает не милосердие. Не слабость или отсутствие решимости. Это что-то, чему я не могу дать названия. Какое-то ядро Мэри Эллен, которое все еще глубоко внутри меня, не сгорело, еще не сгорело. "Вот почему твои хозяева выбрали тебя своим глашатаем", — говорю я мальчику. Он падает. Я проверяю солнце. Он кашляет, хрипит и держится за горло. Еще раннее утро. Великан был тяжело ранен. Он не мог далеко уйти. Я найду его. И я найду детей Мэри Эллен. Не потому, что они мне нужны. Не потому, что я нужен им. Потому что "посланники" не хотят этого.

Но когда я их найду, что тогда?

"Я еду в город", — говорю я К. "Не ходи за мной". А потом какая-то часть меня добавляет: "Пожалуйста, Кельвин. Держись от меня подальше".

Жизнь в военное время

Это моя четвертая ночь в Куинси, я сторожу железнодорожный двор в потрепанной, вонючей "Нове" Кевина. Ситуация разлагается. Огонь во мне разгорается. "Триста шестьдесят пять градусов/Вспыхнет пламенем". Я удивлен, что из моих ушей не идет дым. У меня зуд. У меня судороги. Я хочу выбраться из этого ржавого двухдверного склепа. У меня такое чувство, будто я застрял в подводной лодке на глубине 10 миль под поверхностью. Я не хочу дышать одним воздухом с этим 25-летним выпускником школы. Его прогорклым дыханием. Его чесночный запах тела. Если бы он не был пропитан, Кайл, вероятно, проводил бы свои ночи на чьем-нибудь заднем крыльце, отравляя себя зерновым спиртом и наркотиками. Лобовое стекло машины

испачкано сажей и птичьим пометом. Все, к чему я прикасаюсь, липкое или жирное.

Сегодня — последний шанс. Их лидер, "С", тот, кого они не пускают ко мне, убедил их. Они обращаются друг к другу по инициалам, как герои фильма о Джеймсе Бонде. Последний шанс, и если существо, о котором я им рассказал, не появится, я останусь один. Почему такой ультиматум? Что-то контролирует этого их лидера? Почему он пытается подорвать меня? Я заставлю Кайла сказать мне, кто такой С. Подожду до конца ночи, когда он устанет. Это будет приятно. Выплеснет энергию. Научи его не использовать ненормативную лексику. Я презираю сквернословие. Сначала убедитесь, что вы забрали пистолет.

А может, это не имеет значения. Может, все это напрасно. Может быть, чудовище, которое я ищу, уже покинуло город. Оно умное, я знаю, и мобильное. Похоже, оно предпочитает путешествовать на товарных поездах, хотя иногда оно исчезает совсем и появляется в другом месте. Я найду его. Я не сдамся. Когда я думаю о его поисках, что-то поднимается из груди, становится кислым во рту и пытается прорваться через горло. Мои ладони потеют. Кожа на лбу натянулась. В животе — тепловой удар. Такое же чувство испытываешь, когда берешь что-то в руки и сжимаешь до тех пор, пока оно не треснет.

Дорогая Мэри Эллен,

Прошло уже три месяца с момента моего последнего письма. Твой ответ ясно дал понять, что ты не хочешь меня слышать, но я решила, что не могу позволить, чтобы все так закончилось. Я не могу просто сидеть сложа руки, пока ты вычеркиваешь меня из своей жизни. Я знаю, что мы отдалились друг от друга с тех пор, как ты женился. Мы даже не виделись с тех пор, как я переехала в Прованс. Но ты моя сестра и всегда ею будешь. Я хочу быть рядом с тобой. Я думаю, что было ошибкой не разрешить нам приехать на похороны. Я бы хотела, чтобы мы прилетели, что бы ты ни говорила. Жаль, что меня не было рядом, чтобы помочь тебе. Когда мы с Анри говорили о детях, я не могу удержаться от слез. Я не могу представить, через какую боль ты прошла, через что ты все еще проходишь. Может быть, тебе было бы не так больно, если бы ты опиралась на нас.

Вы сказали, что не разговаривали с Майклом после развода. Это было почти два года назад. Два года. Я не понимаю. У вас были такие крепкие отношения. Я знаю, что потеря

детей изменила все для вас обоих, но игнорировать друг друга не имеет смысла. Вы нуждались друг в друге тогда, и я думаю, вы все еще нуждаетесь. Я полню Майкла таким милым парнем. Пожалуйста, подумайте о том, чтобы поговорить с ним. Просто поговорить. Это было бы так хорошо для вас обоих.

Пожалуйста, Мэри Эллен, напишите ответ. Звоните. Приходите в гости. Я никогда не откажусь от тебя. Давай снова станем сестрами.

С любовью, Сара

Без сострадания

Я стою на коленях рядом с Китом, а он хнычет и всхлипывает. "Я не могу видеть", — говорит он. Его голова раздроблена, как кусок гнилого фрукта. Я чувствую запах крови и мозга. "О, Боже, как больно. Мама? Помоги мне".

Он последний, кто остался. "Так что просыпайтесь/Молодые любовники/Все кончено...". Я был прав, когда использовал его группу, чтобы проверить защиту монстра. Я узнал ценную информацию. Я видел, как каждый из них падал. Я наблюдал, как "М", смелый полузащитник, подбежал к твари сзади, размахивая огненным топором. Я молча считал, пока тварь крутилась вокруг него (одна секунда), схватила его за лицо (две секунды) и швырнула в стену (три секунды). После этого М не двигался.

Затем я увидел, как другие охотники заняли свои позиции с сетями и ружьями. Я слышал, как они дразнили чудовище, словно дети на школьном дворе. Через несколько ударов сердца все они катались по земле, цепляясь когтями за колючки, которые вырвались из пальцев твари и впились им в лица.

Я получил самый лучший вид на это существо, который у меня был, после всех тех месяцев, что я его преследовал. Он стоит 10, может быть, 12 футов ростом, хотя обычно ходит сгорбившись. Что-то не так с его спиной. У него длинная, морщинистая шерсть, которая всегда кажется мокрой от пота или масла. Лоскуты слипшейся шерсти, похожие на грязно-желтых червей, свисают над глазами, сбиваются на голове и вдоль рук. На почти скелетных руках — когти.

Мое лицо становится горячим. Я уже видел эти руки раньше. Я видел, как этот искаженный силуэт шаркает по моей лужайке. Сомнений нет. Это тот самый.

Это то существо, которое забрало моих детей.

Гигант движется среди умирающих охотников, как крыса, пробирающаяся между кучами мусора. Он нависает над каждым умирающим мальчиком, что-то шепчет ему на

ухо, а затем крутит его голову, пока не свернет ему шею.

Я жду, когда существо повернется ко мне спиной. Когда оно склоняется над "К" и берет его голову в руки, я представляю себе своих собственных детей. Лицо Итана. Голос Хлои. Крошечная рука Эмбер в моей. Я крепче сжимаю ломик и почти чувствую, как он нагревается от моего гнева. Я планирую в голове последовательность атаки, как учил меня Винсент: вход, удар, выход. Три секунды.

Затем, неимоверным образом, рука К. взлетает вверх, держа тлеющую отвертку. Я чувствую запах горелого мяса, когда он засовывает инструмент в рот существа и выводит его через заднюю часть шеи. Оно воеет, и я закрываю уши.

Монстр попятился назад, прочь от К., колеблясь, дезориентированный. Я подхожу под правильным углом, прямо в его слепой зоне, и ударяю ломом по его позвоночнику. Это как удар по мешку с цементом. Мои плечи вздрагивают от боли, но монстр падает на колени. Я чувствую, как ломик дрожит, грозя разлететься на части. "Итан!" кричу я. "Эмбер! Хлоя! Это их имена! Ты меня слушаешь?" Я чувствую жар, электричество, словно молния, готовая ударить в землю. Меня не остановить.

Я должен ударить его еще раз, но я чувствую себя непобедимым, опьяненный мыслью, что эта уродливая тварь страдает. Оно выплевывает серый зуб, а потом говорит. Его голос похож на волосы, растущие в ушах. "Плохо, плохо, дети", — говорит оно. Затем оно встает на ноги, ничуть не пострадав. Оно поворачивается и смотрит прямо на меня. Его челюсть, которая мгновение назад висела на одном шарнире, теперь на месте и не сломана. "Накажи", — говорит оно, выплевывая это слово на меня, как оскорбление.

Волна воздуха, вонь фекалий вперемешку с фиалками, прокатывается вокруг меня. Это мерзко, но не вредно. Я поднимаю лом, чтобы нанести новый удар, но гигант уже бежит. Я протягиваю руку, чтобы схватить его, и он бьет меня сзади по ключице. Я не забываю защитить голову и перекатываюсь при падении. Накладки защищают мои колени, но что-то на земле ранит мое бедро. Это происходит снова, понимаю я. Он выглядит побежденным, но когда я наступаю, чтобы убить, он снова становится сильным.

Голова К. покачивается из стороны в сторону. Его глаза смотрят в разные стороны. Я наклоняюсь к нему. "Послушай меня", — говорю я ему. "У тебя есть подкрепление? Ты знаешь кого-нибудь еще, кого мы можем позвать?"

"Оно сказала, что это моя мама. О Боже, где моя мама? Где я? Мама? Мама, это ты?" "Это я", — лгу я, слова выползают из моего горла, как скорпионы. "Это мама. Ты чувствуешь мою руку?"

"Квинси, Тринити, Джут", — говорит он не своим голосом и умирает.

Оставайтесь в свете

С привел меня на окраину Медвежьего ручья — городка, который можно было бы принять за болото, если бы он был немного чище. Он не говорит мне, почему мы здесь. Мне нужно отказаться от него, оставить его здесь и заняться тем, что я должен сделать. Но я не могу. Он всего лишь ребенок. Он невероятно умен, да, но ему не хватает здравого смысла. Его бывшие друзья тоже это знали. Вот почему они так оберегали его. У него больше никого нет. Он живет в трейлере с тетей и дядей, чей совокупный IQ составил бы впечатляющий результат в гольфе.

Я слишком много ему наговорил. Я должен просто столкнуть его в ливневую канализацию и покончить с этим.

Но он всего лишь ребенок. Охотник или нет, но он ребенок. Я пока поиграю в его игру. Я не одна в этом теле.

Во мне растут свирепые агрессоры, питающиеся моей ненавистью. Я чувствую их. Я чувствую, что мне больше никогда не придется спать. "В любое время", — говорит он, указывая на неинтересное поле, покрытое пожухлой травой и обломками машин. Он дрожит, когда поднимается ветер. Надо бы надеть свитер. "Смотри", — говорит он, и то, как он это произносит, говорит мне, что он имеет в виду. Я призываю его посмотреть, и тогда я тоже вижу. Что-то поднимается из земли, потом еще что-то, потом еще. Это руки, человеческие руки, некоторые достаточно близко, чтобы разглядеть кольцо на пальце или часы на запястье.

Медленно руки переходят в руки, руки переходят в плечи. "Семь раз по пять/Они были живыми существами....". Появляются головы. Туловища, ноги. Прозрачные тела светятся, пульсируют цветом, как медузы, которых вы видите в передачах о природе. Мягко светящиеся тела-призраки плывут вверх, медленно вращаясь. Воздух полон ими. Десятки, потом сотни.

По мере подъема тела вспыхивают все ярче и теряют свою форму, пока не становятся совсем не телами, а огненными колесами, звездами из чистого света. Они вращаются друг вокруг друга, наполняя воздух неоновыми цветами, радугами пламени, нарисованными на фоне ночного неба. Некоторые фигуры встречаются и сливаются, смешивая свои сияющие цвета в захватывающий фейерверк. Другие разделяются на потоки фрагментарного света, которые вспыхивают в ночи, как падающие звезды. Сферы света танцуют друг с другом, кружась, поворачиваясь и пересекаясь. Одна из них проходит близко от нас, и я почти могу различить лицо в фиолетовом сиянии. Я не знаю, сколько времени прошло, прежде чем на небе

стало заметно меньше явлений, а потом я вижу, что они гаснут, одно за другим, пока снова не остается ничего, кроме темноты.

"Как насчет этого?" говорит Си, и я ненавижу его голос за то, что он нарушил тишину.

"Зачем ты привел меня сюда? Что это?"

"Я не знаю. Я нашел его случайно, но это происходит каждые 21 день. Как по часам. Я стараюсь не пропускать его, если могу помочь. Это важно наблюдать".

"И почему же?"

"Ну, потому что... знаешь, это напоминает мне, что такие люди, как мы, мы знаем, что мир не такой, как все говорят. Но это не значит, что мы знаем все. Может быть, мы обычно видим уродливую сторону вещей, но, возможно, происходит больше, чем мы думаем. Если мы будем стараться видеть общую картину, а не заикливаться на уродливых деталях, нам, возможно, будет лучше". Я не отвечаю ему. Я не смотрю на него. Я не хочу, чтобы он видел слезу, скатившуюся по моей щеке. Мне жарко и беспокойно, и внутри меня бушует огонь, и слеза кажется льдом на моей коже. Я плачу не из-за его слов. Это потому, что я только что стала свидетелем самого прекрасного, что я когда-либо видела, и все, о чем я могу думать, это о том, как сильно я хочу уничтожить это.

И она была

Туннель узкий. Едва хватает места, чтобы двигать руками. Пол и стены изогнуты, как в норе. Сквозь камни и грязь торчит мусор. Пластиковая мебель, банки из-под супа, подгузники. Зачем нужен туннель в боковой части свалки? Как его прорыли? Под землей всегда ночь. Когда-то здесь не было ночей, только дни. Когда-нибудь скоро не будет дней, только ночи. "На дне океана есть вода./Под водой/Перевозят воду...". След дыма трудно разглядеть. У меня есть походный фонарик на ремешке вокруг головы, но батарейки садятся. Потребовалось слишком много времени, чтобы достать необходимые мне вещи. Я чувствую себя не очень хорошо. Не знаю, что я здесь делаю. Во мне нет огня. Нет огненных гадюк. Что если их не окажется рядом, когда они мне понадобятся?

Тропа наконец-то заканчивается. Туннель расширяется. Там лежит куча мусора, а из-за нее высовывается огромная нога. Ногти на ногах изогнуты, как крючки для одежды. Локоть как хобот слона. Шар головы. Гигант скрючился, как огромный зародыш, спит почти без дыхания, руки плотно прижаты к глазам. Ожоги все еще не зажили.

Я работаю быстро. Открыть банки. Вылейте их.

Дотянуться до...

Пятно движения. Я резко оборачиваюсь. Существо проснулось. Оно вскочило на ноги, его голова покрыта сочащимися нарывами. Оно нюхает воздух, как гиена. Несмотря на то, что это может выдать меня, я направляю тонкий свет моего налобного фонаря на его тело. Впервые я понимаю, что гигант — самка. Сквозь прореху в шерсти я вижу сморщенную грудь.

И тут я понимаю, что великан слеп. Нет глаз. Только гладкая, розовая плоть.

Он говорит, рот как дыра в дыне. Зубы как ржавые гвозди. А вот голос — полная противоположность: культурный, красивый, как у оперного певца. Совсем не хриплый, как раньше. "Тебе есть что сказать мне, дитя", — говорит оно. Она говорит с идеальной дикцией английского профессора.

"Может быть, вы чувствуете запах керосина. Вы облиты им. Вся камера пропитана. У меня в руках зажженная дорожная ракета..."

"Я слышу, как он горит".

"Как только я почувствую угрозу, ракета упадет на пол, и мы все поднимемся. Мне все равно, как быстро ты можешь двигаться, ты не успеешь до меня добраться. Поверь мне".

"Я верю тебе, милое дитя", — говорит она. "Я знаю тебя. Я знаю, что вы следили за мной, пытались остановить мою работу. Ты не делаешь пустых угроз. Но если твоя цель — убить меня, почему ты до сих пор этого не сделала? Тебе есть что сказать мне. Я выслушаю. А теперь потушите ракету и подойдите сюда".

"Попробуй еще раз", — говорю я ей, — "и все закончится". "Очень хорошо.... Меня зовут Марселла".

"Мне все равно". Я немного дрожу. Все в порядке. На мгновение я задумываюсь, могут ли пары газа, находящиеся здесь в одиночестве, воспламениться от факела.

"Я знаю, кто ты, Мэри Элен. Я знаю, зачем ты пришла сюда".

Мое лицо становится горячим. "Ты ничего не знаешь", — думаю я про себя. "Я больше не Мэри Элен. Я ненавижу тебя. Я убью тебя. Сделай это сейчас. Брось ракету в лицо этой твари". Вместо этого я задаю вопрос: "Где дети?"

Перегрузка

Я в одном из этих магазинов Wal-Mart/К-Mart. Нужны были новые инструменты. Выехал из последнего города довольно быстро и пришлось оставить несколько вещей. Ненавижу эти места. Они огромные. Они не рассчитаны на человека. Они хотели построить такой в нашем городе. Мы сопротивлялись. Не в нашем районе.

Спасибо, никаких "синих воротничков", "белых воротничков", создающих пробки, рядом с нашими домами. Мы боролись с помощью

бумаги и адвокатов и убедили их строить в другом месте. Мэри Эллиен, которой я была тогда, гордилась этой борьбой. Мэри Эллиен, которой я была тогда, считала, что это имеет значение.

Я иду хозяйственный отдел. Действительно. У меня нет причин смотреть на детские игрушки. Я знаю, что нужно избегать этих проходов. "Идите належке/думайте о времени...." Но я заблудился и вот я здесь, столкнувшись с велосипедами, битами для вайфлбола и RC-машинками. Я вижу полку, полную пластмассовых динозавров. Ногтезубые убийцы с суставчатыми ногами и хвостами. Такие, от которых Итан не мог насытиться. Один большой Ти-Рекс точно такой же, как тот, которого Майкл подарил Итану на его восьмой день рождения. Я беру его в руки. Я кладу его на пол. Я поворачиваюсь, чтобы уйти, и тут вижу Итана. Сердце колотится. Голова кружится. Я пытаюсь позвать его по имени. Мой голос не идет. Он смотрит на меня. Голубые глаза ангела. Светлые волосы его отца. Я бегу к нему. Я почти спотыкаюсь. "Итан, — задыхаюсь я наконец, — это я!" Он отступает. Я сжимаю руки на его плечах и говорю: "Итан, это мама. Послушай, нам нужно спешить. Мы должны уехать отсюда, милый. Ты и я, мы должны....".

Но что-то происходит. Внезапно я смотрю не на лицо Итана. Это лицо какого-то другого десятилетнего ребенка. Темные волосы, толстые щеки, совсем не похоже на Итана. Это никогда не был Итан, и это случилось снова. Как тогда в автобусе, когда я услышал, как кто-то упомянул имена Итана и Хлои. Я последовал за ними домой, ворвался в их дом и притворился, что я грабитель, который ищет деньги на крэк. Но им нечего было мне сказать. Они были всего лишь напуганными, обычными, безобидными, глупыми людьми.

К счастью, этот мальчик из тех, кто, испугавшись, замолкает, а не кричит. Я хочу сказать ему, что мне жаль, вытереть его слезы, но он всхлипывает и вот-вот обретет голос. Я поворачиваюсь и быстро ухожу, стараясь не двигаться так быстро, чтобы не привлекать внимания, хотя мне хочется бежать, бежать и никогда не останавливаться.

Итана, Эмбер и Хлои — моих детей — больше нет. Они где-то там, за пределами моей досягаемости. Монстр, который забрал их, тоже исчез. Я упустил свою первую реальную возможность поймать ее, наказать ее, причинить ей боль и заставить ее рассказать мне, что она сделала с ними. Я не знаю, куда она ушла и где она всплывет в следующий раз, чтобы сделать свою ненавистную работу. Все эти бега, прятки, драки и убийства привели только к этому: я сплю в своей одежде на испачканном матрасе в мусорной куче под названием мотель "Сонная луна", слишком разбитый внутри, чтобы даже плакать.

Огонь погас. Я сдаюсь.

Думаю, завтра я останусь в постели.

11-21

Итак, "офис" отправил меня в этот маленький городок под названием Троица. Пока что это была пустая трата времени. Когда я добрался до отеля, я нашел сообщение, в котором говорилось, что планы изменились, и я должен оставаться там до получения дальнейших инструкций. В записке было написано не совсем так, но суть была именно такой. Вся эта ситуация раздражала. Я даже подумывал пожаловаться, настолько я был раздражен. Но, конечно, я одумался. Если они хотят, чтобы я болтался в каком-нибудь паршивом городе неделю или что-то в этом роде, я сделаю это.

Это просто время. Здесь произошло какое-то странное дерьмо. Лучше бы я не брал в руки местную газету. Несколько недель назад трое детей пропали во время школьного пикника. Они думают, что забрели в какие-то местные пещеры и не смогли найти выход. Помимо того, что это ужасно само по себе, прочитав об этом, я вспомнил о своих собственных детях. Боже, как я по ним скучаю. Обычно я стараюсь не думать о них, потому что это слишком болезненно, но чтение об этом инциденте вернуло все назад. Я провела весь день в своем гостиничном номере, стараясь не рыдать вслух.

Завтра из офиса должны позвонить с новыми инструкциями. Я впервые встречаюсь со своим "начальником" лицом к лицу. Я нервничаю по этому поводу. Что, если я просто уеду из города сегодня вечером и буду ездить, ездить, пока не закончатся деньги, а потом устроюсь на какую-нибудь легкую работу посудомойкой или еще кем-нибудь? Глупая мысль.

Они бы нашли меня.

Скользкие Люди

Теперь, когда я перерезал им глотки, все трое выглядят как люди. При дневном свете, неприятные на вид, кровоточат, когда их режешь... Я предполагаю, что они были марионетками. Рабы пьющих. Раньше его было труднее всего убить. Всегда было искушение попытаться спасти их. Я покончил с этим.

Но я был небрежен. Я увлекся эмоциями. Они заслуживали наказания, это верно, но я должен был оставить одного в живых, чтобы допросить. Почему они прятались вокруг Тринити-депо? Я следовал за ними в течение трех часов, а девяти до полудня, и наблюдал, как они врываются в товарный вагон на кварталах. Почему? Надо было остановиться и подумать. Вместо этого я закурил сигарету, глубоко затянулся и почувствовал, как дым смешивается с огнем глубоко внутри меня. Тогда было легко выплюнуть тьму и направить ее, чтобы окружить и ослепить их. После этого — разрез, разрез,

разрез. Чувствовал себя хорошо. “Мир света/Она открывает нам глаза...”

Только теперь я остался в вагоне поезда, полном хлама. Книги в мягкой обложке с оторванными обложками. Домашние платя и разномастные носки. Погнутые столовые приборы. Пластыри. Я пинаю ногой мусор. Нет, это не совсем мусор. Слишком чисто. Слишком новый. Больше похоже на коллекцию. Я наклоняюсь, чтобы просеять более тщательно. Кто-то принес это сюда. Почему? Рамки для фотографий с остатками вырванных фотографий. Тостер, все еще наполненный крошками. Плюшевые мишки и плюшевые кролики. Пластиковые настенные часы. Коробка из-под обуви....

Коробка из-под обуви полна картинок. Я бросаю их на пол — мешанина цветов, улыбок и жестов. Один бросается мне в глаза, но здесь слишком темно, чтобы разглядеть его как следует. Я включаю фонарик и провожу им по куче. А потом.... А потом.... А потом мои руки трясутся, а колени становятся ватными. Я на полу, на четвереньках, вытаскиваю одну фотографию в тусклый свет, затем другую. Потом еще один.

Янтарь. Хлоя. Хлоя и Итан. Итан. Итан и Эмбер. Мои дети. Мои дети. Они смотрят на меня с фотографий. Я прижимаю одну к щеке, ко лбу. Это реально. Я собираю фотографии вместе и не могу смотреть на них достаточно быстро. Я переключаюсь с одного на другое и просмотрел около 20 из них, когда понимаю, в чем дело.

Это мои дети, но они носят одежду, которую я им никогда не покупал. Они стоят в каком-то доме, который я не узнаю. Волосы Эмбер совсем другие. Он был стилизован, размахивал руками. Я никогда не исправлял это так. Хлоя сидит на лошади и улыбается в камеру. Я никогда не катал ее на лошади. Итан выглядит... по-другому. Он... он, Боже мой, он изменился. Он старше. Выше. Разбавитель. Он уже не тот мальчик, которого я знала. Я переворачиваю одну из фотографий. Дата — всего несколько месяцев назад.

Это фотографии моих детей. Они живы. Я хочу быть счастлива, что видела их лица. Но они ведут жизнь, о которой я ничего не знаю. Они растут, меняются и живут где-то в другом месте, без меня, без знания меня, без контакта со мной. Они живут в чужом доме. Я встаю, и мои руки сминают фотографии, разрывают их в клочья, швыряют на землю. Кто-то другой воспитывает моих детей.

Огонь вспыхивает внутри меня, обжигает мою грудь, горло, голову. Что-то извивается и извивается у меня под кожей. Мои дети. Скрывая их от меня. Я поднимаю руки, готовый извергнуть вспышку разрушения. Змеи из чистого огня. Моя грудь наполняется ядом. Гори, думаю я, гори, кусайся, отравляй и убивай.

“Ты в порядке?”

Я поворачиваюсь и вижу Си, стоящего в дверном проеме. Сожги его, кажется, шепчет чей-то голос. Это мой голос? Он сдерживает тебя. Он замедляет тебя. Посмотрите, какую силу вы можете призвать. Я поднимаю руки к мальчику. Голоса, так называемые Посланники, хотели, чтобы он нашел меня. Чтобы шпионить за мной? Они думают, что я не причиню ему вреда. Не лучше ли было бы для него умереть сейчас? У него никогда не будет нормальной жизни. Он никогда не будет ходить на свидания, не женится и не устроится на работу. Он обречен на несколько жалких лет ковыряния в гробах и слезки за кладбищами, пока что—то с зубами, наконец, не поймает его и не убьет — или еще хуже.

Если бы только он отступил, повернулся и убежал, я знаю, что убил бы его. Но он стоит там, лицом ко мне, и ждет. Я снова убавляю огонь. Я опускаю руки. “Что ты здесь делаешь? Я думал, что сказал тебе оставаться в городе!”

“Я волновался. Тебя так долго не было. Я подумал, что должен посмотреть, все ли с тобой в порядке.”

Позади него солнце почти село. Едва перевалило за полдень, когда я вошел в этот вагон поезда. Как долго я здесь нахожусь?

“Я же сказал тебе, что не хочу, чтобы ты был здесь”. Мое тело как будто остывает. Мне нужно подумать. Мои малыши...

“Я знаю, но я устал ждать. Мне стало любопытно. Я хотел посмотреть, что... — Он забирается в машину. Он видит тела. В красном свете заходящего солнца кровь выглядит почти черной. “Они...”, — заикается он, моргая, “они мертвы?”

“Да”, — говорю я ему. “Они мертвы”. Я кладу руку ему на плечо и полностью затаскиваю его в машину. “Посмотри на них. Посмотри на них!” Я толкаю его на колени. Он пытается отползти от трупов, но я ему не позволяю. “Посмотри на них! Это не игра! Это не кино! Они мертвы, потому что я убил их. Я перерезал им глотки, пока они не могли видеть. Это их кровь по всему полу. Это их кровь на моих руках. Они убили бы меня, если бы увидели первыми, и они бы подождали, чтобы убить тебя. Их друзья где-то там, и мне все равно, если твои приятели приютили тебя раньше. Если вы не перестанете относиться к этому так, как будто это какая-то головоломка, которую нужно разгадать, вы закончите вот так. Ты понимаешь?”

Я отпускаю его плечо, и он пытается подняться, подальше от трупов. Когда его руки касаются пола, он чувствует влажную липкость и отдергивает их. Он подносит руки к лицу, смотрит широко раскрытыми глазами на кровь и грязь на них и, пошатываясь, поднимается на ноги, больше не касаясь пола. Он фыркает и булькает. Я могу сказать, что он пытается не

заплакать, когда говорит: “Хорошо... Я... Хорошо, я понимаю. Понимаю. Можем ли мы... Я хочу убраться... подальше отсюда.”

Косоглазый и безболезненный

“С вашими детьми все в порядке”, — говорит она, наклоняя голову, когда я опускаю сигнальную ракету немного ближе к земле. “О них хорошо заботятся, и они счастливы”.

Они недовольны. Они не могли быть счастливы.

Я напрягаюсь, когда этот урод произносит мое имя. Мое старое имя. Это уже не я, верно? “Мэри Эллен”, — повторяет он. “Вам будет трудно принять это, но вы должны знать, что я сожалею о том, что случилось с вами, с вашим мужем, с вашими жизнями”.

“Ты уродливый кусок дерьма”, — бормочу я. “Как ты смеешь так говорить”.

“Это правда, дитя. Майкл хорошо служил мне. Я полюбил его. Он заслуживал лучшего. Пожалуйста, поймите, не все, что произошло, произошло по моей воле. Даже у таких, как я, есть хозяева, которым она не может отказать. Указы, которые она не может нарушить... аааа....” Внезапно ее голос теряет свою мягкость. Он затихает, переходя во что-то похожее на хрип.

Майкл был ее собакой, я наконец понимаю. Ее собака-поводырь.

“Скажи мне”, — я крепче сжимаю сигнальную ракету. Ещё нет. Ещё нет. “Скажи мне, зачем ты их взял. Скажи мне сейчас.”

“Это не что-то... легко объяснимое. Ваши дети... теперь они с нами. Они необходимы. Конец времен... красная звезда восходит... решительные меры... здесь небезопасно, танцор идет....”

“Ты несешь чушь. Где они? Отвечай мне!” Я встряхиваю сигнальную ракету. Она смотрит прямо на меня молочно-белыми глазами, ее рот сжат в гримасе. Я делаю шаг в сторону. Ее лицо похоже на уродливую рану. Руки и ноги скрючены и жалки. Ее спина сторбилась. Огромные лоскуты кожи рваными клочьями свисают с ее боков. Я вижу мышцы, ребра. Повсюду засохшая кровь. “Вся эта кровь/Поглотит тебя целиком....” Как может что-то быть живым с такими ужасными травмами? Вздрогнув, я чувствую, как сигнальная ракета вываливается из моей руки. Он переворачивается с конца на конец, падая на пропитанную керосином землю. Я протягиваю руку. Сигнальная ракета перестает шипеть. Он парит в воздухе. Свет меняется. И время...

Останавливается.

Позади меня кто-то есть. Я медленно поворачиваюсь. Человек-тень из мотеля здесь. На этот раз я могу разглядеть его лицо.

“Винсент”, — говорю я.

Сейчас

Сейчас. Сейчас. Сейчас. Я понимаю, что происходит. Время тает, ломается, и Мэри Эллен Крамер горит. Белое пламя лижет ее кожу. Погладь ее по волосам. Поцелуем смахни ее глаза. Агония/страх/замешательство сторают, как утренний туман. То, что от нее осталось, — это я. Когда я присоединяюсь к пламени, я понимаю, что время — это предложение, выбор, а не абсолют. Мысли скачут между разными сегментами ее жизни. Я живу каждым мгновением, как наутилус, свернувшийся в своей раковине. Кто там со мной, наблюдает? Слова вылетают из моей головы, как птицы. Где они будут отдыхать? Я знаю только свою потребность рассказать эту историю. Пламя расступается, как занавес. Я заставляю себя вернуться к беспорядочным фрагментам прошлого Мэри Эллен.

Видел и Не Видел

Я наблюдаю за ними уже целый час. Не хочу подходить слишком близко. Есть два. Худощавый мужчина, одетый небрежно, нервничающий и постоянно оглядывающийся по сторонам. С ним великан, его уродства очевидны даже на таком расстоянии. Он ходит так, как будто одна нога короче другой, а его деформированная голова наклонена набок. Когда он проходит под одним из слабых огней безопасности, я вижу странные бугорки вдоль его спины, выступающие из-под шерсти. Его руки кажутся чересчур массивными даже для его размера. Идет дождь. Дождь скроет мой запах. Приглуши мои звуки.

Маленький человек руководит действиями гиганта. Я думаю, это его телохранитель, его мускулы. Он кладет руку на спину монстра и толкает его то в одну, то в другую сторону. Он тянет его за руку, и существо следует за ним. Они явно что-то ищут. Иногда великан ощупывает землю руками или прикладывает ухо к земле. У меня есть идея, что они ищут.

Они подходят к товарному вагону и проскальзывают внутрь, причем мужчина первым отправляет гиганта внутрь. Они не найдут три тела. Я перевез их. Я не могу заглянуть внутрь машины, но я не хочу рисковать и двигаться прямо сейчас, поэтому я жду. Вскоре после этого они выходят, и я наблюдаю, как они разговаривают друг с другом. Внезапно великан встает во весь рост и поднимает одно ухо к небу. Замерзать. Я не дышу. Они нашли меня. Но нет, гигант наклоняется к своему хозяину, а затем исчезает — бежит в противоположном от меня направлении, двигаясь невероятно быстро. Я жду пять минут, наблюдая, прислушиваясь.

Десять минут. Пятнадцать. Мужчина прислоняется к машине и ждет.

Майкл,

Я приду через три часа после захода солнца. Мы вместе поедим в Тринити-депо. Мы будем искать трех пешек наших врагов. Внимательно изучите прилагаемые фотографии, чтобы узнать их. Ни с кем не разговаривай. Никого не вижу. Не выходи из своей комнаты, пока я не приду. Враг близко.

Марселла

Я придвигаюсь ближе.

Я за грузовым вагоном. Я нажимаю на огонь из своего центра. Я позволяю ему течь в мои мышцы, глубоко в руки и ноги, наполняя их силой и скоростью. Я ударю его сильно и быстро и посмотрю, упадет ли он. Если он доставит мне неприятности, я изгоню гадюк и буду смеяться, пока они будут есть его. Я чувствую себя непобедимым. Никто не может встать у меня на пути. Я заглядываю под него, чтобы увидеть его ноги. Когда я вижу, что он смотрит в другую сторону, я обхожу машину и вижу его полностью. Он не прав на вид. Это очевидно. Я вижу это сразу. В следующую секунду я могу сказать, что он не представляет большой угрозы. Он стоит, засунув руки в карманы и ссутулив плечи, нервничает, желая оказаться где угодно, только не здесь. Мне так понравится причинять ему боль. Я жду, чтобы увидеть его лицо, прежде чем броситься на него. "Почему бы/нам не притвориться/ Вот так/Маленький человек...."

Он оборачивается, и я смотрю в лицо своему мужу.

Спасибо Тебе За То, Что Ты Послал Мне Ангела

Человеческий скелет — прекрасная вещь. Это не должно быть скрыто слишком большим количеством плоти. Моя мать часто говорила мне это. Ее забавная манера убеждать меня не брать третью порцию за ужином. Спасибо, мама.

Может быть, теперь она гордилась бы мной. Я не ел уже три дня. Только вода. Но это не то, что ты думаешь. Это не депрессия. Я знаю, что делаю. "Мы рождаемся без зрения/Мы рождаемся без греха..." Когда я был ребенком, моя мама смотрела на меня таким определенным образом и цокала языком, когда я шел на кухню. Тогда я понял, что становлюсь слишком толстым, слишком отвратительно толстым. Что я наполняю свой организм слишком большим количеством калорий, и единственным решением было остановить поступление пищи в мой кишечник. Тогда я узнал, что голод приходит, как волк, ненасытный, рвущий тебя на части, но если ты держишься достаточно долго, он отступает и смотрит на тебя с края твоего сознания.

Я попробовал это снова год назад. Я научился выдыхать тьму до того, как она закончилась.

Когда я был подростком, отказ от еды на самом деле был связан не с калориями или массой тела, а с контролем, с доказательством того, что никто не может заставить меня делать то, чего я не хочу. Ни мои родители, ни моя сестра, ни мой врач. Ни с кем. Если они хотели, чтобы я что-то сделал, они должны были дать мне причину. Они должны были сделать так, чтобы это того стоило для меня. На этот раз я хочу наказать не свою семью. Это ублюдки, которые засунули свой ужасный обжигающий огонь мне в живот.

Если ты хочешь, чтобы я сделал за тебя грязную работу, дай мне что-нибудь. Мне нужен новый трюк. Я не могу убить эту тварь, которая стреляет ядовитыми ножами из своих пальцев и которая не остается лежать, когда я в нее попадаю. Я знаю, что это монстр, который забрал моих детей, и если я заставляю его страдать, он вернет их обратно. Тогда все снова будет хорошо.

А потом проходит время, и я хочу сказать голосам, что мне жаль. Прости, что я разозлился. Пожалуйста, не бросай меня сейчас. Ты мне нужен. Я буду хорошим, пожалуйста....

А потом я не знаю, день сейчас или ночь, жарко или холодно, кола или пепси, когда я слышу скрип открывающейся двери и чьи-то обычные шаги, приближающиеся ко мне. Стул пуст. Только когда я смотрю краем глаза, я вижу темную фигуру, сидящую в нем, опершись локтями на колени и склонив голову набок. Я знаю, мне следовало бы бояться. Является ли он одним из голосов, ставших реальными? Такого раньше не случалось.

Он терпеливо сидит.

— Хорошо, — прохрипел я наконец. "Что ты хочешь знать?"

11-28

Все дело в Мэри Эллен.

Прошлой ночью они сказали мне правду. Я имею в виду, они сказали мне часть правды. Наверное, я не совсем понимаю, что имею в виду. Они казались нервными, если вы можете в это поверить. Что-то о "танцоре", находящемся в этом районе. Боязнь хореографии? Должно быть, я схожу с ума.

Они все это время читали мой дневник. Я думаю, это означает, что в конце концов они тоже прочтут эти слова. Должен ли я сжечь эту тетрадь? Совсем перестать писать? Они сказали мне, что использовали меня, чтобы следить за Мэри Эллен. Вот почему они послали меня в Тринити, потому что они думают, что Мэри Эллен может появиться здесь. Они хотят, чтобы я присматривал за ней, наблюдал

за ней. Мой “супервайзер” встретит меня здесь и будет работать со мной лично.

Почему они заинтересованы в ней? Во что она могла быть замешана, чтобы привлечь их внимание? Насколько я глупа? Я избегал контактов с ней все это время, думая, что она может начать все сначала после того, как я разрушил ее жизнь. Вместо этого я предоставляю им доступ к ней. Я бы помолился Богу, чтобы Мэри Эллен не появилась здесь, но я знаю, что Бога нет, а если и есть, то у Него нет причин отвечать на молитвы кого-то вроде меня.

Перестань Придавать Этому Смысл

Это не Майкл, очевидно, этого не может быть. У него нет причин быть здесь, красться по Тринити-депо под дождем с гигантом за спиной. В этом нет никакого смысла. Это вырвано из контекста, как найти яблоко в туалете. Это уловка, какой-то трюк. Тот, который работает, даже несмотря на то, что я смотрю на него в прицел.

За исключением... за исключением того, что первое, что он делает, когда видит меня, это кладет руку на сердце. Глупый, произвольный жест, как будто его сердце буквально находилось на грани остановки. Точно так же, как Майкл, всегда такой мелодраматичный, его мозг заполнен таким количеством образов из плохих фильмов и посредственного телевидения, что их клише впитались в его нервную систему.

Шок от того, что я увидела его лицо, высосал из меня весь огонь. Мои мышцы холодные и тяжелые, но от этого зрелища у меня все еще покалывает в глазах. И я понимаю, что если... если... это действительно Майкл, он испорчен. Он ошибается. В нем что-то есть, какое-то пятно зла, которое владеет этим миром.

“О Боже”, — говорит он. “О Боже, это ты. О Боже.” Он делает шаг вперед, затем полшага назад и складывает руки вместе, как будто молится. Его тело не знает, что делать. “Мэри Эллен, — говорит он, обретая дар речи. Он подходит ко мне. “Мэри Эллен, ты должна убираться отсюда. Это небезопасно. Ты не понимаешь. Здесь для тебя небезопасно.” Его слова оглушают меня, как удары по телу. После всего, что произошло, в его голосе слышится беспокойство за меня. Я не могу это переварить. Как будто он говорит на иностранном языке. И теперь, когда появился неизвестный элемент, я должен бежать, а не думать. Я говорю себе, что это не Майкл. Это просто какой-то незнакомец, оказавшийся не в том месте. Я хочу угрожать ему, пугать его. Но вместо этого я спрашиваю: “Что ты здесь делаешь?”

Он плачет. Он отступает. “Все это дерьмо, Мэри Эллен, все просто пошло прахом, и это

из-за меня. О, нет смысла пытаться... Я не могу... ты не будешь... О, Боже.”

Он выглядит так, словно вот-вот упадет. Я беру его за плечи, и мы оба опускаемся ниже, пока не оказываемся на холодном бетоне. “Майкл”, — говорю я, потому что, может быть, это действительно он, может быть, я хочу, чтобы это был он. “Пожалуйста, просто поговори со мной. Не думай. Не пытайся найти в этом смысл. Позвольте словам прийти. Просто поговори. Скажи мне.”

“Знаешь, я столько раз представлял себе это”, — он почти смеется. “Снова увидеть тебя и просто рассказать тебе все. И теперь я не уверен, что смогу это сделать”.

Мне нужно вытащить его отсюда, пока великан не вернулся. Но прежде чем я смогу это сделать, я должен его успокоить. Я глажу его по волосам, надеюсь, что мои руки не будут дрожать. “Шшш”, говорю я ему, “ты можешь это сделать. Отдышись”.

“Ты думаешь, это твоя вина?” он почти шепчет. “Дети. Ты винишь себя за то, что выжил в огне, а они нет? Послушай, Мэри Эллен... их не было в огне.” Он вытирает глаза и кладет руки мне на щеки. “Они уже ушли. Это были не они в огне. Похороны были ложью. Все это было ложью!”

Мне кажется, что я падаю. Мне кажется, что мир пролетает мимо меня слишком быстро, чтобы я мог за него ухватиться. Я должен во всем разобраться. Что он говорит? Что он знает?

“You think I’m crazy,” he tells me, shaking his head. “Please, honey, hold my hand. I know this sounds crazy, but please, God, believe me. The kids weren’t in that fire. They’re still alive. I want you to know that. I’ve wanted to tell you for so long. They’re still alive!”

Его рука кажется мне ледяной. Я почти вижу порчу, размазанную под его кожей, как следы слизняка. Он больше не Майкл, говорю я себе, но эта мысль не проникает в мой мозг. “Неужели ты...” Мне приходится сделать глубокий вдох, прежде чем я могу задать вопрос. “Ты знаешь, где они?”

“С ними все в порядке”, — говорит он, глядя вдаль. “Они живут комфортной жизнью, они... они живут лучше, чем жили с нами. У них все самое лучшее, Мэри Эллен. Они вместе, и они... Я так часто получаю их фотографии. Сегодня я должен был получить целую коробку фотографий... Я... — Он снова начинает всхлипывать. Но я не буду плакать. Я не буду. Я притягиваю его к себе. Я чувствую, как его тело дрожит, когда я обнимаю его. “Мне так жаль”, — выдыхает он. “Мне так жаль”.

“Это не твоя вина”, — говорю я ему. “Это действительно не...” Я не знаю, кто говорит, я ли это или кто-то притворяется мной. Я говорю, не выбирая слов. “Это было из-за меня”, — говорю я ему. “Они сделали это из-за меня. Они сделали

это из-за того, кем я стал, чтобы отомстить мне за то, что я боролся с ними. О, Майкл...” Я пытаюсь остановить слова сейчас, но это бесполезно. “О, детка, я принесла опасность в наш дом, и я так хочу, чтобы этого никогда не случилось. Я не знаю, почему это произошло, но там есть монстры, и я начал видеть их, и, черт возьми, что бы это ни было, что заставило меня увидеть их.” Я ведь не плачу, правда? Чье-то тело дрожит, делая что-то вместо плача. Это мое?

Майкл высвобождается из наших объятий, чтобы посмотреть на меня. “Ты... Я не понимаю.... Вы знали о... ты знал о детях?”

“Я пришел домой той ночью, и... Я видел, как он забирал их. Я должен был что-то сделать. В ходе борьбы начался пожар...” Он пятится, и его лицо превращается в маску. “О, боже”, — говорит он ровным голосом. “О Боже мой”.

Мой оцепеневший мозг изо всех сил пытается пробудиться. “Майкл, “ говорю я ему, ” Майкл, подожди, подожди. Как ты узнал правду?” У меня в ушах звенит. “Как вы узнали, что дети не были мертвы?”

Теперь он пятится от меня, карабкаясь, как краб. “Они заставили меня сделать это! Я... я обещал им.... Ты не знал. Я не говорил тебе, как плохо обстоят дела с моей практикой. Мы шли ко дну, Мэри Элен, и я брал деньги у клиентов. Я бы сел в тюрьму. Они дали мне деньги, чтобы все исправить. Шли годы. Я не думал, что они когда-нибудь скажут мне об этом, но потом они сказали мне, что я должен отказаться от детей. Мэри Элен, ты не знаешь, что это такое. Ты не знаешь, что бы они сделали, если бы я не подчинился.”

Сейчас я сижу на корточках, готовый встать в одно мгновение. Моя рука парит рядом с ножом. “Майкл, ты хочешь сказать... ты хочешь сказать, что отдал наших детей этим тварям?” Сердитый. Разозлился и сделай это.

“Предполагалось, что это будет только временно!” Он выкрикивает эти слова, потом снова кричит. “Это должно было продлиться всего неделю! Разве ты не понимаешь? Они собирались протестировать их или что-то в этом роде. О, Боже мой...” Его тело, кажется, обвисает. “Когда случился пожар...” — говорит он, понизив голос до шепота. “Когда дом сгорел, и все думали, что наши дети мертвы, именно тогда они решили, что должны оставить их себе. Потому что... потому что возникло бы слишком много вопросов, если бы... если бы они появились живыми.”

Я встаю. Во мне нет огня.

— Я не знала, — шепчу я. “Они забирали моих детей...” Я даже не знаю, слушает ли меня Майкл. Кто-то шепчет мне. Ты недостаточно зол. Это твой момент. Не жди. Отомсти. Сейчас. Сейчас. Но все запутано. Действия Майкла. Мои действия. Монстры. Голоса. Пожары. Вранье. Неужели они лгали ему? Неужели они

действительно вернули бы моих детей обратно? “Мы тщеславны/И мы слепы”. Я соучастник. Я не знаю, что делать. Я не знаю, как реагировать. Мы пошли на похороны наших детей, каждый из которых думал, что знает правду, но скрывал ее от другого. Я больше не хочу правды. Я хочу снова жить под покровом лжи.

Я чувствую, как разлетаюсь на мелкие кусочки. Потом я слышу выстрел из пистолета.

Дикая Дикая жизнь

Мое тело все еще в комнате мотеля, запутанное в нитях пространства и времени, но мой разум вырвался на свободу, вращаясь, как колесо, и я рассказываю человеку в тени о первых неделях после того, как мои глаза открылись. Мои слова привели меня туда. Я с тремя другими тронутыми, и мы достаточно глупы, чтобы думать, что у нас все получается. Мы совершаем набег на туннель, где прячутся два жалких пожирателя плоти. Я преследую того, кто проскользнул мимо нас. Он застрял у забора. Я поднимаю алюминиевую битую для софтбола и просто чувствую заряд энергии. Но потом существо исчезло, и на его месте появилась маленькая девочка. Я знаю, что это уловка, но я колеблюсь достаточно долго, чтобы монстр перепрыгнул через восьмифутовый забор и пополз прочь. Бита трещит, когда я смотрю на нее с отвисшей челюстью и бесполезно.

Человек в тени, кажется, кивает головой. “Ты хочешь, чтобы я продолжал?” Я говорю. “Ладно. Позже той ночью я возвращаюсь к себе домой и вижу.... Я иду по нашему заднему двору, закатывая рукава, чтобы няня не увидела моих травм. Я почти у задней двери, когда слышу голоса. Я не могу разобрать слов, но волосы на моей шее и руках встают дыбом. Это голос Хлои. Она напугана.” Я продолжаю рассказывать об этом до конца.

Дверь в подвал открывается.

Силуэт Ашейпа вырисовывается на фоне ночного неба. Раскрученный гигант. Руки, похожие на когти. Облака закрывают луну, и я вижу разрозненные проблески тела существа: желтый клык. Розовое, покрытое шрамами ухо. Ноздри раздулись, как крылья летучей мыши. Монстр одним прыжком поднимается по ступенькам, за ним следуют три крошечные фигурки, теряющиеся в его тени. Мои дети. Они двигаются как лунатики.

Зверь говорит. “Пойдемте, дети. Не бойся. Я здесь. Мама здесь.”

Я двигаюсь вперед и что-то кричу. Возможно, это вообще не слова. Монстр, кажется, пожимает плечами, небрежный жест, от которого я растягиваюсь на полу. Я пытаюсь встать, но спотыкаюсь о собственные ноги и падаю вниз по ступенькам к открытой двери подвала. Я снова слышу голос где-то снаружи. “Это верно, дети

мои. Таким образом. Мы отлично проведем время”. Подвал недостроен. Один из проектов Майкла. Всегда “следующий в списке”. На самом деле так и не началось. Пол холодный. Пыльный. Я должен встать. Я так устала. Когда я чувствую, как что-то обвивается вокруг моей лодыжки, возникает ощущение неизбежности. Конечно, я думаю. Здесь, внизу, меня ждет еще один.

Воспоминание об этих вещах пробуждает во мне огонь, обжигающий жар, который растет глубоко в сердцевине моего существа. Три раза в моей жизни микроскопические клетки делились, делились и делились, образуя крошечного человека.

Человек-тень кажется темнее, и теперь глубокие тени заполняют углы комнаты, как паутина. Я говорю уже несколько часов. Я чувствую вкус крови.

Кажется, я теряю сознание. Теперь я снова проснулся. Тень стоит в ногах моей кровати. Я могу смотреть прямо на него, и он не исчезает, хотя я вижу потрескавшиеся стены мотеля сквозь его закопченное тело. Затем мир вращается, и я лежу на траве перед нашим домом, мои легкие горят, ночной воздух овеивает мое лицо. Воспоминания борются за мое внимание. Животный запах в темноте. Дикая тварь, вцепившаяся в меня когтями. Прилив невероятной силы. Печь с треском открылась. Я смотрю, как стены пламени поднимаются по стенам нашего дома. Через окно я вижу, как огонь танцует на нашем новом диване. “Мир рушится в/В мою гостиную...” Я ползу. Моя левая нога не работает. Боль в боку. Трудно дышать. Я умираю.

Боль отступает, и я возвращаюсь в мотель. В левой руке человек-тень держит огонь. Я приглядываюсь и вижу, что пламя на самом деле представляет собой огненных змей, обвивающихся друг вокруг друга, шипящих, гремящих и плюющихся. Кроваво-красный свет, который они отбрасывают, никак не освещает тень, которая их удерживает. Звуки, которые они издают, похожи на шепот: Как сильно ты ненавидишь?

Он протягивает мне извивающийся клубок змей. Я поднимаюсь с кровати, встаю, пошатываясь, и поднимаю руку, чтобы принять его подарок. Потом я вижу, что змеи кусают друг друга, кусают его. Я вздрагиваю, но прежде, чем я успеваю отойти, гадюки вылетают из его руки в мою, проскальзывая под кожу. Тошнота сотрясает мое тело, и я стою на четвереньках рядом с кроватью, меня тошнит. Мир вокруг меня снова превращается в маленькую запесневелую комнату с мебелью из древесностружечных плит и уродливым ковровым покрытием.

“Куинси”, — вспоминаю я. “Потом Тринити, потом Джут...”

Раздается стук. Не раздумывая, я ковыляю к двери и открываю ее. Я в оцепенении

прислоняюсь к дверному косяку. В зале стоит маленький мальчик — 12, может быть, 13 лет. Я смотрю, вытирая кровь с носа. Он слегка наклоняет голову набок и говорит: “Вы, должно быть, Мэри Эллиен”.

Верни мне мое имя

Человек-тень — Винсент, наконец-то понял я, — сделан из дыма и тени, но у него все та же ухмылка, что и всегда. “А теперь позвольте мне рассказать вам одну историю”, — полупропел он. “У дьявола есть имя...”. Его рот кажется полным паутины. “Ну,” — говорит он затем, — “Прошло много времени.” Его голос не совсем синхронизирован с движением его тенистых губ.

Саша

Я больше не уверен в том курсе, который мы выбрали. Я знаю, что сбор потерянных родственников и детенышей сделает племя сильнее, но делать это вот так. Возможно, мысль о том, чтобы вырастить одного из них как своего собственного, обмануть мое бесплодие, заставила меня согласиться слишком легко. Знаете ли вы, что я беру бессмысленные безделушки из их домов? Я прикасаюсь к ним, коплю их, ношу их как фетиши и представляю, как живу скучной, ограниченной жизнью человеческой матери. Вот до какой степени я стал презирать жизнь изгоя, в которой я родился.

Сегодня вечером я собираюсь встретиться лицом к лицу с “неприятностью”, которая преследует меня. Мне нужно быть особенно осторожным, потому что Танцор рядом, охотится на меня, как я охочусь на него. Я должен убить его как можно скорее, или он получит реванш за Лиссабон. Подробнее позже.

Я не знаю, выживу ли я. Все изменилось. Враг рядом. Я продолжал преследование. Засада. Обжег меня. Сбежавший, слабый. Я мертв. Никаких союзников. Уставший. Отдых на северо-западе, от hpe до wke strng. Если нет, то hpe ты найдешь мои кости, + ths mssge.

Спасибо, что ты любишь мою сестру Сашу, несмотря на то, кто я есть.

Марселла

“Ты меня не пугаешь”, — говорю я ему.

“Я знаю”, — отвечает он. “Я не хочу. Я здесь не для того, чтобы сводить старые счеты, если ты так думаешь. Теперь все это для меня бессмысленно. Кроме того, мы с тобой уже не те люди, какими были, когда видели друг друга в последний раз.”

“И кто ты теперь?”

“Думай обо мне как о своей акушерке, которой было поручено наблюдать за твоими вторыми родами. Ты уже почти закончил. Почти готов начать новую жизнь.”

“Назначен? Кем?”

“Скажи мне, прямо сейчас, быстро. Каково ваше самое глубокое желание?”

Чего ты хочешь больше всего на свете?”

Я делаю паузу, затем отвечаю. “Дети. Мои... дети Мэри Элен.”

“Ну же, сейчас же. Ты оставил Мэри Элен позади. Отпусти ее ограниченные амбиции. Чего ты на самом деле хочешь?”

Я смотрю в землю, как ребенок, которого вызвали к сердитому родителю. “Голоса. Я хочу причинить им боль. Я хочу

— Я хочу услышать, как они кричат. -

Винсент кивает. “Это верно. Верно. И мы — силы, которые я представляю, — можем показать вам, как это сделать”.

Внутри меня что-то тихо стонет, ослабляя хватку, предвкушая свободу. “Но... но что...”

“Что мы хотим взамен? То же самое, чего ты всегда хотел. Мертвые монстры. Но мы не будем водить тебя за нос, как собаку, выпрашивающую угощение. Мы дадим вам все необходимые инструменты, а затем и некоторые другие. Разве ты уже не получил наш подарок? Все, что вам нужно сделать, это использовать

его”, — указывает он. Я поворачиваюсь лицом к гиганту, застывшему, как памятник. “Убей эту тварь”, — говорит Винсент. “Призови змей. Пусть они выплюнут свой огненный яд. Пусть они опутают и сожмут и положат конец его жалкому существованию. Пусть оно умрет, страдая. Тогда ты будешь на пути к еще большей власти”.

Я смотрю на монстра, и мой взгляд останавливается на его когтистых руках — снова. На самом деле, руки животного. Руки хищника. Намного больше, чем мой собственный.

“Сделай это, ты, которая когда-то была Мэри Элен Крамер. Претендуйте на новое имя и новую власть. Не похоже, что ты никогда раньше не менялся, не так ли? В колледже ты думал, что будешь нонконформистом всю оставшуюся жизнь, слушая андеграундный рок и сочиняя претенциозные стихи. И все же 10 лет спустя ты была футбольной мамой, одержимой обработкой окон и салатами из макарон. Затем ты стал воином во тьме. Теперь у тебя есть шанс снова преобразиться. Но действуйте быстро. Приближается еще один враг. Тот, кто пронзит тебя насквозь, чтобы убить этого зверя. Сделай это сейчас, и мы заберем тебя отсюда.”

Я парализован, вспоминая, когда в последний раз видел эти руки. Они гладили Майкла по волосам, прикасались к его лицу. Теперь я понимаю, какие чувства они выражали. Нежность. Горе. Сожаление. Может быть, это было шоу в мою пользу. Она, должно быть, знала, что я был там. Но даже в качестве обмана это было больше эмоций, чем я могла вызвать у отца моих детей, у человека, с которым я делила

постель в течение многих лет. И когда я осознаю это, я понимаю, что хочу снова стать Мэри Элен. Даже уставшая, одинокая, напуганная Мэри Элен, которая была опустошена жизнью, полной бесполезного насилия.

“Винсент, ” говорю я, — твои хозяева, кем бы они ни были, выбрали не того посла. Я смотрю на тебя и вспоминаю, кем я был раньше. Я думаю, что предпочел бы быть таким, а не тем, кем ты хочешь, чтобы я стал. Чем то, кем ты стал.”

А потом он исчез.

Сигнальная ракета падает на землю.

Рожденный Под Ударами

Почти в тот же миг, когда я ловлю вспышку, я чувствую боль в животе. Я падаю на колени, пытаюсь удержать факел над головой, когда что-то выходит из меня, поднимается по горлу, попадает в рот. На ощупь он холодный и имеет металлический привкус. Я давясь, меня рвет и душит, пока я не чувствую, как он скользит по моим зубам и губам. Я уверен, что больше не смогу открывать рот, что моя челюсть сломается, когда внезапно давление ослабевает. Я ожидаю увидеть, как анаконда толщиной с канализационную трубу вываливается у меня изо рта, но я могу различить только почти прозрачный контур, что-то вроде темного мазка воздуха, который уносится от меня вниз по тусклому туннелю.

Я чувствую себя лучше, голова ясная. В пределах моей кожи нет соперников по керлингу. Только знакомый огонь, горящий ровно, терпеливо ожидающий, даже несмотря на то, что я повернулся спиной к тем, кто его зажег.

Для вдовы-психопатки, запертой Бог знает на сколько футов под землей в пропитанном керосином туннеле с 12-футовым монстром, у меня все в порядке.

Я рассматриваю эту вещь. Я заставляю себя произнести ее имя. “Марселла”. Она лежит на спине, ее голова подергивается. Под ней образовалась лужа темной крови. Я вижу, что раны еще более обширны, чем я думал. Она издает бессмысленные звуки. Я опускаюсь на колени рядом с ней, подавляя отвращение и страх, и наклоняюсь к рваному уху размером почти с мою ладонь.

“Я не знаю, слышишь ли ты меня”, — говорю я.

“Мама, мама, сделай одолжение мне, дейша акви. Ес ищет постоянных партнеров. Ес estou geceoso...” У нее тихий голос. Девчачий. Ни сдержанного тона, ни хриплого рычания, которые я слышал раньше.

“Послушай”, — говорю я. “Послушай, мы не можем здесь оставаться. Это опасно. Что-то приближается, я не знаю, что...” Она издает еще

более безумные звуки, которые я не могу истолковать.

“Я больше не знаю, что делать. Мы должны заключить какую-то сделку. Ты и я. Понял?” Моя рука висит над ее запястьем. Я не могу заставить себя прикоснуться к ней. “Это все, о чем я могу думать. Сделать то, чего ни одна из сторон от меня не хочет”. Мне приходится вытирать слезы с глаз. “Все, чего я хочу, это чтобы они были в безопасности. Мои дети. Это все, чего я хочу. Я не могу о них позаботиться. Со мной они не будут в безопасности. Я даже не могу добраться до них, но ты можешь и...” О Боже. Майкл мертв. Сосредоточить. “Моя сестра — Сара. Она живет во Франции. Она могла бы принять их. Ты должен...” Это был шум? Где-то еще, где-то поблизости? Я не могу сказать. “Я так устал быть аутсайдером, монстром”. Я что-то бормочу. “Я не могу придумать ничего другого, кроме того, чего не хочет ни одна из сторон”. Должен ли я попытаться вытащить ее из туннеля? Она не кажется такой большой, как я думал. Сколько она весит?

Тогда я знаю, что что-то прибыло. Неуклюжий кошмар с головой гиены. Клыкастый и когтистый. Морис Сендак на кислоте. Зверь-убийца с горящими глазами и огромным окровавленным ножом в одной руке. Его ноздри раздуваются, когда он запрокидывает голову и вдыхает спертый воздух камеры. “А, — говорит он голосом, похожим на лес, полный медведей, — нашел тебя”.

Нет времени на раздумья. Нет времени умолять или блефовать. Я поднимаю руку. Этот жест — самое верное, самое уверенное движение, которое я сделал за всю свою жизнь. То, что вспыхивает внутри меня, — это не холодный, чистый свет, который я испытал, когда смотрел на пистолет Ф., или извивающиеся огненные змеи, которые дал мне человек-тень. Какая-то часть меня вырывается на свободу. Вспышка энергии вырывается наружу, как раздвоенная молния. Он опалает воздух, как сварочная горелка, и поражает монстра. Существо воет, как искореженный металл. Маслянистый дым поднимается от его горящего меха, и он, шатаясь, отступает назад, плача.

“И когда они расщепляют эти атомы/ Становится жарче, чем на солнце...” Такое ощущение, что земля трясется. Отдача отбрасывает меня назад, я задыхаюсь, у меня болят зубы, онемели руки и ноги. Зверообразное существо, пошатываясь, идет вперед и рычит. Я делаю это снова. На этот раз сила сбивает меня с ног. Я, пошатываясь, выпрямляюсь. Монстр неподвижно лежит на спине. Воздух пропитан запахом горелых волос и плоти. У меня болит шея. Мои барабанные перепонки пульсируют. Свет и тени танцуют вокруг меня. Загорелись лужи керосина. Пары обжигают мне глаза, щиплют нос.

Марселлы больше нет. Там, где лежало ее тело, теперь сухая земля и запекшаяся кровь.

Я бегу. Мой фонарик пропал. Я не помню, что с ним случилось. Неужели я обернулся? Окажусь ли я снова в камере? Нет, я иду вверх по склону. А потом туннель заканчивается, земляная стена преграждает мне путь.

Паника. Нужно выбираться отсюда. Я цепляюсь за стену. Темнота. Мой разум сжимается и закрывается. Я становлюсь животным. Я бормочу какие только могу слова, карабкаюсь по грязи, пытаюсь сохранить чувство собственного достоинства. “Меня зовут Мэри Элен Крамер. Я родился 17 сентября 1963 года в Янгстауне, штат Огайо. ”Почва, кажется, впитывает мой голос, как вода. “Мою мать звали Энн”. Теперь мне трудно дышать. “Я... изучал... историю искусств в... колледже... Я... раньше... ходил... купаться на... По четвергам... и... Субботы...” Мои пальцы кровоточат. “Встретил... Майкл... на... концерте... Говорящие головы... Моя... сестра... живет в... Франция... Мои дети... ушли.”

Это просто слой скопившейся грязи, мусора и мелких камней, который обрушился на устье туннеля. Я протискиваюсь внутрь, на прохладный, открытый воздух. Я падаю в грязь и плачу, как новорожденный.

Сейчас

Я использовал “белую молнию”, наверное, дюжину раз, разыскивая группы охотников, слушая их скучные истории. Я предлагаю себя в качестве решения их проблем. Они решают, где и когда. Они используют меня как свое секретное оружие. Для меня это не имеет значения. В каждой группе я выбирал одного или двух. Нанесите небольшой визит. Укажите, что происходит на самом деле. Посадите несколько семян. Если они проживут достаточно долго, увидят и сделают достаточно, они поймут, кто их истинные враги. Они расскажут другим. Не доверяйте Посланникам. Не сражайтесь в их битвах. Не будьте пешками. Найдите способы работать против них. Это мое послание. Это моя месть.

Дорогая Мэри Элен.

Мне смешно писать это, зная, что ты никогда этого не увидишь, но психотерапевт думает, что это мне поможет.

То, что Алтан с нами, — это чудо. Мы всегда будем дорожить им. Несмотря на трудности, через которые ему пришлось пройти, он полон жизни. Иногда он рыдает по дому, как монстр. Он приносит такую радость и энергию в наш дом.

Я никогда не забуду ту ночь, когда его привезли. Агенты правительства рассказали нам все, что могли. У одной из них, высокой женщины, был такой странный вид. Ее глаза были такими грустными и добрыми. Просто глядя на них, я успокаивался. Есть много вещей, которых я не понимаю и, вероятно, никогда не пойму. Это было страшно слышать. Как вам пришлось вступить в программу защиты свидетелей. Легенды о разводе и пожаре. Но я полагаю, что детали не имеют значения.

Это так несправедливо. После всего, что ты пережил, все это время скрываясь, чтобы тебя, Майкла и девочек забрали у нас, оказавшись не в том месте не в то время. За то, что ты увидел то, чего преступники не хотели, чтобы ты видел. Если бы Атан тоже был убит, узнали бы мы когда-нибудь правду? Мне не нравится думать об этом.

Я думаю о тебе каждый день. Атан растет сильным и красивым мальчиком. Я скучаю по тебе.

С любовью, Сара

Каждый раз, когда я выпускаю молнию, ее все труднее контролировать. В последний раз он не покинет мое тело. Это будет бушевать внутри меня. Пламя пронзит меня, как когти. Все, чем я был раньше, ушло. Я понимаю, что огонь, который я ношу внутри себя, исходит из будущего. Я вижу людей и монстров, вовлеченных в бесконечный конфликт, не подозревающих о приближающемся пламени, которое преследует их по пятам. Если бы они просто посмотрели вверх, то увидели бы, что мир — это игрушка для титанов. Посланники и их темные противники смотрят вниз с невозможных высот, осторожно кружат друг вокруг друга, вкладывая слова в уста умирающих людей. Они передвигают свои пешки взад и вперед с холодным безразличием.

Время простирается справа от меня, пространство слева, и там, где они пересекаются, лежит мир. Темные и светлые силы извиваются, как змеи, не ведая о третьем направлении под прямым углом к ним обоим. Остатки меня сторают, и я напрягаюсь, чтобы заглянуть на этот средний путь. Я не вижу, чтобы кто-то смотрел на меня в ответ. Это немигающий глаз одиночества. Бесконечный клубок тишины. Нечто, о чем и не мечталось. Он терпеливо наблюдает за сражающимися армиями, ожидая, когда эта глупая маленькая игра наконец закончится.

В свои последние мгновения я тянусь к нему.

Глава 2: Трещины, как земля в пустыне

Они повержены и пали; но мы воскресили и стоим прямо.

— Псалом 20:8

Моя кожа сухая. Как и внутренняя часть моего носа. У меня уже было кровотечение из носа из-за разреженного воздуха здесь. Я не помню, чтобы это было так, когда я был молод. Конечно, я многого не помню из того времени. Может быть, так было всегда. Может быть, дьявол за моей спиной с тех пор так и сделал.

Как давно дьявол находится здесь, в Коллбране? Должно ли это быть 'Дьявол' с большой буквы "Д"? Это дьявол? С Древа Познания? Ангел, которого выгнали с Небес? Боже, я не знаю. Я не знаю разницы между дьяволами или типами дьяволов, я думаю. Я знаю только, что есть один, и он находится в этом камне. Прячется. Даже во сне. Я не знаю, пойман ли он здесь в ловушку или заключен в тюрьму, или это просто... что? Может быть, ждет? Я думаю, что это наполовину в этом мире, наполовину в другом, где бы это ни было. Я боюсь узнать, что произойдет, когда это наконец выйдет наружу. Прямо сейчас, это в той странной области, где ваши глаза могут быть закрыты, и все же вы все еще видите вещи, вещи, которые могут быть реальными, или вещи, которые, возможно, никогда не были реальными.

Я часто вижу подобные вещи.

Именно эти вещи привели меня сюда, домой. Я могу видеть город отсюда, прижавшись спиной к скале, когда солнце встает над плоскогорьем. Я могу представить себе ореол вокруг солнца и смотрю на него несколько минут, чтобы посмотреть, не появятся ли у меня какие-нибудь видения. Это были видения, которые направляли меня домой, шаг за шагом, к этому месту, к этой скале. У меня есть долг. Я знаю, что это труд любви, но я еще не разобрался в деталях. Это придет ко мне. А до тех пор я здесь.

Я буду смотреть на солнце, пока видение не подскажет мне, что делать. Я получаю много своих идей таким образом. Я увижу что-то в лампочке, в светофоре, что-то в солнце или луне. Он проникает прямо в мою лобную долю. Это правильная часть? Лобная доля? Может быть, я имею в виду кору головного мозга. Или эта маленькая часть в форме морского конька, гиппокампа. Я не нейрохирург. Просто 20-летняя никчемная девчонка. Просто глупая девчонка по имени Лорна, которая хочет помочь всем кошмарам мира. Я посещал несколько уроков анатомии в местном колледже, но довольно быстро бросила учебу.

Так что, да, я вижу правду в свете. Как Павел, или Савл, или кто там еще, по дороге в Дамаск. Мгновенное просветление. Просто добавьте

вспышку света. Некоторые жертвы похищения инопланетянами говорят, что с ними происходит то же самое. Красный лазер направлен им в глаза, и внезапно у них в голове возникают планы антигравитационной машины, и они не знают, откуда она взялась. Разве это не странно? Я предполагаю, что это послания от Хороших Врачей.

Некоторые люди, которых я встречал (а я встречал много людей), называют их Министрами, или Герольдами, или просто "Голосами", но я получаю гораздо больше, чем просто голоса. И это не сообщения. 'Сообщения' звучат как что-то, что вы получаете в печеньке с предсказанием. Я получаю полнометражные фильмы. Мораль высечена в моем сознании. Полные откровения.

Я говорю бессвязно. Позвольте мне перейти к делу. Я пришел к этой скале, к дьяволу в этой скале. Самое главное, я думаю, в город, где я рос, пока мне не исполнилось 13 лет. Я пришел сюда, чтобы исцелить все это место. У меня очень мало еды. Пара книг, мой плеер, запасные батарейки и пара потрепанных наушников. Я готов отдать этому все, что у меня есть. Я просто не знаю, куда я направляюсь, понимаешь? Что уготовила мне судьба. Место назначения. Судьба. Мне это нравится. Эти два слова имеют смысл вместе.

Итак, считайте это моей Последней Волей и Завещанием. Лорна Уилборн дома и спит с Дьяволом, и здесь я, вероятно, умру.

Возвращение на родину

Город называется Коллбран. Возможно, я уже говорила это. Он расположен здесь, в вест-энде штата Колорадо, недалеко от Гранд-Джанкшн, недалеко от границы с Ютой. Вдалеке можно увидеть все мессы, покрытые деревьями, но здесь все по-другому. Коллбран — песчаный, пыльный, почти красный город, как будто мы в пустыне. Иисус был в пустыне. Иисус был искушаем дьяволом в пустыне. Я не поддаюсь искушению. Я тот, кто соблазняет. Я вырос здесь, на другом конце города, в районе под названием Ред-Рок-Норт. Мои мать и отец пили немного чересчур, но они были милыми и любили меня. Я не одна из тех девочек, чьи родители били ее или отказывали ей в вещах или что-то в этом роде. Это для всех остальных. Моим крестом, который я должен был нести, обезьяной на моей спине,

было изнасилование. Я помню это так, как будто это было что-то, что случилось с кем-то другим. Сейчас это меня не особо беспокоит. Четверо мальчиков-подростков. Мне было 13 лет. Они были... сколько, 16, 18? Все еще в старшей школе. Брэд, Хикс, Скотти и Шон. Я не помню их фамилий. Мои родители были на каком-то торговом съезде в Сенчури, недалеко от Боулдера, где мой отец торговал скобяными изделиями. Я писал дурацкие стихи на детской площадке, и там они меня и нашли. Они порвали мои стихи и насиловали меня, пока не взошло солнце.

Вы могли бы подумать, что я их ненавижу, но это просто так не работает. Может быть, так и должно быть, но как только я решила простить их, все стало проще. Прощение — это ключ к тому, чтобы пройти через все двери в жизни. Забудь об этом, говорю я. Отключись от этого. Отпирайте каждую дверь, говоря внутри себе и снаружи им: мне жаль. И тогда, сестра, ты исцелена! Так все заживает. Вы знаете, что означает 'Аминь'? Это значит сделать так, чтобы это было так. Или пусть это будет сделано. Что-то вроде того. Ангел сказал мне. Однажды ночью он прошептал это мне на ухо, когда я спал. И вот оно у вас есть. Вот в чем секрет.

После изнасилования я некоторое время лежала в больнице. Потом мы переехали в Сенчури, что-то вроде полуболючки Колорадо-Спрингс. Городские дизайнеры использовали ту же планировку улиц. (В наши дни все перерабатывается.) Итак, вот таким я был — по-настоящему злым ребенком, пока на меня не снизошло понимание. Это произошло быстро. Меня тошнило весь день. Это иногда случалось после изнасилования. Меня просто подташнивало, как будто у меня была утренняя тошнота. Были и кошмары. Ничего, что я мог бы вспомнить. Просто сны, которые оставляли меня опустошенным до конца дня, я спотыкался, чувствуя себя не совсем в порядке.

Потом, позже, я стал. Я был избран. Я не воспринимал это так, по крайней мере, поначалу, но со временем я понял, что мне повезло. Отчасти это были видения. Они не замедлили указать на то, кем я стал. Я даже слышал, как люди, проходившие по тротуару или в банке, шептались обо мне, все вместе, говорили о том, кем мне суждено было стать. Некоторым из них я не нравился, и они говорили, что я потерплю неудачу. Другие говорили, что я стану подобен белому свету, и они последуют за мной, если я попрошу их. Даже сейчас, если я слушаю эфир, я слышу, как они говорят об этом. Это немного похоже на стрекотание сверчков. Иногда это звучит как слова.

Первое видение

Он приходила и уходил, как вор в ночи. Это был мой сын. Не то чтобы у меня когда-либо был

сын. Когда-то давно я была беременна от изнасилования. 13-летняя глупая девочка с булочкой в духовке. Рожденный из насилия, построенный из крови насильников. Мои родители сделали мне аборт. Если бы у меня был ребенок, это был бы мальчик, и я бы назвала его Микки. Не после мыши. В честь моего дедушки, который был врачом и хорошим человеком, который лечил болезни. Итак, Микки (сын, а не дедушка или мышонок) пришел ко мне всего пять минут назад, около полудня, и объяснила некоторые правила игры.

Он улыбнулся и сказал: "Вот к чему все это сводится. У нас в городе полно людей, многие из которых плохие. Многие из них плохо думают о вас, о мире, обо всем на свете. Это не их вина. Повторяю: это не их вина. В скале сидит дьявол. Это также не вина дьявола. Дьявол — это сон. Живой кошмар, застрявший между мирами. Кошмар о спящем великане с большим красным глазом в черном небе. Вместе мы собираемся простить их всех и пробудить от дурного сна. Приготовься, Лорна. Это будет нелегко".

Я улыбнулся и сказал, что хорошо. Он сказал мне, что если я прошу город и помогу дьяволу, я смогу исцелить мир. Я надеялся, что он был прав.

Затем он показал мне отрывок из "Пророка" Халиля Джебрана. Это одна из книг, которые я привез с собой. Он хотел, чтобы я прочитал о добре и зле. "Ибо что такое зло, " говорилось в книге, — как не добро, терзаемое собственным голодом и жаждой?" Я согласился со своим сыном. Затем он ушел и исчез вот так, как что-то в теплом парах. Я крикнул ему вслепую, но было слишком поздно. Он снова стал никем. Я вижу его не в первый раз.

Так прекрасно, что ты сводишь меня с ума.

Микки был моим первым настоящим видением. Каждый раз это был просто голос в моей голове, густой, гулкий, мертвый звук, который говорил не столько со мной, сколько со мной. "СМЕРТЬ НУЖДАЕТСЯ В ЛЮБВИ". "КРОВЬ НЕСЕТ СТРАДАНИЕ". "ОНИ ПЕРЕДАЮТ ЭТО ДРУГИМ". и тому подобное. Что-то я помню, что-то нет. Но это были просто обрывки, просто какая-то ерунда, которая представляла собой не более чем загадки и намеки. Потом я нашел ведьму.

Я ненавижу это слово 'ведьма'. Рифмуется с 'сука'. Абсолютно отрицательно относится к женщинам. Почему я им воспользовался? Это была даже не женщина. Это был мужчина. Я бы сказал "чернокнижник", но это звучит нелепо, как будто он был каким-то чудачком из страны Оз в пурпурной мантии и с усами, как у Снидли. Скажем так, я нашел его на пожарной лестнице в Сенчури, и там не было фиолетового халата —

только фланелевая толстовка и пара спортивных штанов с дырками до колен, без шнурка. Добрые Врачи направили меня к нему, оставив мне сообщения по всему городу, чтобы я попал туда. Когда я добрался до него, у меня включилось зрение, и я увидел, как странно он выглядит, как будто у него ВИЧ-инфекция или очень сильный синяк.

Он держал себя в руках и дрожал (хотя был май и теплый дождливый вечер). Он повернулся ко мне с этими большими, красивыми глазами и сказал: “Я думаю, что я их всех убил”. Потом что-то выпало у него из руки (пузырек с таблетками, как я узнал позже), и он упал с пожарной лестницы. Его голова ударилась о тротуар, а шея сломалась. Его голова была странно наклонена, а тело сотрясалося.

Во всяком случае, все остановилось или замедлилось. Даже капли дождя замедлились. А потом появился Микки. Он спрыгнул с пожарной лестницы и присел на корточки в полной тишине. Он пристроился рядом со мной и взял меня под руку, как будто вел на выпускной. Он просто печально вздохнул и сказал: “Привет, мам”.

Я чуть не умер. Здесь был мой сын. И я знал, что он был моим сыном. Не было никакого замешательства или вопроса. Это был Микки! На вид ему было лет 13, примерно столько же, сколько мне было, когда он был зачат, хотя это и не имело смысла. (Двадцать минус 13 — это семь, так почему же ему не было семи лет? Позже, в других видениях, он будет таким.) И все же мне было наплевать. Я любила его и то, каким он был рядом со мной — теплым, твердым и определенно настоящим. Я могла сказать, что он любил меня в ответ. Словно прочитав мои мысли, он сказал:

“Только любовь позволила бы мне пересечь время и пространство, смерть и жизнь, чтобы увидеть тебя, не так ли?” Затем он улыбнулся. “В последнее время ты был на правильном пути. Наверху за тобой наблюдают люди, и ты получаешь пятерку за старания — пока. — Он похлопал меня по плечу.

“Я люблю тебя”, — сказал я.

“Ты должен любить всех, вот в чем дело. Не просто люби меня. Люблю это место в целом. А что такое любовь? Любовь — это способность прощать, а не забывать. Никогда не забуду. Прощение — это врата к твоей силе, а в тебе так много силы, мама.”

Я нахожу это замечательным. Прощение — это сила. Совершенно абстрактная идея, но я потянулся к ней, как пчела к меду. До этого мне просто было жаль их всех. Всех, себя, кого угодно. Мне просто было плохо, и я хотела, чтобы им стало лучше, поэтому я попыталась помочь. Но прощение и сила.... Я кивнула, на глаза навернулись слезы, и я спросила Микки, с чего мне начать.

Он указал на тело большим пальцем. “Он, вероятно. Внутри тебя есть сердцевина этого прощения. Просто подойди туда и дай ему большой влажный поцелуй, и ты почувствуешь, как он переходит от тебя к нему. Я собираюсь ненадолго оставить тебя, но я вернусь. Я приведу друзей. Они расскажут вам другие вещи. Если все пойдет по плану, что ж... давай просто скажем, что посмотрим. Глаза наблюдают. Я люблю тебя, мама. Увидимся когда-нибудь в Царстве Всего Хорошего”.

Я одними губами произнесла слово “Хорошо”, но он уже ушел, и мир возобновился. Я увидел мимолетный проблеск лица моего абортированного сына в мутной масляной луже, и тогда единственное, о чем я беспокоился, был чернокнижник. Я без колебаний последовал инструкциям Микки — как мог мой сын ошибаться? Он не был. Подарок, который он мне подарил, был очень сильным. Я прижалась губами к губам мужчины, и жидкость потекла от меня к нему. Это была любовь. Это было прощение. Бело-золотистый. Мужчина дернулся и проснулся. Он был жив, здоров. Готов возобновить ту великую судьбу, которая была уготована ему для жизни. Его голова была выпрямлена. Ни сломанной шеи, ничего. Он казался сбитым с толку и не мог сразу заговорить.

Это было глупо, но я была так ошеломлена, что расстегнула его штаны и занялась с ним любовью прямо там. Я оседлала его и позволила нашей любви смешаться. Он казался шокированным, но мне нужно было подарить ему много любви. Что я могу сказать? Потом я поцеловала его в лоб и сказала, что, что бы это ни было, это не его вина. Тот, кто умер, простит его, и они будут ждать его в Царстве Всего Хорошего, если он будет хорошим человеком и будет терпеливо ждать. Потом я ушел.

Определение

Наручники. Я решаю, что это секрет. Я сижу здесь, размышляя о своей цели и размышляя о том, когда я сделал это с чернокнижником. Иногда тело не делает того, чего хочет голова, верно? Я просто знаю, что мое тело предаст меня, и где-то на этом пути мне захочется убежать за водой, едой и всем остальным, но это не причина моего пребывания здесь. Я должен оставаться спокойным. Поэтому я сковываю свои ноги наручниками в лодыжках. Затем я беру ключ и выбрасываю его. Он отскакивает от нескольких маленьких красных камней и исчезает. На секунду я задумываюсь, зачем я вообще взял с собой наручники. Где я их взял? Кого это волнует? Они здесь, и они мне нужны.

Я собираюсь это сделать. Я нечто особенное. Что-то, чего не видели уже очень давно. Иисус мог бы быть таким же, как я. Мухаммед тоже. И этот Пророк. Будда. Зороастр. Все хорошие

люди. Хорошие люди, которые знали, что исцелять — значит быть исцеленным. Кто знал, что для того, чтобы попасть в Царство Всего Хорошего, мы сами должны быть хорошими.

В пустыне, указывая на скалу за моей спиной, стоят два ангела. Херувимы, каждый из которых похож на старую, потрескавшуюся фарфоровую куклу, положили подбородки на рукояти мечей. Мечи в огне. Ангелы шепчутся друг с другом о вратах в Эдемский сад. Они рассказывают секреты, но я знаю, что не готова их услышать. С течением времени я буду готов. Я буду посвящен в их секреты.

Симпатия к дьяволу

Ночь была суровой и холодной, как и все остальное здесь. Я помню это с тех пор, как был молод. Я хочу немного поговорить о дьяволе и скале. Скала очень большая — может быть, в 10 раз выше меня. Большая, красная, скалистая штука, похожая на палец, указывающий на Бога. Цвет ржавчины напоминает мне о засохшей крови. Я видел это слишком много раз. Но в крови есть прощение (просто почитайте Библию), так что я согласен с этим. Тем не менее, в моей жизни было много крови. Это началось, когда мне было 13 лет. После детской площадки на моих бедрах было много засохшей крови. Мои губы и мое платье тоже. Подождите, я говорила о скале и дьяволе, и вот я снова бреду.

Дьявол кроется в скале, как я уже говорил. Я не знаю, как он туда попал. Я думаю, это не столько физический дьявол, сколько... духовный? Это правильное слово? Кто знает? Суть в том, что если бы я расколол камень пополам какой-нибудь святой силой (силой, которой у меня нет, во всяком случае, пока), вы бы не увидели никакого дьявола. Оно было бы там, только содержалось бы в каждом маленьком осколке камня, но на самом деле его там не было. Не так, как это поняли бы обычные люди. Я еще не получила полного представления о дьяволе.

На самом деле, вообще никакой картины, кроме той, что сложилась у меня в голове. Я просто слышу, как она спит. Я сказал "она"? Это странно, до сих пор я понятия не имел, что дьявол — это она, но в этом есть большой смысл. Большую часть времени я могу общаться с женщинами намного лучше, чем с мужчинами. Вот почему я была консультантом по кризисным ситуациям с изнасилованиями в Сенчури. Я помогал женщинам прощать своих монстров, иногда лицом к лицу. Встреча со своими монстрами позволила им избавиться от своей боли. Я даже призвал их не выдвигать обвинений. Наказание нападавших было просто еще одним способом передать боль. Извините меня за то, что я говорю, но перекладывать ответственность подобным образом — это чушь собачья. Плохая идея, если таковая вообще существовала.

Я пытаюсь сказать, что если этот дьявол действительно женщина, то мы прекрасно поладим. Я помогу ей покинуть это место. Я помогу кошмару закончиться для спящего гиганта.

Второе видение

Я был голоден и хотел пить, поэтому с жадностью проглотил пакетик фисташек, который принес с собой. Красная земля рядом со мной, усеянная красными ракушками, напоминала о крови. Кровь агнца. Кровь прощения. Кровь проклятых. На самом деле там внезапно образовалась лужа настоящей крови, а потом она заговорила со мной. Это звучит странно, но не так сильно, как вы могли бы подумать. Не хуже, чем говорящий горящий куст. Там не было никакого рта, но я все равно изобразил его, потому что это имело больше смысла. "Бог дал Церкви дар", — сказала кровь. "Дар экзорцизма. Но они им больше не пользуются. Не так, как следовало бы. Вот почему ты здесь. В мире полно дьяволов, и на каждого дьявола есть один экзорцист. Этот дьявол очень большой и очень сильный, но если ты достоин и знаешь свою собственную кровь, ты будешь упорствовать. Ты — экзорцист. А теперь, пожалуйста, обратитесь в своей Библии к Евангелию от Матфея, 10:1."

Я поспешил достать Библию, которую принес с собой. Это заняло у меня минуту, но я нашел проход. "Призвав своих 12 учеников, он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и исцелять всякого рода болезни и немощи". У меня не было другого комментария, кроме того, что это звучало идеально. "Нечистые духи"? Даже мысль об этих словах автоматически вызвала у меня образ города и всех его жителей, спотыкающихся с ядовитыми трубками, воткнутыми в их сердца. Я поблагодарил говорящую кровь за то, что она проповедовала мне о моей важности. Это прекрасно — быть нужным.

Огонь и Прощение

Иногда я учил монстров прощать самих себя. Большую часть времени это учило других прощать монстров, чтобы показать им, что существа не всегда знают, что они делают. Ты действительно думаешь, что монстры сами напросились быть такими, какие они есть? Они были изнасилованы. Выбор быть тем, кто они есть, вообще не был выбором. Это проникающий акт, превращение в монстра. Нарушение самой вашей человеческой природы. Иногда мне приходилось показывать это даже монстрам.

Был один, бедный кровопийца по имени Стюарт. Он был милым мальчиком. (Забавно, он

был старше меня как в человеческом возрасте, так и в возрасте вампира, и я называю его "мальчик".) Он сказал, что его мать Аннализ отправилась умирать в Рио-де-Жанейро. На самом деле, сказал он, в джунглях проснулся большой монстр и позвал многих своих детей домой, и Аннализ была одной из них. Или она была одной из его внуков. Многие люди ушли и больше не вернулись. Он сказал, что его мать заключала сделки с демонами. Он все это видел, но так ничего и не сказал. Я поверил ему. Зачем ему лгать мне? Я слышал, его мать была настоящим чудовищем. Я предполагаю, что некоторые ее ненавидели, но я думаю, что она находилась под контролем большого монстра. Голод Аннализы не был ее собственным. Как и у Стюарта. Очевидно, это передавалось от монстра к сыну, от сына к дочери, как жестокая услуга.

Я научил Стюарта отказываться от одолжения. Я сказал ему, что он был изнасилован насильником, и его собственный насильник (его мать) сама была жертвой изнасилования. Вот как это происходит. Ты насилуешь меня, а потом я продолжаю насиловать кого-то другого. В отместку, но это неправильная идея, и я это понял. Я должен быть рупором этой идеи, которую людям трудно понять. Если бы его не остановить, Стюарт, вероятно, приставал бы к кому-нибудь другому точно так же, как и он, и поэтому я сказал ему об этом. Это заняло некоторое время. Недели разговоров, приковывающих его к месту и засыпающих одними и теми же вопросами снова и снова. Я попросил его искать свою собственную человечность. Я знал, что он был там, спал, как дьявол в скале. Пришло время разбудить его! Встряхни его ото сна и покажи миру.

Это сработало. Он почувствовал себя лучше. Мы сидели и смотрели на восход солнца. Он был истощен, опустошен, устал. Он плакал кровью, и она стекала по его щеке. Это напомнило мне ржавые пятна от воды на старых трубах. Он улыбнулся, а потом сторел в моих объятиях с первыми лучами солнца. Я тоже был обожжен его плотью. У меня все еще есть шрамы на внутренней стороне рук. Ожоги — это напоминание о том, как хорошо работает мое преподавание. Я увидел солнце, солнце, которое действительно даровало ему прощение, и мне было позволено увидеть мое второе настоящее видение. Сейчас я этого не помню, все немного туманно, но я видел только проблеск Конца. Темные фигуры, поднимающиеся из земли и океанов. Марионеточные ниточки. Зубы и когти. Черный лев. Глаза открываются на Поясе Ориона. Пирамиды разлетались в пыль, которая щипала мне глаза. Мигающий красный глаз. Мир крови.

Насильник

Была почти ночь, и мои глаза были закрыты, но сквозь веки я видел красное, потом синее, потом красное, потом синее. Я открыл их и увидел полицейскую машину, стоящую примерно в ста футах от меня. Из машины вышел полицейский и подошел ко мне с растерянным выражением лица. Мне потребовалась всего секунда, чтобы узнать его — одного из моих четырех насильников. Скотти Кесслер. Джокер. Бегущий назад. Мальчик-подросток, который работал в дилерском центре John Deere своего отца. 16-летний парень, который прижался своим тощим телом к моему, когда чей-то спортивный носок просовывали мимо моего языка. Он не узнал меня.

Еще не совсем стемнело, но он посветил на меня фонариком. Я наполовину ожидал увидеть в нем видение, но не в этот раз. Затем он показал на наручники на моих лодыжках. Выражение его лица было бесценным, как говорят в рекламе кредитных карт.

“Что ты делаешь?” он спросил.

“Я не знаю. Жду.” Он посмотрел на меня, как на какую-то сумасшедшую девчонку. Он все еще не узнавал меня. Я имею в виду, что с тех пор я набрала несколько фунтов. Теперь у меня действительно есть сиськи. Но его лицо было так близко к моему в ту ночь, я думаю, он сразу узнал бы меня.

“Боюсь, мне придется попросить вас уйти”, — сказал он. Я спросил его, почему? “Это земля BLM”.

“Я не знаю, что это такое”, — сказал я ему. Он вздохнул. “Бюро землеустройства. Они владеют этим. Это государственная собственность. Ты не можешь...” Но он не закончил фразу, и на минуту я подумала, что он собирается выяснить, кто я на самом деле. Не повезло.

Поэтому я спросил его: “Что я не могу?”

“Я не знаю”, — сказал он. Он выглядел смущенным. “Что ты здесь делаешь?”

Я подумывал солгать, но решил, что у меня осталось совсем немного времени. Я полагаю, Ложь не очень хорошо воспринимается в Царстве Всего Хорошего. Разве они не говорят, что правда сделает вас свободными? Я всецело за свободу. Свобода — это то, что находится по ту сторону двери, когда вы понимаете, что такое прощение. Так я ему и сказал. Я объяснил, что я жду здесь, пока не исчерпаю себя, пока у меня не будет Силы Серого Черепа или чего-то еще, пока я не смогу спасти их всех, освободив их. Он обвис, как сдувшийся воздушный шарик, и разочарованно опустил голову. Вероятно, он ожидал увидеть протестующего или какую-нибудь девчонку, разыгрывающую глупую шутку в женском обществе.

“Отлично, псих”, — сказал он вслух, ни к кому, кроме самого себя, качая головой. “Теперь мне придется принять тебя”.

Я не мог этого допустить. И не похоже было, что Скотти Кесслер собирался получить какие-либо откровения в свое свободное время (во всяком случае, не для моего удобства), поэтому я выложил все это на стол.

“Ты изнасиловал меня, когда мне было 13”, — сказала я. Он закатил глаза, как будто я несла чушь. Но потом, секунду спустя, он понял, насколько ошибался, и это был фантастический, унижительный момент. Паника. Страх. Я почти слышала, как у него скрутило живот.

“Лорна”. Вот что он сказал. Мое имя. Он прошептал это, как если бы вы произносили тайное имя Бога. Вот и я, подумал я, призрак из прошлого, гремящий своими окровавленными цепями по пустынной земле.

Я сказал ему, что он был прав, что это была я, Лорна. Что он и еще трое мальчиков изнасиловали меня на детской площадке. Что они катали меня на горке, на качелях и в песочнице. Я сказал ему, что врачам пришлось вытаскивать песок из ожогов на моей спине. Он отшатнулся и издал звук, похожий на крик раненого животного. Я чувствовал себя очень плохо. Я не хотел тыкать его в это носом. Я просто хотела, чтобы он запомнил. Поэтому я сказал ему — и это была бомба, взорвавшая Хиросиму, — что я простил его.

“Я не знаю, что заставило тебя это сделать”, — сказал я. Может быть, остальные трое создали тебя. Может быть, в тот день вы играли друг с другом в раздевалке и сделали то, что сделали со мной, чтобы не чувствовать себя геем. Или, может быть, твой отец нарядил тебя как дочь на “Джоне Дире” и сделал с тобой то, чего ты даже не помнишь. Все в порядке. Мы все просто звенья большой цепи нарушений. Но теперь я свободен, так что все в порядке. Прости себя, а потом... выпусти свою боль наружу.” Как электрический ток, подумал я.

Он не очень хорошо справлялся, но я думаю, этого следовало ожидать. Я имею в виду, что эта идея прощения — это не просто пробки в час пик. Это серьезный бизнес. Дело ангелов и пророков. Это свет, который ослепит тебя. Он начал пятиться и уронил фонарик. Прежде чем он побежал обратно к своей машине, я сказал ему, что он должен оставить меня здесь, чтобы закончить мою работу. Что я была бы очень признательна, если бы меня оставили в покое, чтобы все стало лучше. Он хлопнул дверью, красные и синие огни погасли, и его шины разбрызгивали пыль и камни, когда он рванул обратно в город.

Нечистые духи

Этот город всегда был полон странных людей. Это было, когда я был молод, и я чувствую по ветру, что сейчас то же самое. Люди были плохими. Они не хотели быть такими, но они были такими. Как мои насильники. Четверо парней, которые не знали, что они делают. Последствия не имели значения. Они невежественны и глупы и просто передают терновый венец, который был возложен на их головы кем-то другим.

Насильники были не единственными неудачниками. Там были и другие люди. Проблемные люди. У меня была тетя в городе. Дабни. Что за имя — Дабни. У нее был этот муж, а не мой родной дядя. (Я никогда с ним не встречался). Это был тот, за кого она вышла замуж, когда мне было, может быть, девять или 10 лет. Он был “Зеленым беретом” или кем-то в этом роде во Вьетнаме. Парень с безумными глазами, по-настоящему счастливый. Он рассказывал истории о войне, но не так, как будто это была Цельнометаллическая оболочка, а как будто это было что-то из фильма Шварценеггера. Его истории были захватывающими воспоминаниями, а не детоубийственными кошмарами. Я думал, что моя тетя любила его, но однажды она решила напасть на него с лампой, пока он спал. Потом она развелась с ним и попыталась добиться, чтобы его выгнали из армии, сказав им, что он гей. Что заставляет человека поступать подобным образом с тем, кого он любит?

Потом был парень в хозяйственном магазине. Он приходил каждый день и разговаривал с моим отцом, как будто они были приятелями. Говорили о рыболовных приманках и пуленепробиваемых зернах, а потом однажды он зашел в столовую дома престарелых и начал рубить стариков ножом. Именно так. Там был его отец. Старик, 83 года или что-то в этом роде. Он был единственным, кого пощадили. Я не знаю почему.

Но это Колбран. История домашнего насилия и людей, которые просто больше не могут этого выносить. Город никогда не достигал точки кипения, но всегда парил чуть ниже нее, с лихорадкой, которую люди не могли побороть. Много из этого передавалось по наследству в великом круге дерьма. Люди причиняют людям боль, потому что им было больно, бла-бла-бла. Но где-то по пути, как я теперь знаю, появился дьявол и вошел в скалу. Я не знаю, была ли она там все это время или то, как люди относились друг к другу, привело ее сюда. Это болезнь.

Но, как и они, это не ее вина. В этом нет никакой вины. Она — продукт безумного космического разума. Не Бог. Кто-то другой. Я не знаю, кто. В любом случае, ее яд не был принят, он был введен. Как я уже сказал, эта чудовищная штука — проникающий акт. Все невиновны. Им

просто нужно помнить об этом, когда им показывают путь. Я — фонарик, как тот, что уронил Скотти. Я пробираюсь сквозь тени и показываю путь.

Я очень проголодался. Там оставалось немного еды: батончик "Сникерс" и пакетик изюма (те самые клюквенно-изюмные оладьи). Я съел изюм и почувствовала привкус спасения.

Собирание струпьев

В полдень стало жарко. Мой лоб казался горячее, чем земля. Я начал задаваться вопросом, зачем я вообще сюда вернулся? Зачем мне возвращаться в такое место, как Коллбран? Цель, сказал я себе.

Видите ли, будучи такими, какие мы есть, мы видим маленькие цели. Крошечные цели, о которых мы заботимся с помощью наших глупых маленьких детских шагов. Это был я. Бродил по Сенчури и другим местным городам, исцеляя и прощая одного за другим. Монстры нуждались в моих словах, и я благословляла их, как мог.

Я ни разу не вспомнил о том месте, откуда пришел. На самом деле, я в основном выбросил это из головы. Зачем возвращаться и думать об этом? Зачем ковырять струп? Но по мере того, как я выполнял все больше и больше работы, я пришел к пониманию, что иногда нам приходится срывать струп, чтобы инфекция вышла наружу. Иногда его нужно вот так чистить. А здесь, в моем прошлом, был один гигантский нарыв, покрытый коркой и сочащийся. Он созрел для серьезного сбора. В конце концов, разве я не решил, что мы должны противостоять всей боли, которая нам досталась? Коллбран был единственным местом, где боль доставалась мне в избытке. И, возможно, я недостаточно хорошо справился с этим — или вообще не справился.

Итак, я вернулся. Я несколько дней бродил по городу. Остановился в "Четырехлистом клевере", старом заплесневелом мотеле, который видел больше плохих дней, чем хороших. Город мало чем отличался от того, когда я был там в последний раз семь лет назад. Он все еще выглядел так, словно балансировал на грани одного большого вздоха, готовый испустить свой последний болезненный вздох перед смертью. У всех был один и тот же затравленный вид. Ступая по трещинам на тротуаре, они выглядят так, словно только что сломали спины своим матерям.

Потом Добрые Врачи указали мне путь. Они показали мне невидимые всасывающие трубки, которые соединяли всех. Притягивая их, высасывая их доброту и питаясь дырами в их душах. Куда делись трубки? Я должен был это выяснить, и я следовал за сообщениями, как будто это был след из пресловутых хлебных

крошек. Что я нашел? Я нашел камень с дьяволом внутри.

И теперь я здесь. Жду, когда мне укажут путь. Есть город, полный сломленных людей, город, который породил меня, дал мне жизнь и лишил меня всего, что у меня было. Но на самом деле это был подарок. И теперь я здесь, чтобы вернуть подарок. Я здесь с избавлением.

Третье видение

Похоже, все Святые сейчас разговаривают со мной. Скоро все отдадут мне свои два цента, и все карты будут у меня на руках.

Три вороны сказали мне правду. Это были видения, и в то же время это было не так. Более того, вороны были настоящими. Я это почувствовал. Это были большие, черные, маслянистые птицы, переминающиеся с ноги на ногу на куске дьявольской скалы. Их голоса были видениями.

Позвольте мне прояснить здесь один момент. Под видениями я не имею в виду, что они не были правдой или были просто глупыми галлюцинациями, возникшими из воздуха или что-то в этом роде. Видения более правдивы, чем то, что мы видим большую часть времени. Это секретные сообщения, отправленные откуда-то, понимаете, что я имею в виду? Передачи от существ, подобных Богу, которые представляют собой не что иное, как чистую истину, прощение и понимание. Мы говорим прямо из первых уст. Или, в данном случае, вороний клюв.

Вороны сказали мне, что у них есть сообщение от Кроу, типа с большой буквы "К" или что-то в этом роде. Они сказали, что Ворон был старым богом, которого оттолкнули белые руки, но что он все еще был занят в облаках и старых деревьях. Я думаю, что Кроу хорошо проводил время в жизни, но теперь приближался Конец, и хорошо проводить время становилось все труднее и труднее.

"Важно спасти мир", — сказала мне одна из ворон, а вторая ворона подхватила фразу: "Потому что, если мир отправится в ад в корзинке для рук, никто больше не сможет смеяться".

Третья ворона заговорила: "Мир катится в ад, поймите меня правильно. Но прямо сейчас клапан повернут до упора, и шлюзы широко открыты. Ад изливается со скоростью тысячи галлонов в секунду, и он топит мир в собственной боли. Но ваши руки на клапане. Начинай поворачиваться. Правша-туго, левша-туго. Сделай его плотнее. Начинайте закрывать шлюзы."

"Ты никогда не закроешь его полностью", — сказала первая ворона.

"Нет. Но даже закрыв его наполовину, — сказал второй, — это само по себе подвиг, вам не кажется?"

"Боль случается", — как ни в чем не бывало объявил номер три. "Это огромная сила. Вы не можете получить полный набор продуктов, не умерев, но вы можете свести его к минимуму. Таков наш план. Это то, что вы должны помочь нам сделать". "Хорошо", — согласился я. Я был рукой, которая поворачивает клапан. Конец приближался. Однако я спросил, не можем ли мы просто остановить это. Разве это не было бы лучше? Все вороны покачали головами.

"Это похоже на автомобильную аварию", — сказали они в один голос. "Вы не можете избежать этого, но вы можете управлять машиной, чтобы она не убила всех. Будет боль. Там будет скрежетать металл. Но справься с этим правильно, и мы, возможно, справимся со всеми нашими пальцами рук и ног".

Потом вороны улетели, оставив меня с урчанием в животе. Изюм давно исчез. Как и "Сникерс", и я даже не помню, как его ел. Я сделала большой глоток воды, чтобы успокоить желудок, и позволила утру прийти и уйти.

Знаки

Знаки. Повсюду есть знаки.

Я хотел сегодня немного размяться. Был поздний вечер, и я начал ползать на руках и ногах. Я поспешно обогнул скалу, мои руки и колени болели, когда я ползал вокруг, как животное. На дальней стороне скалы, почти напротив того места, где я сидел, я увидел знак. Он был вырезан в скале, вырыт в ржавом камне каким-то инструментом или чем-то в этом роде. Это была спираль. Криво и неровно, но по спирали. Я пощупал его, провел по нему пальцами. Возможно, мне это показалось, но мне было жарко, как у ребенка в лихорадке. Это натолкнуло меня на мысль. Я затаила дыхание, приготовилась к боли и прикусила большой палец. Достаточно сильно, чтобы оторвать кусок кожи. Кровь начала капать в пыль, и я нарисовал символы рядом со спиралью. Сначала крест (или распятие — я знаю, что есть разница, но забыл, что это такое). Затем Звезда Давида. Затем свастика — и не из-за каких-то нацистских штучек. Я слышал, Гитлер просто позаимствовал этот символ у коренных американцев и использовал его в своих собственных нездоровых целях. Я думаю, что на самом деле это мощный тип креста, нечто первобытное и языческое, чего Гитлер, вероятно, даже не понимал. Интересно, какая боль случилась с ним, что ему пришлось передать ее миллионам других людей. Это должно было быть очень плохо, что бы это ни было.

Итак, крест, звезда и свастика. Затем я поместил туда один из наших символов, часть

нашего древнего языка. Знак, который, по-моему, означал "мучимый", превыше всех остальных. Вот что это такое, этот камень, этот дьявол. Весь этот мир. Измученный. Замученный. Насмехались. И в процессе, просто потому, что мне сейчас нравятся слова на букву "Т", они тоже испорчены. Испорченный собственными мучениями. Для меня это имеет смысл.

Когда я закончил, я пополз обратно туда, где сидел, где был мой рюкзак, и пососал большой палец. Кровь была приятной на вкус. В какой-то момент я потерял сознание.

Смотрите, кто говорит

Люди говорят обо мне. Об этом. О том, что должно произойти, понимаешь? Во всем этом есть ощутимый смысл, жужжащий гул, похожий на крылья пчелы. Вот на что это похоже. Или, может быть, как шепчущий миллион муравьев. Я смотрю через плоскую, потрескавшуюся пустыню, мимо скал и кустарника, и вижу город. А в городе есть люди. И прямо сейчас они разговаривают. Я думаю, может быть, она им рассказала. Дьявол. Я ничего не могу обещать, но я так себе это представляю. Я не знаю, говорит ли она прямо им в голову или подсовывает им записки. Может быть, она разговаривает с ними так, как Хорошие Врачи разговаривают с такими, как я. ГРОМКИЕ ГРОМКИЕ СЛОВА. сообщения. информация. ЗАГАДОЧНЫЙ ХЛАМ И ПРОЧЕЕ. Может быть.

Дело в том, что они говорят обо мне. Они знают, что дело близится к развязке. Я просто боюсь, что они уже перешли к концу истории и вырвали последнюю страницу просто назло мне. Насколько это было бы подло? Тогда с чем же я остаюсь? Неопределенность. Я не хочу быть неуверенным. Я не знаю, чем это закончится. Я даже не совсем понимаю, почему я здесь, только то, что я должен исцелить всех, себя, дьявола и ее дом.

Мальчики Будут Мальчиками

Ранее я немного подумал о Скотти Кесслере. Что он, должно быть, чувствовал, увидев меня снова после всего этого времени. Затем, как будто я, возможно, вызвал его из ничего, я увидел, как он проезжает мимо довольно далеко. Его полицейская машина подняла облако красной пыли, когда он проезжал мимо. Я видела, как он смотрит на меня. Я мог бы сказать, что он чувствовал себя плохо. Чувство вины слетело с него, как пыль с его машины. Я ничего не могла поделать, но чувствовала себя ужасно. Я надеюсь, что увижу его снова. Может

быть, именно поэтому он сейчас полицейский, пытающийся исправить нарушения собственной морали. Это было бы справедливо.

Он всегда был таким милым мальчиком. Звезда спорта. Орлиный разведчик. Действительно хорош в стрелковой команде. Не часто ходил на свидания. Было как-то неловко в этом смысле. Иметь не тех друзей — это, наверное, худшее, что люди могли бы сказать о нем. И все же он был способен кого-то изнасиловать. Я. Едва ли девочка-подросток, у которой даже не было кровотечения в первый раз. Интересно, что заставило его так поступить со мной? Что случилось с ним в его жизни до этого, что оставило его таким бесплодным внутри? Это должно было быть довольно плохо.

Я наблюдал, как он проезжал мимо, и он направился обратно в город. Может быть, он ездил вокруг, проверял меня, проверял, все ли со мной в порядке. Это заставило меня почувствовать себя хорошо — что он так заботится обо мне. Теперь я знаю, что когда я думаю об изнасиловании, мне больше не больно. Я надеюсь, что он закончит так же, прежде чем все это закончится.

Насильник, снова

Скотти снова поехал обратно, чтобы повидаться со мной. Я увидел приближающуюся машину, похожую на Hot Wheels на горизонте.

Он вышел и встал там. Он смотрел не на меня, а на мой контур. Его глаза блуждали по мне, но ни разу не остановились на мне. Чувство вины практически выползло из него, как поток пауков, и мое сердце болело за него.

“Я должен уйти?” Я спросил его.

Он покачал головой. “Нет. Я просто проверяю, как ты”. “Тебе жаль меня, когда я здесь один. Ты думаешь, я делаю это, чтобы что-то тебе доказать. Или о тебе. Но это не так. Ты даже не причина, по которой я здесь. Весь город болен. Теперь я это вижу. Хорошие Врачи хотят, чтобы я прооперировал, так что я это сделаю”.

Он потер глаза тыльной стороной ладони. Затем он выудил что-то из кармана и бросил мне. Два пакета отскочили от моего бедра. Семечки подсолнечника в одном флаконе. След смешивается в другом.

“Вот”, — сказал он. “Ешь. Я должен идти. Не бери в голову никаких дурацких идей ни о чем. Ты просто сумасшедшая девчонка, которая все выдумывает”.

Затем он направился обратно к машине, которую даже не выключил, и поехал обратно в город. “Для него еще есть надежда”, — подумал я, разорвал зубами смесь и начал ее поглощать.

Статика

Я надел наушники Walkman, включил его и услышал немного той уродливой девчачьей поп-музыки, которая сейчас выходит. Давайте будем честны, эти девушки дразнят, а мужчины не любят, когда их дразнят, и эта музыка дразнит их. Это дает им представление о том, чего хотят девушки, но на самом деле девушки этого не хотят. Может быть, это из-за мужчин жевательная резинка для девочек повсюду. Кто-то должен остановить это, чтобы мы могли продолжить план исцеления друг друга. Мои родители всегда говорили, что я мечтатель.

В любом случае, я ненавижу такую музыку, но, думаю, она по-своему приятна. Хотя я думаю, что музыка наносит девочке-подростку больше вреда, чем кто-либо хочет признать, я оставила ее включенной.

Но потом он стал статичным, а затем пришло сообщение. Это звучало как тот голос задом наперед на одном из альбомов Битлз, где якобы говорится: “Я похоронил Пола”. (Или это был Ринго? Нет, это звучит неправильно.) Этот человек сказал, что я должен снова открыть “Пророк”. Я не знал точно, что я искал, но я понял это, когда нашел это. Испытывая головокружение, я начал читать раздел о боли. Вот что там говорилось: “Твоя боль — это разрушение скорлупы, которая окружает твое понимание”. Я ничего не понял, поэтому продолжал читать.

“Большая часть твоей боли — это выбор самого себя. Это горькое зелье, с помощью которого врач внутри вас исцеляет ваше больное ”я“, — написал Джеббран, и я прочитал. “Поэтому доверьтесь врачу и пейте его лекарство в тишине и спокойствии”.

Эти слова омыли меня, как целебные воды. Как соль на рану. Я знаю, что эта фраза означает, что ты сыплешь соль на рану, чтобы она болела сильнее, но соль лечит. Соль — это хорошо. Он всасывает яды, высасывает инфекцию с помощью своего рода осмоса.

Как только я закончил читать, быстро наступила ночь, и я заснул.

Влажные сны

Мне снова снилось прошлое. Иногда прошлое делает это. Он просто подкрадывается к вам, когда вы поворачиваетесь спиной, и кусает вас за задницу, чтобы привлечь ваше внимание. И сны, они не похожи на видения. Они не являются чем-то, переданным вам Свыше. Это любовные письма из вашей собственной головы, указывающие на то, что касается ваших отношений с миром, которые, возможно, вы пропустили или слишком боялись увидеть. Этот сон ничем не отличался, просто выбрасывал

ментальный мусор и позволял мне рыться в мусоре, чтобы увидеть, какие драгоценные камни там прячутся.

Когда я был в Century, я познакомился с группой таких же людей, как я. Мы работали вместе около шести месяцев. Они только что пережили довольно тяжелый период, когда в городе произошло много плохого. Я пропустил все это, потому что у меня еще не открылись глаза. Какое-то время, в основном, когда я помогал Стюарту, был парад звероловцев, кровопийц и насилия. Они в основном справились с этим. Там была женщина, которая хотела отбиваться от этих тварей на каждом шагу. Там был один большой парень-боксер, милый, тупой и замечательный, который просто хотел положить конец всему насилию. И был еще один, которого я никогда не встречал. Он много времени оставался за кулисами. Разговаривали по телефону и в чатах, и это все, что я когда-либо знал о нем. Они заставили меня войти на этот интернет-сайт. Меня звали Советник или что-то в этом роде. Я даже не выбирал его, это сделали они. Какое-то время мы работали вместе.

Но я справился с одной девушкой в одиночку. Говорят, она была призраком, но теперь я даже не знаю, существуют ли призраки. Может быть, это что-то совсем другое, понимаешь? Кем бы она ни была, она была потеряна и одинока и бродила по дорогам вокруг Сенчури, такая пустая и холодная. Я хотел помочь ей. Плохо. И я это сделал. Мы с ней много ночей гуляли. Мы разговаривали и задавали друг другу вопросы. Мы бы поговорили обо всем, чего ей не хватало в жизни. Я не сказал остальным. Я не мог. Она была моей, чтобы спасти ее, а не их. В любом случае, они этого не поняли.

Но однажды вечером я задал ей вопрос: "Какими были твои родители?" Она застыла, напряженная, как доска. Ее губы едва шевелились, и она тихо, как мышь, сказала: "Теперь ты пошел и разозлил его". Я спросил: "Кто 'Он'?" А потом из темноты появился рой жалящих мух. Она закричала и толкнула меня с силой, о которой я даже не подозревал. Должно быть, меня отбросило на 15 футов назад, и я ударился головой. Я уже почти закончил. Последнее, что я помню перед тем, как потерять сознание, — это то, что я задавался вопросом, кто такой "он", кто контролирует ее. Кто-то вызвал у нее этот гнев, и я сказал себе, что узнаю, кто он такой, несмотря ни на что.

Но у меня так и не было такой возможности.

Остальные узнали, что произошло. Может быть, я сказал им, когда был в полубессознательном состоянии, или, может быть, к ним пришло видение, как они приходили ко мне. Они нашли ее и использовали неделю, пока я был в больнице, чтобы найти все, что осталось в мире, что она любила. И они взяли их и подожгли. Та бедная девушка ушла, растаяла, или увяла, или что-то в этом роде, и на этом все

закончилось. Я никогда не помогал ей. Так и не исцелил ее. Больше я ее никогда не видел.

Все это время я общался в Интернете с человеком, который называл себя Книжным Червем. Милая, дружелюбная, просто добрая душа. Я рассказал ему, что произошло. Я излил ему свое сердце по электронной почте и рассказал о своей неудаче. Он заставил меня почувствовать себя лучше, сказав, что все в порядке, что я должна простить себя и что все, что мы делали, было процессом маленьких шагов, что мы не могли ожидать чудес. Я поблагодарила его, и мы больше никогда не переписывались, но я всегда занимала для него место в своем сердце. Что касается остальных, я оставил их и больше никогда не видел. Я слышал, что теперь они мертвы. Это позор.

Книжный червь, однако — он был прав и в то же время ошибался. Он был прав насчет прощения. Я должен был простить себя. Иначе я бы съел себя до тех пор, пока от меня ничего не осталось, понимаешь? Но в чем-то он ошибался. Мы можем ожидать чудес. Это то, чего я ожидаю здесь. Прижавшись спиной к скале, дьявол прячется внутри, я ожидаю честного Божьего чуда. И я собираюсь быть проводником, я думаю, вы бы сказали. Или, по крайней мере, я надеюсь на это. Я не могу потерпеть неудачу. Здесь нет места неудачам. Если я отвернусь от света и перестану смотреть на солнце, все кончено, финито, и я потеряю свой шанс совершить свой последний добрый поступок. И что потом? Я останусь в живых, сгоревшая оболочка, глупая, пустая, глупая и прощающая себя до посинения. Я чувствую сомнение. Ужасное сомнение. Я зашел слишком далеко. Все это зашло слишком далеко.

Шрамы

Перед сном я смотрел на звезды и представлял себе линии, соединяющие их все. Одно большое созвездие. Но линии были порезами — глубокими белыми порезами — и в итоге получились опухшими и кривыми, как шрамы.

У меня остались шрамы после того, как та грустная девушка толкнула меня. Один на затылке, от которого мои волосы поседели. Просто клочок земли размером с десятицентовик. Потом был ожог на моей спине, оставшийся после того, как меня изнасиловали. Вы все еще можете почувствовать там частички песка, если будете осторожны с пальцами. Как бы то ни было, шрамы все еще у меня между лопатками. Как участок неровной земли.

А еще есть ожоги на моих предплечьях от Стюарта. Они выглядят иначе, чем отметины на моей спине. Они красные и покрыты пятнами, как сыпь, но это не сыпь. Это напоминания.

После того, как меня изнасиловали, я стала "резчицей". Мне нравилось делать шрамы. Это не

был крик о помощи. Так сказали врачи, но я на это не купился. Мне просто нравилось отмечать себя. Это все. Я остановился примерно за год до того, как стал тем, кем являюсь сегодня. Но потом, не так давно (вскоре после того, как я начала встречаться с Микки), я снова начала резать. Когда я делала это в детстве, я оставляла порезы в местах, которые люди не могли видеть. Высоко на бедре, на вершине бицепса. Но теперь? Теперь я хочу, чтобы люди видели. Шрамы — это следы путешествия. Вывески. Мне нравится давать всем понять, куда я иду. Это помогает их подготовить. Это помогает подготовить всех нас.

Беседы с волками

Я продолжал спать и просыпаться, спать и просыпаться. Незадолго до рассвета мой желудок разбудил меня, и я почувствовал себя черной дырой. Я сел и тут увидел их — трех волков, выходящих из тени. У одного, что-то вроде пятнисто-серого существа с одним глазом и хромотой, была серьга. Мне это показалось странным. Серьга на волке. Я думаю, что это была она, хотя мне не на чем это основывать. Двое других, один черный и один белый, стояли сзади и приплюсывались к воздуху. Затем я услышал шарканье ног по камню, и поднялся предупреждающий флажок.

Позади них стоял кто-то еще. Я мог видеть его, когда заставлял себя это делать. Он пытался спрятаться от меня, но этого не должно было случиться. Я указал на него и сказал: “Я вижу тебя там”. Я знал, что это были не просто волки. Они выглядели странно и расплывчато, поэтому я решил, что это люди-звери, о которых я слышал. Или люди-волки. Я не знаю, что правильно.

“Ты вмешиваешься в то, чего не понимаешь”, — сказала скрывающаяся фигура. “В этом камне есть дух, ядовитая тварь, которая съест твою душу, если ты будешь сидеть там достаточно долго. Я не знаю, в чем заключается ваша игра, но мы здесь наблюдатели. Ты вторгаешься на нашу территорию.”

Я объяснил, что со мной все будет в порядке, спасибо, не нужно беспокоиться обо мне.

“Неужели ты не понимаешь, девочка? Это место коррумпировано. То, что спит у тебя за спиной, — это дьявол, которого ты даже не представляешь. Другие, подобные ему, уже на свободе. Они там, задергивают занавес над всем этим, а тебе на это наплевать. Один из них освободился не более года назад. Это причиняло ужасную боль. Ты стоишь у меня на пути. Он возьмет тебя и использует тебя. Он уже много лет пользуется тамошним городом. Итак, я снова предлагаю вам снять эти штуки со своих ног и уйти. Понял меня?”

Я позволил всему этому осесть, а затем с бешено колотящимся сердцем ответил: “Во-первых, мне все равно, и я был серьезен, когда сказал, что со мной все будет в порядке. Во-вторых, то, что стоит за мной, — это не оно, это она, и она просто страдает изнутри и нуждается в некотором внимании. Наконец, — сказал я, — ты ничего не можешь сделать, чтобы заставить меня уйти. Лучшее, что вы можете сделать, — это вернуться туда, откуда вы пришли. Вы все очень сердиты. Я это чувствую. Вам нужно дать себе время потушить этот огонь, иначе вы все сгорите”.

Прячущийся человек неловко переступил с ноги на ногу, и три волка посмотрели на него, словно ожидая ответа.

Его ответ был: “Будь таким. Убей девушку.”

Я не собирался позволять этому случиться. Я даже не хотел делать то, что сделал, но это имело большой смысл и спасло мой хвост, так что я рад, что сделал это. Когда волки приближаются, я загораюсь, как звезда на рождественской елке, белая и яростная, Звезда Давида, Полярная Звезда, Вифлеемская звезда, звезда, по которой плавали моряки. Я показала волкам и человеку, что могу содрать с себя кожу и показать чистую святость внутри себя, что у всего прощения есть тело и имя, и это была Лорна. Я никогда раньше не проделывал этот трюк, но он был хорош, и три волка с воем бросились прочь. Этот человек просто исчез.

Я надеялся, что позже они соберутся вместе, чтобы обсудить случившееся, чтобы они могли понять, что у них есть серьезные проблемы, требующие решения. Часть меня была напугана и опечалена тем, что я не помог им прямо тогда и там, но другая часть меня знала, что то, что я здесь делаю, больше, чем эти животные. Как только я закончу со своим планом здесь, другие последуют моему примеру.

Идентичность

Мне снились сексуальные сны. Разве это не странно? Я не знаю, сколько их сейчас. Я просыпаюсь, снова засыпаю, и начинается другой сон. Однако на самом деле я был только в полусне, так что мне кажется, что я действительно занимаюсь сексом, а не просто вижу его во сне. Может быть, так оно и есть. В наши дни все возможно, и я даже думаю, что, возможно, я смогу создать реальность своим умом, если буду достаточно усердно думать.

Знаешь, к тому времени, когда мне было 15, я переспала с 11 парнями. Почти 12, но он был пьян и не мог встать. Некоторые люди говорили, что я пытаюсь отомстить мужчинам, что я просто хочу изнасиловать их в ответ. Я на это не куплюсь. Хотя мне всегда нравилось быть на вершине. Разве они не называют это ‘позицией власти’? Женщина, контролирующая ситуацию?

Вся эта чушь? Что угодно. К тому времени, когда мне исполнилось 19 лет, список был довольно длинным. Я пытался сосчитать их всех раньше и даже не мог вспомнить их имена. Удивительно, что я так и не забеременела. Может быть, изнасилование и аборт разрушили мою матку. Я думаю, что к тому времени, когда все это закончится, я что-нибудь создам, но это не обязательно выйдет оттуда. Эти парни, возможно, сломали мне матку. Теперь я ничего не могу с этим поделать, не так ли?

Можно подумать, я ненавижу мужчин, но это не так. На самом деле мне немного жаль их, потому что я думаю, что их души повреждаются быстрее, чем наши. Они всегда такие жестокие и злые. Вирус страдания, который они передают друг другу, больше и сильнее, чем тот, который мы, женщины, подхватываем. Они более жестоки. Мы все причастны к этой трагедии. Я должен исцелить всех. Я должен остановить трагедию.

Четвертое видение

Я то приходил в сознание, то терял его. Удивительно, как плохо не есть и не пить. Я весь день беспокоилась, что все это иллюзия и что я ненастоящая. Что я совершаю ошибку.

Однако к концу дня я обрел какую-то силу, какую-то внутреннюю силу, которую, надеюсь, продолжу находить. Может быть, это было из-за того, что я допил последние несколько глотков воды. Когда я закончил пить, пришел ангел. Фанфар было немного, что меня удивило. Он не взлетал, не трубил в трубу или что-то в этом роде. Он просто подошел, спрятав крылья за спину, и вытер мне лоб влажной тряпкой. Я спросил его, готов ли он наконец поделиться со мной секретами, и он ответил: “Загляни мне в рот и увидишь то, что дьявол когда-то называл домом”.

Я посмотрел. Его рот был пустотой. Ни языка, ни зубов. Только темнота, с мерцающим изображением, спрятанным в глубине его горла. То, что я увидел, было Адом. Я не сомневаюсь.

Там были кровь и огонь. Там были... машины. Вспениваясь и плюясь искрами и красными молниями. Люди были раздавлены машинами, в то время как другие люди крутили рукоятки и дергали рычаги. Звери, похожие на насекомых, личинок, пауков и волков, бродили по кривым мосткам, истекая слюной, ядом и черной слизью. Вдалеке я видел насилие и изнасилования. Мой разум кружился от ярости и головокружения. Я въехал на извилистую дорогу и прошел через множество проходов, от каждого из которых у меня выворачивало живот. Я чувствовала себя пленницей, пойманной в ловушку, как будто что-то удерживало меня там. Я чувствовал, что само это место было живым, сердцем какого-то великого монстра, но даже оно было поймано в

ловушку какой-то другой непреклонной силой. На работе было задействовано много сил.

Я понял, что ад — это не место наказания. Во всяком случае, не напрямую. Это было место, которое подвергалось наказанию. Место насилия, построенное на фундаменте собственного насилия. В этом было столько смысла, а потом внезапно меня выдернули изо рта ангела и швырнули обратно на скалу, мои лодыжки все еще были скованы вместе. У меня был ужасный кашель, и я не могла перестать дрожать.

Ангел сказал последнее, прежде чем уйти: “Если вы останетесь твердыми и будете действовать правильно, даже если враг бросится сюда на вас в спешке, Творец поможет вам с пятью тысячами ангелов, совершив ужасающий натиск”.

Я моргнул. Ангел тихо сказал, улыбаясь: “Это из Корана. И вдобавок это правда.”

Затем он исчез. Я посмотрел вниз и увидел Коран, лежащий в пыли. Я вообще принес его с собой? Я не помню. У меня проблемы с запоминанием. Во всяком случае, он был открыт для этого прохода. Страница была испачкана кровавыми отпечатками пальцев. Наверное, у меня снова открылся порез на большом пальце. Это прекрасно. Я не против кровотечения.

Избранный

Если бы у меня было здесь больше времени (но я не думаю, что оно у меня есть), я бы привел всех себе подобных в своего рода Землю Обетованную. Я думаю, что мог бы исцелить их всех. Тот, кто создал людей, внес некоторые недостатки в наши чертежи. Я бы хотел показать всем наши недостатки, указать на них и сказать: “Смотрите! Посмотри, насколько мы отравлены собственным гневом!” Тогда я мог бы показать им, что скоро получу свой нимб, и они все бы меня послушали. Все слушают ангелов.

“Сбросьте свою кожу”, — сказал бы я им. “Избавься от этого. Сорвите с себя все это и найдите покой под этим. Внутри нас есть глубокий колодец милосердия, и если нам нужно копать глубоко, чтобы найти его, значит, так оно и должно быть. Это единственный способ вырвать нас из замкнутого круга”. Другие, вроде меня, просто хотят навредить монстрам. Или спасти себя. Они не видят, что все дело в просветлении и понимании. Я мог бы указать путь. Я мог бы.

Теперь мне жаль, что я не выбрал этот путь. Я думаю, что мог бы это сделать. В какой-то момент я помню, как кто-то шепотом сказал мне, что я мог бы быть их проводником. Власти, которую я имел бы над ними всеми, было бы достаточно, чтобы исправить их. Но я выбрал другой путь, и теперь я здесь, проливая свою доброту на землю ради города, дьявола и всех

людей, вовлеченных в это дело. Другие, подобные мне, были выбраны, но я думаю, что избранных могло быть еще больше.

Я собираюсь начать резать себя. Я нашел обломок сланца у основания скалы с другой стороны, судя по отметкам. Он слоеный, но острый. Это порежет. Я истеку кровью еще больше правды.

Насильник, последний

Я не знаю, какой сегодня день. Не знаю, имело бы это большое значение, если бы я это сделал. Все немного туманно. Порезы, которые я сделала на икрах, на тыльной стороне ладоней и на внутренней стороне бедер (именно там мне особенно нравится это делать), перестали кровоточить. Я едва могу держать глаза открытыми.

Скотти снова вернулся ко мне. Сначала я подумала, что мне приснилось еще одно видение, но оказалось, что он был реальным. Иногда легко заметить разницу. В других случаях это не так ясно.

Но он был настоящим, все в порядке. Я черпал силу в том, что он вот так появился. Он подъехал на своей машине, и это разбудило меня. Солнце стояло высоко, и он стоял в нескольких футах от меня, молчаливый и неподвижный. Мы были такими, казалось, целую вечность. Настоящая, честная перед Богом вечность. За это время родились и умерли вселенные. Я сижу там, слабая и дрожащая, а он стоит передо мной и смотрит сквозь меня. Я видел, что он плакал. Наконец я нарушил молчание.

“Привет, Скотти”, — сказал я, и мой собственный голос прозвучал довольно странно. Как будто это было не мое собственное. Он был грязным и песчаным и странно вибрировал у меня в груди. Он выглядел потрясенным, как будто я только что дала ему пощечину.

“Я не насиловал тебя”, — сказал он.

“Да, ты это сделал”, — настаивал я. Тогда я сказал, что все в порядке, потому что я прощаю его. Он сел, скрестив ноги, и посмотрел на свои колени.

“Я знаю. Мне очень жаль”, — сказал он, а затем начал плакать у меня на глазах. Я снова сказал ему, что все в порядке. Затем я подползла к нему, неуклюже волоча ноги, и вцепилась в него. Он просто дрожал и плакал. Его слезы были теплыми на моем лице. Мы обнимали друг друга, я не знаю, как долго. В какой-то момент он начал рыдать. “Все это так плохо. Я просто хотел, чтобы меня уважали. Я всегда хотел уважения. Вот почему я стал полицейским. Я хотел, чтобы мне нравились. А потом снова появился ты. Ты мне напомнил. Как будто ты появился из ниоткуда, чтобы напомнить мне, кто я на самом деле. Я был ребенком! Я был глуп. Знаешь, всегда

с парнями дурачился, но потом был ты, на детской площадке....”

Я шикнул на него. Погладила его по волосам. Я включил прицел и постарался сделать это тихо, чтобы он не услышал. Каждый раз, когда я включаю его, я слышу его, треск в моих ушах, как будто трескается и падает дерево. Я не мог позволить себе позволить ему услышать это. Я не могу позволить, чтобы кто-нибудь это услышал. Но я должен был увидеть, потому что зрение не лжет. Мне пришлось увидеть его в нем, и, конечно же, в его сердце было пятно. Я не видел этого непосредственно, но я представил, как одна из этих всасывающих трубок проникает в одно из его отверстий и врезается прямо в его грудь. Бедняга.

Я сказал ему, что он просто боится, и он согласился. “Я боялся, да”. И я сказал, что он был глупым. “Я был глуп”, — согласился он. И я сказал, что это не его вина.

Он посмотрел на меня снизу вверх. “Я хочу вернуться. Я хочу вернуться домой. Я хочу, чтобы все это исчезло”.

“Но ты не можешь”, — сказал я ему. “Это случилось. Прости себя. Делайте все возможное, чтобы сорвать струп и оставить свои шрамы. Шрамы подскажут вам, что делать. Они будут посланием от Бога”.

Именно тогда он встал, направился обратно к своей машине и сел на водительское место с открытой дверцей. Когда ступились сумерки, Скотти Кесслер выстрелил себе в рот. Звук громким эхом разнесся над скалами и городом, а затем все стихло.

Сны наяву

Я вышел из оцепенения, когда наступил вечер. Я вспотел, как свинья. От меня ужасно пахло. Я не мог пошевелиться. Я был парализован, заперт или придавлен.

Все, что я мог сделать, это посмотреть вверх, и я увидел Скотти Кесслера, цепляющегося за скалу, как паук. Его голова была странно вывернута, и у него не было лица. Оно было гладким, как лицо человека-Лего, но без чернильной улыбки, без глаз с черными точками. Неужели я забрал его лицо? Когда я заставил его покончить с собой, это как-то изменило его лицо? Я не понял. На самом деле, я сомневалась, был ли он вообще реальным или просто призраком, которого мои глаза хотели, чтобы я увидела. Становится все труднее заметить разницу.

От одной мысли об этом он пополз прочь, бочком, как краб, пока не скрылся за другой стороной скалы. Поэтому я посмотрел на его машину и увидел тень его мертвого тела, все еще лежащую на руле. Должно быть, он заполз туда, пока я не смотрел. Это было ненастоящее, сказал я себе. Машина, выстрел из пистолета — все это

одна большая скучная шутка. Просто фантазия. Мой подсознательный разум пытается удовлетворить какое-то подсознательное желание. Он изнасиловал меня, и теперь я заставила его покончить с собой в своей голове. Как они это называют? Исполнение желаний. Это оно. Я такая глупая. Как меня можно было так легко одурачить?

Итак, я официально решил, что это было видение, и я ожидал, что он и машина исчезнут в облаке дыма, как когда Roadrunner вылетает из Coyote. Но он этого не сделал. Он вообще не уходил.

Эсхатология

“Ты — авадим”, — сказал мне ангел, снова стоя надо мной. Я не знаю, откуда он взялся. Была ночь. Я спал. Машина Скотти Кесслера все еще стояла там, и мне казалось, что я все еще чувствую запах пороха, но я знал, что на самом деле это не так.

Ангел продолжал: “Ты — слуга. Я министр. Но скоро ты станешь другим.” Я кивнула, как будто понимала, о чем он говорит, но это было не так. “Скотти покончил с собой, потому что не мог вынести собственной ненависти к себе”, — сказал я ангелу, но он проигнорировал меня.

“Скоро, — сказал он, проводя холодным, гладким пальцем по моей макушке, — у тебя будет нимб, диск света, который означает твою силу. Но ты должен продолжать держаться. Это еще не конец. Знаете ли вы, что происхождение слова “ореол” не то же самое, что у слова “святой”?” Я покачал головой. “На самом деле это сельскохозяйственный термин. Фермеры обмолачивали поля зерна кругами, которые греки называли ореолами. Круг — мощный символ, и когда они увидели его в небе вокруг планет, они снова использовали его”.

“Как круги на полях”, — слабо сказал я. Я не знаю, откуда это взялось, но так оно и было, и ничего нельзя было вернуть назад.

“Круги — это сообщения, говорящие нам о том, что все вещи переходят друг в друга. История и время, особенно. Есть два выхода из круга. Один из них — через прощение. Но если прощения нет, тогда круг должен быть разрушен. Это другое.”

“Ты настоящий?” — спросил я ангела. “Вы — это они?”

Министры? Хорошие Врачи?”

“Я — то, что вы считаете “ними”. Вы понимаете нас так, как вам нужно, и в один прекрасный день это позволит вам открыть канал. Вы сможете напрямую общаться с Создателем. Разве это не будет захватывающе?”

“У тебя есть имя?”

“Нет, но вы можете называть меня Метатрон. Или Джизбриэль.”

Или Лорна.

Каким-то образом это имело смысл, что у него было мое имя. Поэтому я сказал “хорошо” и сделал все возможное, чтобы улыбнуться ему.

Ангел продолжал: “Я собираюсь показать вам несколько сцен Конца. Сцены, которые могут произойти, если вы не проявите настойчивости и не сделаете то, что должно быть сделано. Ты готова?”

Я не был. Нисколько. Но я все равно согласился. Какой у меня был выбор?

Была вспышка света. Мои глаза горели. Мне казалось, что мои веки превратились в пепел. Я не мог закрыть глаза, и то, что я увидел, ужаснуло меня.

Я видел монстров, крадущихся по земле, оставляя за собой кровавые следы. Внутри каждого монстра было множество из сотни демонов, дребезжащих и сотрясающих грудные клетки, как будто они были тюремными решетками. Луна была красной, просто кровавый кусочек на небе. Там не было живых людей, только тела, наваленные друг на друга и образовавшие стены, которые пересекали ландшафт. Земля истекала черной кровью, похожей на сырую нефть, просачиваясь из-под земли. Все было разрушено. Дерьмовое, уродливое место. Монстры набросились друг на друга и начали есть друг друга. У одних были зубы, у других — когти. Там было так много крови. Внутри каждого из них смеялись демоны. Это был не очень хороший звук. Затем свет начал гаснуть, и я представил, как мотыльки бьются о лампочку, взрываются клубами дыма и по спирали опускаются на землю. Потом ничего не было, потому что свет погас навсегда. Была только темнота.

Потом меня вытащили из этого состояния. Была еще одна вспышка света, и ангел улыбнулся мне. “Ты видишь? Видение Конца. Но мы выбрали тебя. Ты поможешь. Конец все равно наступает. Всегда есть конец. Но, может быть, мы сможем пройти через это и начать все сначала”.

“Новое начало”, — пробормотал я. Мои слова казались мягкими во рту, дыхание спертым и горячим. “Плохие вещи выходят на свободу, не так ли?” Я спросил.

“Ах, извлеките максимум из того, что мы еще можем потратить, — пропел ангел, — прежде чем мы тоже сойдем в Прах!” Затем он похлопал сам себе и подмигнул мне. “Это из Рубайята Омара Хайяма

“. ”Но у меня нет этой книги”, — запротестовал я. И ангел исчез, пуф, его больше нет.

Я снова заснул.

Салонные фокусы

Всего через несколько часов призрачный человеко-зверь вернулся, чтобы снова поговорить со мной. Я сразу его заметил. Мое зрение активировалось без того, чтобы я даже подумал об этом, звук раскалывающегося дерева в моих ушах. Мужчина был один.

“Видишь, что ты наделал?” — сказал он, указывая на полицейскую машину со Скотти, навалившимся на руль. “Ты уже распространяешь яд. Размазываю его по всему телу, как джем по хлебу. Отличная, блядь, работа”. “Где твои друзья?” Я спросил.

“Они были слишком напуганы”, — прямо сказал он. “Но я не такой”. “Чего тут бояться?” Я спросил его?

“Кто ты такой? Что, черт возьми, это был за трюк, который ты выкинул? Разве ты не видишь, во что ввязываешься? Ты вяпался по уши. Я и мне подобные занимаемся этим уже тысячи лет. С тех пор, как ты и весь твой вид все еще были в своих перепачканных дерьмом пеленках! И вот ты появляешься и притворяешься Маленькой Сьюзи, Спасающей День, от чего люди только страдают. Ты думаешь, что трюки, подобные тому, что ты выкинул, просто остановят порчу, которая сочтется из этого камня?”

“Ты хочешь увидеть, как я делаю это снова?” — сказал я, улыбаясь. Мою кожу покалывало. Мой желудок скрутило, и я почувствовала, как в горлу подступает тошнота.

“Забудь об этом”, — сказал он. “Делай, что хочешь. Когда ты, наконец, будешь испорчен, я приду за тобой. Я буду носить твои внутренности, как мишуру.”

“Ты злишься”, — сказала я певучим голосом. “Моя мать часто говорила моему отцу, что он поджигает свечу с обоих концов. Я никогда по-настоящему не понимал этого до сих пор. Это то, что ты делаешь”.

Но потом он снова исчез, шагнул вправо, просто поднялся и исчез. Я громко рассмеялся, сам не понимая почему.

Микки

Мой сын снова пришел ко мне, и на этот раз я была почти уверена, что вижу его в последний раз. Я либо умру, либо превращусь во что-нибудь другое, когда получу свой нимб. Он спустился с вершины скалы, сел рядом со мной и обнял мою голову, как ребенка. Я сказал ему, что я слаб, что, возможно, не смогу этого сделать.

“У тебя получится”, — сказал он. “Ты увидишь еще кое-что, прежде чем все это закончится. Ты будешь общаться с ней. Ты собираешься ее увидеть.”

“Ее?” Я спросил. Он кивнул и осторожно похлопал по камню. “Дьявол. Ты встретишься с ней, и, о, какая это будет встреча!”

“Я боюсь”, — сказал я ему. И я им был. Глубоко. Страх заставлял мое сердце биться тысячу раз в минуту, и я слышал, как кровь стучит у меня в ушах, как бурлящая река. Я представила, как моя грудь разрывается. На секунду я подумал, что это произошло на самом деле, и я умер. Но Микки сказал мне, что со мной все в порядке, что я просто напугана, что все будет хорошо, если я просто останусь на пути. Это помогло. Это не остановило превращение моей крови в ледяную воду, но помогло. Я чувствовал, что хочу умереть, даже если на самом деле я не умер. Микки кивнул и сказал, что понял, затем вложил мне в руку кухонный нож.

“Ты будешь знать, что делать, если до этого дойдет, если тебе станет слишком страшно, чтобы остаться”, — сказал он. “Это очень просто. Моя любовь к тебе поможет тебе пройти через это. Ты так и не избавилась от меня, мама. Я всегда был здесь, в твоем чреве. Ты чувствуешь, как я там, щекочу тебя?” Он похлопал меня по животу, и я почувствовала его там.

“Где ты взял этот нож?” Я спросил его, но он просто издал звук “цок-цок” и сказал, что я принес его с собой и все это время носил в рюкзаке. Я не помнил, чтобы приносил его, но, вероятно, он был прав. Возможно, я принес с собой весь мир и просто не помнил.

Потом Микки исчез, хотя я все еще чувствовала, как он покоится внутри меня. Если бы его там не было, я думаю, я бы умерла. Но даже его присутствие там не остановило страх. Я собирался встретиться с ней. Разберись с ней. Дьявол в скале. Моя причина и цель быть здесь. Это ошеломило меня. Меня вырвало. Сначала я просто держал рвоту во рту, но это продолжалось недолго, и прежде чем я понял, что меня вырвало всем, что осталось в моем животе.

Я чувствовал себя пылинкой. Как будто книга, в которой я жил, была сплошным враньем. Как будто где-то по пути я свернул не на ту тропинку, ведущую в дурной лес. Это мешало мне быть хорошей дочерью, хорошей матерью. Я взял кусок сланца, который использовал ранее, и начал резать свое лицо. Я ненавидел себя прямо тогда. Я все потратил впустую.

И тогда я понял это. Я мог бы уйти. Я мог бы просто встать и уйти. Я мог бы стать тем, кем был раньше, и я мог бы пробудиться от этого сна. Но как? Как бы я это сделал?

Потом я посмотрел на полицейскую машину. Скотти мертв. Внезапно все это обрело смысл. У него были ключи от машины. Я мог бы переползти туда. Входить. Начинать. И уехать далеко-далеко. Я мог бы уехать так же, как Скотти этого не сделал. Никогда не возвращайся. Никогда не возвращайся к этой жизни.

Закрывать дверь от всего этого было неожиданно приятной идеей, как будто я мог просто щелкнуть выключателем и выключить свет. Больше никаких видений. Больше ничего. Я бы простил себя в последний раз, а потом пошел домой.

Я пополз к машине. Голоса гремели у меня в голове, стуча зубами. “Не сдавайся. Не сдавайся. Перестань ползти. Останови себя! Ты почти закончил. Не сдавайся сейчас! Не выбрасывай все это на ветер. Обрети свой ореол. Покиньте круг. Дай им все прощение, в котором они нуждаются”.

Но я не мог перестать ползти и начал кричать, когда кровь потекла по моему лицу. Она попала мне в глаза и обожгла их. Затем голос в моем животе сказал мне, что я должен был сделать, и я это сделал. Я взял нож и провел им по каждому подколенному сухожилию. Один кусочек. Два ломтика. Кровь была повсюду. Боль была выше всего, что я мог себе представить, и все растаяло, когда я, наконец, столкнулся лицом к лицу с дьяволом в скале.

Дьявол

Мои ноги кровоточили, и на долю секунды я просто понял, что все, что произошло до этого момента, было ненастоящим. Я зашел слишком далеко, упал со скалы и падал. А потом скала начала темнеть. Небо тоже потемнело. Когда появилось лицо дьявола, меня словно ударило кулаком, что я вообще ничего себе не представлял. Даже не видения. Все это было на 100 процентов реально. Я не был сумасшедшим. Я был тем, кто видел круг, в котором я был, и изо всех сил пытался выбраться из него. Я не был сумасшедшим, сказал я себе, когда дьявол пришел ко мне.

Она была великолепна и ужасна. Ее тело было выпуклым и сегментированным. Она напомнила мне большую личинку. Она истекла кровью из камня и вышла оттуда, как призрак. Ее ужасное тело было похоже на дрожащее, разбитое изображение, спроецированное на экран в глубине моих глаз. Ей казалось, что она была там, и все же ее там не было. Была ли она там на самом деле или только в моем воображении? Имело ли это значение? Ее прозрачная форма скользнула вниз, как змея, и хотя у нее не было глаз (только гладкая голова насекомого),

Я чувствовал, что она смотрит на меня и изучает, как бабочку на доске для булавок.

Она заговорила. Это пришло мне в голову как еще одно нарушение.

“Ты — ребенок. Я не знаю, чего вы надеетесь здесь добиться. Ты неудачник. Я чувствую твою слабость.”

Я съежилась, поморщилась и вдруг почувствовала себя очень маленькой.

Мне хотелось есть.

“Это безумие внутри тебя? Это так, не так ли? Я вообще реален? Или это просто дефект в тех частях твоего мозга, которые отличают реальное от воображаемого?”

Затем я услышал ее смех, который звучал... Я не знаю... как плачут дети. Потом я заметила, что плачу, и, возможно, у меня в голове перепутались звуки. Я не мог сосредоточиться. Мой разум то погружался, то исчезал. По краям моего зрения была темнота, и она пыталась усыпить меня, но я не позволял этому.

Слова, слетевшие с моих губ, были не моими, подумал я. Я имею в виду, они были, и это был мой голос, но тогда я поняла, что все, чем я была в роли Лорны, теперь принадлежало кому-то другому. И это меня устраивало, решил я, и ответил дьяволу. Я сказал ей, что все будет хорошо, что я знал, что она такая, какая есть, извращенная и неправильная, потому что она была рабыней. У нее не было контроля, она была не в себе, и из-за этого она набрасывалась на других. Поскольку она была развращена, развращать стало ее природой. Я сказал, что простил ее за то, что она была тем, кем она была — оскорбленным ангелом, превращенным в дьявола. Затем она снова рассмеялась. На этот раз звук был похож на звон бьющегося стекла, и боль вспыхнула в моей голове, как мигрень. Я почувствовал, как свет загорается у меня перед глазами.

“Прощение — это ложь”, — сказала она. “Единственная истина — это разрушение. Мы уничтожим все это. Нас — легион.”

“Ты не можешь уничтожить все”, — сказал я и понял, что кричу. Я понизил голос. “Это продлится. Мы продержимся. Ты можешь остановиться. Спаси себя. Спаси нас всех и просто иди домой.”

“Я не останавлиюсь. Я не могу остановиться. Не обманывай себя.”

“Мы все должны вернуться домой. Дом там, где сердце, не так ли? Сцеживание и кровотечение. Все ангелы и дьяволы лучше всего справляются, когда они дома.” Я не был уверен, что в моих словах есть смысл. Я должен был верить тому, что владело мной сейчас. Она зашипела. Звук был такой, словно из шины выпустили воздух. “У меня есть город. Один за другим они падают на меня. Суда осуществили мое намерение. Я сделаю тебя тоже одним из своих детей, и тогда я буду еще ближе к тому, чтобы снова войти в твой мир и пробудиться от своих кошмаров”.

“Это не твои кошмары”. Но мои слова не были громкими, и я не могу быть уверен, что вообще их произнес. Может быть, мне просто показалось. (Но разве этого недостаточно?) Во всем становилось трудно разобраться. У нее были жвалы, похожие на черные влажные стальные стержни, а изо рта выходила длинная трубка,

вращающаяся трубка с зубами. Он двинулся к моей голове, и я почувствовал, как он глубоко вонзился в мой мозг, как игла. Тогда я понял, что могу заблудиться. Я мог бы потеряться в ней. В ее лабиринте кишок и яда. Я мог бы вспомнить все, что со мной когда-либо делали, я мог бы вернуться к изнасилованию, стать им и носить его, как комплект одежды, и тогда я был бы ее.

Но что-то внутри моего чрева подсказывало мне, что я могу сопротивляться, и я это сделала.

На мгновение я стал легким и показал ей, что я любим. Это была вспышка. Тогда я был ангелом, и она отступила, визжа и дергаясь. Это звучало как крушение поезда. Это звучало так, как будто мою мать убили. Это было похоже на кровотечение у младенцев. Она прошипела и сказала: “Неподкупный? Кто тебя защищает? Откуда ты? Ваш разум может быть защищен, но ваше тело — нет. Ты просто мокрый мешок с кровью. Уже слабый. Уже умираю. Я отправляю их. С тобой покончено.”

“Я все же собираюсь тебе помочь”, — сказал я ей. В моих словах была сила, возникшая из ничего. Мое тело казалось далеким и хрупким, но мой разум был сильным. Как стена. “Не будь таким самоуверенным. Ты — клещ на спине льва.”

“Я могущественен”.

“Ты мертв”.

А потом она ушла, вернулась в свою тюрьму.

Время закрытия

Это приближается к кульминации. Я это чувствую. Это как та озоновая штука, которую вы ощущаете в воздухе перед ударом молнии. Твои волосы встают дыбом. Воздух гудит. Затем электричество. Затем гром. Потом ничего.

Я не знаю, смогу ли я это сделать. Священники иногда говорят о милосердии, и я думаю, может быть, я становлюсь Милосердием с большой буквы, но я не знаю. Я другой, я это знаю. Я — нечто такое, чего раньше не было.

Но я не знаю, достаточно ли этого. Может быть, уже слишком поздно, как говаривал мой отец. Этот дьявол еще может добраться до меня. Весь город мог бы принадлежать ей; ее сосательные трубки тянули их сердца. Я думаю, они придут за мной. Я думаю, они собираются убить меня. Как я могу сделать свою работу за нее, простить ее и научить ее, как вернуться домой, если они убьют меня? Я не знаю, хватит ли у меня воли или сил сопротивляться им. Чтобы оттолкнуть их. Не могу этого сделать. Я слаб. Уже потерял много крови. Уставший. Голодный. Жажущий. Они придут, убьют меня и изнасилуют.

Может быть, кто-нибудь там, наверху, сжалится надо мной. Или, может быть, с меня

снимут шкуру и бросят на съедение собакам. Я либо найду в себе силы пройти через это, либо я покойница. Держу пари, это будет уже второй раз.

Скоро

Этот призрачный человек снова пришел ко мне, сначала как волк, а потом превратился в человека. Он пробрался сквозь кустарник, ступая лапами по потрескавшейся земле, и снова стал человеком. Все еще пытаюсь спрятаться.

“Я должен был убить тебя, когда у меня был шанс”, — сказал он. “Они собираются, целая куча. Они все в школьном спортзале, точат свои садовые инструменты, заряжают дробовики. Их глаза остекленели. Они принадлежат и управляются той сучкой, которая спит у тебя за спиной. Разве ты этого не знал? Кем ты себя возомнил?”

“Ты мог бы мне помочь”, — сказал я.

Он покачал головой. “Нет, я, наверное, не смогу. Надеюсь, у тебя припасено еще несколько салонных трюков в рукаве, иначе ты труп. Я не смог бы помочь тебе, даже если бы захотел. Они выбили бы из меня начинку, как из пиньяты. — Низкое рычание вырвалось из его горла. “Все было тихо до того, как ты появился здесь. Город был коррумпирован, но в нем было тихо. Они не беспокоили никого, кроме друг друга, кучка инбридов. А потом появился ты. Гладит демона по голове. Ты разбудил ее, разозлил. Теперь мне придется вызвать “большие пушки” и посмотреть, сможем ли мы снова ее успокоить. Это большая работа. Некоторые из моих друзей могут погибнуть в процессе. Я этого не ценю”.

Мое зрение поплыло и потемнело. “Так что я просто умру”. “В этом вся суть. Мне не нравятся бессмысленные убийства, но мне также не нравятся дети, которые суют руки в мою банку с печеньем”.

Я решил, что его там нет. “Я больше не верю, что ты настоящий. Возможно, это просто галлюцинация с другой стороны, чтобы заставить меня сбиться с пути. Моя вера непоколебима”. Я солгал.

“Меня не очень волнует твое мнение обо мне. Или ваша вера. Вы, обезьяны, все неправильно поняли”. Он прочистил горло. “К полуночи ты превратишься в кровавое пятно на этом камне. Я собираюсь уйти. Так долго. Прости за все, ты же знаешь.”

“Я прощаю тебя”, — сказала я, а затем рассмеялась, как сумасшедшая. Он повернулся и ушел.

После

Я все еще жив. Едва. Я чувствую боль в своих костях. Знаете ли вы, что ваши кости действительно могут болеть? Вплоть до мозга костей. Такое чувство, что в меня вонзаются гвозди. Я начинаю цепенеть и мерзнуть. Я думаю, это хорошо, потому что тогда боль исчезнет.

Они пришли ночью. Темный человек все рассчитал. Там должно было быть по меньшей мере две дюжины человек. Я узнал некоторых из них. Парикмахер, который подстриг меня, когда я была маленькой девочкой. Другой был секретарем по посещению занятий в средней школе. Один мужчина был собутыльником моего отца. Он владел ландшафтным бизнесом на Норт-стрит. (Или это была Зеленая улица?) Были ли они всегда игрушками этого дьявола? Или она завладела ими за последние несколько лет? Сначала я подумала, что, может быть, они на самом деле не ее, что, может быть, они пришли искать Скотти и подумали, что я каким-то образом ответственна за это.

Но они даже глазом не моргнули на бедного мертвого полицейского. Когда я позволил зрелищу охватить меня с треском, подобным грому, я увидел яд, трубки, которые высасывали их внутренности. Где-то на этом пути они были уязвимы. Они стали слабыми и неуверенными в себе и впустили ее внутрь. Они, вероятно, не знали об этом, когда это произошло, и это, конечно, была не их вина. Но цикл продолжается, и они были ее пешками, ясными, как ночное небо.

Я пытался поговорить с ними. Пытался остановить их, держать подальше и сделать себя маленьким и незначительным, но это просто было не в моих силах. У некоторых было оружие. Один держал ржавый кукурузный серп. У другого было охотничье ружье. У других были просто голые кулаки.

Все они говорили ее голосом.

“Ты думал, что сможешь спасти меня?” — спросил собутыльник. “Ты думаешь, прощение имеет значение?”

Другая женщина в халате засмеялась и сказала: “Я не слабая. Мне не нужна твоя помощь. Я сильный”.

Они подошли ближе. Парикмахер зашипел, как кошка. Он тащил за собой бейсбольную битку, молотя ею по сухому кустарнику. “Скоро все это закончится. Все это дело.”

Они были правы. Все было бы кончено. Но не так, как они думали.

Вот тогда они набросились на меня, сильно и быстро, и я почувствовал, как что-то острое вонзилось мне в бедро. Кто-то сломал приклад своего дробовика у меня над плечом, и я почувствовал, как под его тяжестью хрустнула

кость. Позади меня дьявол загремел прутьями своей клетки, и я почувствовал, как она становится нетерпеливой и голодной. Мне было так жаль ее тогда. “Должно быть, ужасно испытывать такой жестокий голод”, — подумал я. Быть искаженным и превращенным в такое ужасное существо, вырванным из приятных снов и сделанным ужасным — дьяволом в некогда добром мире. Как это, должно быть, ужасно! Избиения и удары ножом стали для меня ничем, и я почувствовал, как глубоко в груди загорелся теплый очаг. Я представил себе, как плохо, должно быть, всем этим людям быть прикованными к своим собственным изъеденным червями сердцам. Быть таким грустным. Быть несовершенным.

Я могу только связать то, что произошло дальше, с актом рвоты. В то время это кажется ужасным, но как только все заканчивается, болезнь как будто проходит. Ты опустошен, и ты исцелен. Свет исходил из меня, из моего рта и глаз. Мои руки дернулись вперед, и я, кажется, помню, как горожане падали назад. Я услышал кое-что, что навело меня на мысль о мясе, готовящемся на сковороде. Резкие хлопки жира и жира. Свет был самым ярким, что я когда-либо видел. Он вырвался из меня и устремился в небо.

Алкоголики говорят о том, что они испытывают, когда осознают, что больны, — о “моменте ясности”. У меня был один из таких. Это выжгло из меня все. Каждую каплю болезни. Я все это время был ангелом и не знал об этом до тех пор.

Свет не прекращался. Это продолжалось. Я ничего не мог разглядеть. Там не было ничего, кроме солнечного света, хотя была ночь. Закрытие моих глаз не помогло. Он просто прорвался насквозь, белый, чистый и теплый. Я был в приподнятом настроении. Разве это не странно? Я чувствовала себя так, словно только что выпила кучу чашек кофе, была полна энергии, счастлива и готова покорить мир своей любовью и пониманием.

Затем земля загрохотала. Это было похоже на небольшое землетрясение, от которого дребезжат чашки в буфете. Раздался приглушенный хлопок, почти как гром, и дьявол начал кричать. Сначала я слышал это своими ушами. Потом я поняла, что это они — горожане — звали ее, кричали как часть ее. Затем их крики оборвались и превратились в бульканье и хрипы, а затем и не более того. Однако ее крик продолжался, но не в моих ушах, а в моем сознании, как сверло, скулящее в моем мозгу.

Так же быстро, как и началось, это прекратилось, и свет погас, как будто перегорел предохранитель. Моим глазам потребовалось некоторое время, чтобы привыкнуть.

Позади осталось обугленное поле костей, кладбище тел без кожи и плоти. Большинство из них были всего в нескольких футах от них, их дробовики и садовые инструменты валялись в

грязи, обожженные огнем. Позади себя я увидел, что скала была расколота и имела широкую трещину, и я понял, что она ушла. Может быть, я отправил ее домой. Может быть, я пролил свой свет в темные уголки ее сердца, и она не смогла вынести того, что там увидела. Мне нравится эта теория. Это дает мне веру. Вдалеке я увидел город. Он горел. Все это горело. Огонь был почти белым, и мне вспомнилось, как ярко светит солнце, когда я смотрю на него. В глаза Творца. Вся картина была очень красивой. Успокаивающе, правда. Я представил себе, что ангелы резвятся в огне. Тогда я решил, что горящий город — это то, как на самом деле выглядит Королевство Всего Хорошего, и я решил, что хочу туда поехать.

Я расколол скорлупу своего собственного понимания и нашел внутри плод. У меня есть свой нимб. Если мы примем нашу миссию и придем к пониманию нашей собственной праведности, мы сможем очистить любую ненависть к себе, которая у нас может быть. Мы можем выйти за пределы самих себя, за пределы сомнений и исцелить мир. У всех нас будут свои нимбы. Мы все будем ангелами. Всему приходит конец. Мы просто делаем дорогу, которая ведет туда, немного приятнее для ходьбы.

Тема: Коллбран, Колорадо

От: bookworm55

Чтобы: hunter.list@hunter-net.org

Если вы в последнее время не включали CNN, не проверяли BBC online или что-то еще, я рекомендую это сделать. Я думаю, вы найдете там все необходимые подробности, но я приведу вам краткую версию здесь.

Это был маленький городок, недостаточно большой, чтобы иметь светофор. Он начинался как фабричный городок, но где-то по пути иссяк, а потом влачил какое-то существование. Так вот, это место сгорело дотла. И не с пожаром, который перекинулся от дома к дому или от магазина к магазину, а одним большим, быстрым пожаром. Люди спали и сгорели дотла. Большая часть города погибла. Ни в одной из статей нет ничего особенного о причине. Они говорят, что это могло начаться из-за большой утечки газа, которая произошла в магистрали, и, возможно, они правы. Я недостаточно разбираюсь в подобных вещах, чтобы иметь обоснованное мнение.

Но вот что: CNN опубликовал видео, которое, вероятно, уже разлетелось по сетям. Это был домашний фильм. Какой-то зритель парка или что-то в этом роде забрал его примерно в полумиле от города. Сцена ужасная — большой камень, полицейская машина и куча обгоревших костей.

Что привлекло мое внимание, так это один из наших знаков на дальней стороне скалы. Парень, держащий камеру, передает ее прямо перед сценой того, что там произошло. Я видел это и просто знал, что это значит. "Мучение".

Что, черт возьми, там произошло?

Bookworm

Глава 3: Дьявол, которого ты знаешь

Народы услышали о твоём позоре, и вопль твой наполнил землю, ибо сильный споткнулся о сильного, и они оба пали вместе.

— Иеремия 46:12

Я в Нью-Йорке. Босс послал меня взглянуть на Ground Zero. Он был удивлен — сказал, что тот, кто это сделал, “не имеет значения”. Казалось, он почувствовал облегчение, хотя я никогда не могу быть уверен, что он на самом деле чувствует. Черт, я не могу быть уверен, что у него есть чувства. Не могу быть уверен, что он “он”.

Черт с ним. Нью-Йорк — грязная, переполненная, вонючая куча дерьма. Дым — вот и все, что есть в Нью-Йорке. Уличный дым можно почувствовать даже в центре Центрального парка.

Я вижу вывески — все эти веселые фигурки маленьких ангелочков. Сражайся, сражайся, сражайся. Защищай, защищай, защищай. Похоже, есть по крайней мере две группы, и они не могут договориться. Типичная охотничья чушь. Есть и третий набор символов — что-то вроде анютино мира, любви, доброты, понимания. Хотя выглядит довольно старым. Похоже, с прошлого года никто не рисовал картину “Разве мы все не можем просто поладить?”.

Бандитские ярлыки для небесного воинства. Блины.

Босс их видит. Конечно, Босс их видит, он видит все, на что я смотрю. Но я имею в виду, что он действительно их видит. Он может сказать, в каких из них есть сок, а какие — просто прикрытие. Я не думаю, что он их понимает. Иногда он спрашивает меня, что они означают.

Хотя, возможно, он морочит мне голову. Он вроде как может читать мои мысли. Нет, если я действительно работаю над тем, чтобы надрать ему задницу, но большую часть времени. Сейчас, например.

Впереди поверни налево.

Здорово. Я слышу и повинуюсь... болван.

Палки и камни не переломают мне костей, ты, жирный жирный засранец.

Ты хоть представляешь, как раздражает твой голос? Это как гвозди на классной доске. Когда ты начал с этого, а? Тебе просто нравится выводить меня из себя? Раньше ты не звучал так чертовски противно.

Как только ты поймаешь рыбу, Джон, ты уберешь приманку. Идите в сторону железнодорожного вокзала.

У меня нет особого интереса связываться с местными “проникнутыми”. Насколько я помню,

в Нью-Йорке нет никого, кто бы меня интересовал. Эта старая нигерская сучка, э-э... как ее звали?

Мемфис.

Спасибо. Как ты можешь помнить то, чего не помню я?

Потому что я умнее тебя.

Да, и к тому же более скромный.

Смирение — это добродетель, и ты знаешь, что это не мое дело.

Во всяком случае, она, казалось, держала голову прямо. Но я, вероятно, не буду пытаться найти ее. Без Интернета это все равно было бы занозой в заднице. Все, для чего она мне нужна, — это немного покалечить клыки.

Поднимись по лестнице.

Я направляюсь к лестнице, ведущей на платформу метро, но передо мной стоит женщина, преграждая путь. Какой-то крошечный древний мешочек. Похоже, она провела все свое детство, пытаясь изобрести огонь. Пухлое серое бабушкино пальто, старомодные туфли на поношенных каблуках, ноги такие тонкие, что даже нейлоновые чулки не могут держаться, поэтому они собираются вокруг лодыжек. У нее есть одна из тех домашних тележек для продуктов — размером с мусорное ведро, проволочная сетка, колеса — и она тащит ее за собой по лестнице. Она делает примерно дюйм в минуту. Блины. Она поднимается на одну ступеньку, сгибает свою скрипучую старую спину, берется за ручку и поднимает тележку на ступеньку выше. Шаг, подъем. Затем она делает паузу, как будто таскает чертовы кирпичи.

— Вот, — говорю я ей. — Дайте мне помочь.

Она робко поднимает глаза. Лицо, похожее на изюминку, с двумя мутными глазами.

— Все в порядке, — говорю я и беру тележку. В этом нет ничего особенного. Я могу поднять его одной рукой. Наверное, полный кошачьего корма. Это то, что едят эти старые ведьмы из Социального обеспечения, верно?

— Спасибо.

Какой-то акцент. Она разворачивается, как улитка, и ползет вверх по лестнице на платформу. Я кладу ее продукты на желтую полосу рядом с ней и получаю желтую улыбку в ответ.

Она единственная, Джон.

Что?

Она единственная. Убей ее.

Ты издеваешься надо мной.

Слушай, ты ведь помнишь уговор, верно? Ты достаточно умен, чтобы вспомнить так много?

Я помню уговор, но давай же. Маленькая старушка? Не слишком ли далеко заходит вся эта затея с "дьявольщиной"?

Почему тебя это волнует? Я выполнил свою часть сделки, не так ли? Или ты предпочел бы вернуться к Аннабель?

Да ладно, она же не может причинить тебе боль или что-то в этом роде.

Она никому не может причинить вреда. Если только...

Я включаю прицел. Нет, она нормальная. Просто еще одна старая птица в городе, полном их.

Пока прицел включен, Босс меня не слышит — или, по крайней мере, он не может со мной разговаривать. Это довольно приятно — быть наедине со своими мыслями. Время выкурить сигарету. Я выкуриваю ее до конца, прежде чем отвлекаюсь.

Не ДЕЛАЙ этого!

Извините, босс.

Слушай, ты собираешься убить ее или нет? Я здесь не гребаный Красный Крест, Джон. Ты получаешь от меня много, так что тебе придется немного заплатить. Или вы хотите встретиться лицом к лицу со следующим клыкком, не имея ничего, кроме вашего врожденного интеллекта и любых объедков, которые ваши "Посланники" решат бросить вам в лицо?

Я оглядываюсь вокруг. Предупреждения о третьем рельсе. Больше никого не было видно. Дерьмо.

Не похоже, что она многое упустит. Ей 81. Ее дети оба мертвы. Если ты этого не сделаешь, через три месяца она упадет и сломает ногу. Она будет биться на полу в ванной, описываясь. Никто не услышит, и она умрет в страшных мучениях. Потом ее маленькая собачка съедает ее. Честно говоря, Джон, ты оказываешь ей услугу.

С каких это пор мы занимаемся бизнесом "одолжений"?

Босс не отвечает. Насколько я знаю, он больше не обращает на это внимания. Он мог смотреть чужими глазами, слышать чужие мысли. Я не знаю, сколько нас здесь. Я познакомился с парой других его мальчиков и девочек на побегушках. Он не позволяет мне видеть многие из них. Он не доверяет мне, потому что иногда я могу заблокировать его.

Я думаю, что я единственный "наделенный" на его поводке. У меня есть подозрения. Я думаю, что некоторые из его других людей даже не люди.

Я надеваю перчатки.

— Прошу прощения, мисс?

Она поднимает глаза, еще одна желтая улыбка.

— Я думаю, вы что-то уронили.

Я показываю, она смотрит.

Она весит едва ли больше, чем ее продукты. Прямо на третьем рельсе. Блин, что за бардак. Слишком просто. Чертовски жаль. Но кто будет скучать по ней? Что она упускает из виду?

Я заглядываю в ее корзину с продуктами, вытаскиваю бананы сверху и наклоняю их так, чтобы они упали на пол. Та да. Рациональное объяснение. Полоумная дряхлая сучка роняет свои гребаные бананы, тянется за ними, жарит картошку. Полиции будет все равно. У них есть еще 6000 мертвых парней, с которыми нужно разобраться.

И все же это чертовски обидно.

†††

Наступает ночь. Я еду в метро, на самом деле почти ничего не делаю. Средств мало. Думаю, боссу не нравится, что я получаю слишком много наличных. Я получал подачки от других его инструментов, когда мне было очень тяжело. Я думаю, ему нравится, что я зависимая.

Джон.

Я вздрагиваю. Ничего не могу с этим поделать.

Сойди на следующей станции и идите к южному выходу.

Что, ты нашел еще одну старуху, которую хочешь убить?

Ты ранишь меня, Джон. Я помню наш уговор, даже если ты этого не помнишь. Тебе понравится следующий, я обещаю.

Следующая остановка — в центре какого-нибудь фешенебельного района снобов. Люди смотрят на меня так, словно не могут решить, бояться им или испытывать отвращение.

— Эй, ты. Да, ты, костюм от Армани. Я с тобой разговариваю, придурок!

Он бежит. Я улыбаюсь. Остальные держат свои глаза при себе. Чертовы городские киски.

Очень впечатляюще. Ты настоящий мужчина, не так ли?

Потом я вижу ее, выходящую из лимузина, как кинозвезда. Направляясь к клубу, проходя прямо мимо очереди, конечно. Короткое красное платье. Золотистые волосы, покрытые пеной, сияют, как солнце на море. Высокие каблуки. Идеальные ноги. Идеальная задница. Идеально

все. Я чувствую движение в своей промежности, и это все.

Она та самая, да?

Я же говорил, что она тебе понравится.

“Нравится” — неподходящее слово.

Например, убить ее. Давай, используй свое "зрение" на ней. Я не возражаю. Хотя тебе это и не нужно, не так ли? Только сверхъестественная красота может...

Я использую зрение, чтобы заткнуть его. Чтобы разрушить чары. Чтобы проверить, может, я ошибаюсь, может, он обманывает меня, может, она реальна, может...

Неа.

Мертвые. Вздутые икры, в которых скопилась жидкость. Волосы, сухие, как солома, выпадают клочьями. Ссохшиеся руки мумии, сухие губы, личинки.

Я на другой стороне улицы у той же двери. Мне сигналият, но мне все равно, я заперт, я вижу, как она исчезает в тусклом коридоре.

— Держись, приятель.

Вышибала. Крупный парень. Обтягивающая рубашка. Крепыш из спортзала. Он оглядывает меня и быстро оглядывается через плечо. Еще пара мускулистых педиков с надписью "Security" на майках поддерживают его. Зрение не выключено. Один парень — кровопийца, раб.

— Я с ней, — говорю я.

Я говорю это достаточно громко, чтобы она меня услышала, и пускаю сок. Ангельский трюк. Хочешь выглядеть для меня привлекательной, сучка? Теперь у меня есть и этот трюк. Я твой мужчина. Я — твоё блюдо из семи блюд.

Она слышит. Она поворачивается. Она видит меня, и одна гнилая бровь вздергивается вверх над дыркой.

— Все в порядке, — мурлычет она. — Впусти его.

Черт возьми! Я должен опустить прицел, иначе меня вырвет.

Внезапно она снова стала всем, чего я хочу. Все, что мне нужно. Она — мороженое с содовой в жаркий день с жареной курицей и дремотой в гамаке.

Остуди свои струи, Ромео, если не хочешь, чтобы эти могильные черви дали тебе по голове, пока ты трахаешь ее.

— Спасибо, — бормочу я. Она думает, что я говорю с ней.

— С удовольствием.

Она облизывает губы и берет меня за руку.

Я дрожу. Я не могу удержаться. Похоть? Отвращение? И то, и другое сразу.

В клубе темно, шумно и полно богатых городских ублюдков, танцующих как идиоты и демонстрирующих свои аэробные задницы. Это как зоопарк для трусишек. Может быть, две официантки и один из парней у дверей настоящие — люди, которые действительно работают за свои деньги. Все остальные — обманщики, неработающие актеры, художники, менеджеры по маркетингу или управляющие маркетингом. Придурки, все до одного. Я не хочу даже смотреть на них. Не то чтобы я мог долго не смотреть на нее.

— Хочешь что-нибудь выпить? — Ее голос похож на мед. Как сон.

— Пиво, — бормочу я.

— Ваша марка?

— Все, что есть в кране.

— Значит, не привередливый?

— Не в пиве.

Она жестом подзывает официанта, который бросает на меня ревнивый взгляд. Когда он уходит, она снова смотрит на меня.

— Итак, как тебя зовут?

— Дон.

— У тебя есть фамилия?

— Тебя волнует моя фамилия?

Она смеется. Это музыка, волны на пляже, колыбельная.

— Я Эми.

— Ты не похожа на Эми.

— На кого я похожа?

На вампира. Супермодель. Сочащийся личинками труп. Аннабель.

— Я думаю, ты знаешь, как выглядишь, — говорю я наконец. — Если нет, попробуй посмотреть в зеркало.

Еще один смех. Без ангельского талисмана мне бы это не сошло с рук.

— Я не знаю, как я выгляжу для тебя, Дон.

— Ты хорошо выглядишь.

Она встает — встает так, что ее сиськи на мгновение оказываются прямо перед моим лицом. Черт возьми.

— Ты хочешь танцевать?

— Нет.

Она дуется. Я почти уступаю. Я буду танцевать. Я буду танцевать чертову Funky Chicken, если она этого захочет. Но ей нравится, когда я играю с ней, поэтому я могу сопротивляться.

Она как рыболов-спортсмен. Ей нравится, когда я оттягиваю крючок.

— Если вы не хотите танцевать, зачем приходите в танцевальный клуб?

— Я хреновый танцор.

— Знаете, многие женщины смотрят, как мужчина танцует, чтобы увидеть, как он занимается любовью.

Занимается любовью. Черт возьми.

— Когда я танцую, это выглядит так, будто я пытаюсь причинить кому-то боль.

— А в постели ты тоже так выглядишь?

Я пожимаю плечами. Она знает, как это выяснить.

— Единственная причина, по которой натурал танцует — это чтобы его трахнули. Я плохой танцор, так что мне это не поможет. Так зачем это делать? Жизнь слишком коротка.

— Это действительно так. — Ее глаза блестят. — Так ты пришел сюда, чтобы... тебя трахнули?

— Есть ли другая причина?

Официант ставит мое пиво и слышит эту часть разговора.

— Почему бы вам не отдать мне чек, — говорит Эми.

Она все еще стоит, стоит так, что я могу смотреть на ее ноги, на ее задницу.

— Давай. Пойдем.

Я делаю глубокий глоток пива. Я не двигаюсь. Я немного смотрю на нее. Я тяну линию. Мы оба знаем, что я собираюсь уйти. Еще один глоток, и я встаю.

— Да, хорошо.

Я следую за этой восхитительной задницей к лимузину, думаю о том, как она выглядит голой, вспоминаю, как выглядела голая Аннабель.

Проследи за ней, Джон.

Не лезь не в свое дело, черт возьми.

Ты — мое дело, будь ты проклят или нет. Я серьезно. Смотри на нее. В противном случае ты будешь блаженствовать, когда она всадит клыки, и ты будешь бесполезен для меня. Эми высосет тебя досуха, прежде чем позволит тебе трахнуть ее — она больше не любит секс. Присмотри за ней, оставь ее одну, а потом скажи мое имя. Это отвлечет внимание.

Теперь ты говоришь мне, как убивать вампиров?

Я говорю тебе, как убить эту. Если ты зажжешь сигарету в машине, пламя испугает ее. А теперь вызывай зрение!

В глубине души я знаю, что он прав. Ее шофер выходит, чтобы открыть дверь. Он раб крови, кланяется и подлизывается к мисс Маггот Америка. С ним могут быть проблемы —

отбойник на них действует ненадежно. Возможно, у него тоже есть кусок.

В лимузине есть люк в задней части. Так что, возможно, это что-то.

Сучка оставляет за собой след из слизи, как улитка, когда проскальзывает, чтобы освободить место для меня сзади. Она похлопывает по сиденью — застенчиво. Чешуйки мертвой кожи отслаиваются, когда она это делает. Но это всего лишь кровь и кишки. Нет проблем. Я занимаю свое место.

— Ваш водитель может нас прослушивать?"

Она ставит выдвижную стенку между передним сиденьем и задним. Почему бы и нет? Она думает, что я обычный неудачник. Не представляю угрозы.

— Я бы спросила "твое место или мое", но это клише. — Ее хихиканье звучит как полоскание битого стекла.

— У меня все равно нет места, — говорю я. — Тогда как насчет моего?

— Или я могу просто прижать тебя здесь, в машине.

Она поднимает бровь.

— Нетерпеливый?

Она игриво похлопывает меня по коленке. Я сглатываю рвоту.

— Можно сказать и так.

— Ну, тебе просто придется подождать, пока мы доберемся до моего дома.

Я чувствую, что мой мозг немного напрягся. Она устала от моей игры. Она готова поймать меня на удочку, выпотрошить и насадить на свой следующий крючок.

Я не хочу застрять в ее логове. Конечно, там будет тихо, но выбраться оттуда будет мучением. То, что этот придурок Солдат назвал бы "извлечением". Тем не менее, я не хочу пока ставить ее защиту. Я притворяюсь, что это работает.

— Ладно, — говорю я угрюмо. Я отползаю назад и смотрю в окно. — Как далеко это?

— Не далеко. Только на другой стороне туннеля.

Я прикрыла рот рукой, чтобы скрыть улыбку. Вампир из Нью-Джерси. Что, даже бессмертные больше не могут позволить себе жить на Манхэттене? А может, она беспокоится о том, что по соседству живет какой-нибудь психованный террорист.

Я сделаю это в туннеле. Уже недолго осталось.

— Дон. — Ее рука снова на моем колене. Надеюсь, она думает, что я извиваюсь, потому что я возбужден. — Не будь таким. Я слишком стара для траха на заднем сиденье.

Я вижу ее отражение в окне. Облизывает свои потрепанные гнилые губы. Это менее противно, чем смотреть лицом к лицу. Я вижу, как приближается отверстие туннеля, совсем близко.

Я оборачиваюсь и достаю пачку "Кэмел".

— Хочешь?

Я смотрю ей в глаза и вытаскиваю ртом две. Мне кажется, Богарт прикуривал сигарету для себя и Лорен Бэколл таким образом в каком-то старом фильме.

Зап — одна потрепанная гнилая рука вылетает, по-кошачьи быстро, и выбивает дым у меня изо рта.

— Отвратительная привычка, — говорит она с усмешкой.

Мы в туннеле. К черту. Время пришло.

— Как и пить кровь.

Я чиркаю зажигалкой прямо ей в лицо — немного пламени, но гниль ненавидит это дерьмо. Она отпрянула назад, и ее клыки выскочили, когда я произнес "Слово".

Зрелище вспыхивает в моем мозгу, как спичка в урагане. Жесткий, жгучий ангельский свет поглощен тьмой Вассаго. Он вливается в меня отовсюду, проникает сквозь меня, изменяя меня. На моем лице вырастают шипы, изгибаясь по краям, как борода и корона. Они растут из моих ладоней, локтей и кончиков крыльев.

Она успевает нанести мне один костедробительный удар в лицо, прежде чем я полностью трансформируюсь.

— Назад!

Ангельские грани все еще работают, даже когда Вассаго работает через меня. Безумие. Блоубэк прижимает ее к двери, и она снова прекрасна, все ценное, все девушки, с которыми я был слишком беден, глуп и велик, чтобы поговорить. Она напугана, и мне это нравится.

Она неуклюже открывает дверь, рука выпадает и ударяется о тротуар. Ее тупоголовый шофер еще не понял, что что-то случилось, но я не позволю ей уйти. Крючковатые ладони хватают эти сладкие, тонкие лодыжки, кромсая кожу и нейлон в равной степени. Я затаскиваю ее обратно в машину. Рука, ударившаяся о землю, сломана, но она заживает, пока я смотрю. Мне все равно. Я втыкаю шипы в подбородок под ее коленом и загибаю вверх. Она бьет меня по голове, но на этот раз не так сильно — ей приходится бить осторожно. Не хочет поранить свою красивую руку о мои колючки и шипы.

Я поднимаю голову для еще одного удара подбородком, прямо в плоский, тугой живот. В этот момент машина резко останавливается. Мы оба скатываемся с сиденья, и ее ноги вырываются из моей хватки. Она вылетает за дверь, прежде чем я успеваю схватить ее снова, но я отталкиваюсь ногами и крыльями. Я получаю хороший удар крюком, двумя ладонями

по ее спине, сильный толчок, который вырывает куски.

Она спотыкается, ломается каблук, и она падает прямо перед старым скрипучим пикапом. Он едет не быстро, но это не имеет значения, когда он перекачивается через ее голову.

Она превращается в пыль. Сладкая.

Джон, берегись!

Что-то твердое и острое ударяет меня в левый бок. Черт! Как будто меня ударили кувалдой. Я поворачиваюсь, а это чертов шофер! Внутреннее окно опущено, и он готовит второй выстрел. Черт! Я бегу прочь от ее двери и чувствую, как тело монстра исчезает, шипы превращаются в дым, а крылья исчезают в тени. Я хромаю по туннелю навстречу встречному движению. Мне кажется, я чувствую, как Босс выталкивает пулю, возвращает мои мышцы на место, заставляя кровь в моих венах бурлить из ничего.

Интересно, так ли они себя чувствуют, когда отключают травмы?

Глаза на приц, Джон. Снимай назад и вперед, идиот. Он снова целится!

Я слышу миллион гудков. Я, наверное, выгляжу сумасшедшим. Моя рубашка и пальто распахнуты сзади. У моих ботинок дырки в подошве от когтей, но они еще пригодны к использованию. Еще один выстрел. Я вздрагиваю, но он уже промахнулся. Когда ты это слышишь, уже слишком поздно.

Иди направо! В тот дверной проем!

Дверь слетела с петель, и я оказался в каком-то подъездном туннеле, весь в пыли, крысином дерьме и старых газетах.

Я слышу сирены, и в кои-то веки это хорошо. Этот засранец-водитель получит свое сегодня в тюрьме, или проведет следующие полчаса в страхе. В любом случае, он больше не будет стрелять в меня.

Я подвожу итоги. Босс исцелил меня не до конца — достаточно, чтобы я мог бегать, не вырывая селезенку или что-то в этом роде.

Думаешь, сохранить свою шкуру легко?

Ничего страшного. У меня есть ангельский фокус, чтобы справиться с остальным. Я уже чувствую, как моя челюсть возвращается назад. Болит, как ублюдок, но это просто боль. Пулевое отверстие займет больше времени. Мне лучше успокоиться на пару дней.

Хороший план. На самом деле, ты можешь спать в автобусе.

Автобус?

В Гранд Централ тебя ждет билет на автобус на имя "Рон Шалье". Видишь впереди лестницу? Поднимись по ней и следуй по проходу к люку канализации.

Канализация? Опять?

Только ливневые канализации. Не будь таким ссыкуном. Когда выберешься, иди на юго-запад. Скоро появится одна из моих людей. Она даст тебе достаточно денег, чтобы купить новую одежду и, возможно, место для ночлега.

Ты весь в сердце, босс.

Я просто не хочу, чтобы ты трахался и кашлял, как в прошлый раз. Ты должен быть острым, Джон. Это будет не какой-нибудь самоуверенный клыкастый новичок. Черт, тебя чуть не убили, потому что ты стоял и злорадствовал, когда надо было бежать!

Ваша забота трогательна.

В отличие от вас, я не недооцениваю угрозы, особенно угрозы, исходящие от наших общих врагов.

"Наши общие враги". Блин, я тебе постоянно говорю, что "наделенные" не такие уж и крутые.

Не против тебя, Джон. Вот почему я использую тебя против них.

†††

Женщина, которая забрала меня в Нью-Йорке, была хорошо одета, водила Lexus, но у нее был тот тошнотворный, каплевидный взгляд, который, кажется, есть у всех "людей Босса". Это было странно: Когда она увидела, как я изжеваян, она настояла на том, чтобы я провел ночь у нее дома. Не в каком-то смешном смысле, просто... как будто я был давно потерянным кузеном, которому не повезло. Вместо... того, чем мы, черт возьми, являемся.

Она дала мне кучу книг для автобусной поездки. Ничего хорошего, конечно, вроде Дика Фрэнсиса или, может быть, Дэйва Барри. Только это высокопарное дерьмо, которое Босс хочет, чтобы я прочитал. Дисциплина и наказание. Краткая история времени. Какой-то конский чокер под названием "Происхождение сознания при распаде бикамерального разума". Чтоб ты содох. Мозголомная фигня. Я не могу понять ни слова.

Я не прошу тебя понять их, Джон. Только прочитать их.

Я делаю это, я делаю это. Но я не буду читать ту, что про педиков!

Ессе Ното — это не... ой, да ну его. Просто посмотри на страницу, ты, брахиациный димбулб.

Как ты меня назвал?

"Брахиация". Это значит, что ты качаешься на деревьях, как обезьяна. Честно говоря, Джон, тебя не беспокоит, что мне приходится говорить с тобой свысока, чтобы оскорбить тебя?

"Не мешает ли вам полагаться на качающегося Димбулба?" Краем глаза я замечаю движение. Женщина через проход весело смотрит на меня,

и я понимаю, что говорю громко. Я бросаю взгляд, и она отшатывается. Я беру в руки книгу и делаю вид, что она мне очень нравится.

Отличный ход, Экс-Лакс. Будем надеяться, что она никому не расскажет о 6'4" 280-фунтовом мужчине, которого она видела в автобусе, разговаривающим сам с собой. Ты должна быть осторожнее! Тебя не так-то просто забыть, знаешь ли.

Что? Ты хочешь сказать, что то, что я огромный урод, как-то... выделяет меня? Ну и дела, босс, а я, блядь, и не заметил.

Ваш сарказм не оценили, Джон. И чтобы ответить на ваш вопрос: Больше, чем вы можете себе представить.

А?

Зависимость от тебя беспокоит меня больше, чем ты можешь себе представить.

К черту его, в любом случае. Я могу просто пропустить этот материал.

По крайней мере, цыпочка в Нью-Йорке достала мне хороший пистолет.

†††

Я выхожу из автобуса в Кантоне, штат Огайо. Город выглядит не очень. Босс до сих пор не сказал мне, кого я собираюсь здесь найти. Один из тех, кто с разинутой пастью капает на член из охотничьей сети — все по уговору. Кого именно, я понятия не имею. Я даже не знаю, куда мне идти, так что решил, что лучше перекусить, пока не началось дерьмо.

Моя челюсть чувствует себя хорошо. Бок немного болит, вот и все.

У автобусной станции есть жирная ложка. Наверное, это лучшее место для бродяг, бомжей, серийных убийц и "посвященных". Герои родного города Америки, обычные люди, как вы и я, которые ведут захватывающую, сверхмощную, тайную жизнь, борясь с призраками и вампирами! И, кстати, теряя все свои чертовы деньги, теряя всех своих чертовых друзей и оказываясь в тюрьме или сумасшедшем доме.

У меня 38,64 доллара. Я подхожу к прилавку и смотрю на специальные предложения. Парень за стойкой ссутулился.

— Да, я бы хотел два "Санрайз" и большой томатный сок.

— Большой томатный сок, Sunrise Special.

— Нет, два.

— Два?

Похоже, что кто-то пропустил второй день посещения детского сада и так и не наверстал упущенное.

— Специальное блюдо — два яйца, хаш-браун и тост, верно?

Парень выглядит так, будто я только что попросил его взмахнуть руками и улететь на Луну.

— Ну, я хочу четыре яйца, двойной заказ хашбраунов и, знаете, два тоста. Два фирменных блюда. Видите?

— Четыре яйца, двойная порция хашбраунов, двойные тосты.

— Спасибо.

Задница.

Почему бы тебе не заказать бекон?

Это одна из твоих команд?

Нет, но я знаю, что ты хочешь его. Хорошо пахнет, не так ли?

Ты знаешь об упаковочном доме. К черту все это дерьмо. Если я не почистил его сам, я не буду есть мясо.

О, и ты думаешь, что "шеф-повар" там моет руки каждый раз, когда сходит в туалет?

Пожалуйста, послушай... Я не хочу знать, хорошо? Я не хочу знать.

Прекрасно. Цепляйся за свои мелкие иллюзии. Все, что делает тебя счастливым.

С каких пор тебя волнует, счастлив ли я? Ты хочешь сказать мне, кто я после этого?

Пусть это будет сюрпризом, но тебе понравится.

В прошлый раз ты сказал мне, что я получил пулю в спину. Ты сам получил пулю в спину, но я не собираюсь с тобой спорить. После обеда двигайтесь на восток. Там есть приют для бездомных под названием "Дом Марты Самсон".

Приют для бездомных, да? Фигуры.

После обеда у меня осталось \$29,62. Официант-дурачок не получает чаевых.

†††

Дом Марты Самсон — это не совсем дом. Это большое здание из шлакоблока, с квадратными краями и плоской крышей, как на заводе. В задней части здания — огромная дымовая труба, из которой не идет дым. Вокруг огромная парковка, с двух сторон заросшая кустарником и деревьями. С одной стороны — улица, с другой — забор из цепей с колючей проволокой наверху, ограждающий другую парковку, которая выглядит практически идентично. Вдоль улицы тянутся ветхие дома, а также сомнительного вида предприятия, которые еще десять лет назад были маргинальными. Ломбард. Что-то под названием "Смитберг Айс". Мастерская по ремонту электроники. Черт, кто в наше время чинит электротехнику? Просто дешевле купить новую.

Понятия не имею, кто мне здесь нужен и как мне найти того, кто это. Адрес я узнал из

телефонной книги в закусочной. Это было около восьми миль от автобусной станции. Не найдя ничего лучшего, я отправился туда на копытах. Мои ноги убивают меня: Я все еще ношу рваные туфли из Нью-Йорка.

Когда я добрался до места, уже близился закат. И что теперь? Босс не дает особых указаний. Отлично. Должно быть, он в игривом настроении.

Я прохожу через парковку, мимо множества старых машин и грузовиков, многие из которых забиты чужим хламом, завязанным в пластиковые мешки для мусора. Довольно грустно. Хотя, наверное, мне еще грустнее. У меня даже нет ни мешка с хламом, ни машины, в которую его можно положить.

Пара парней в поношенных пальто и шапках-чулках проходят через стальную дверь сбоку здания, и я следую за ними. Похоже, это правильное место. На этих парнях написано "работающая беднота", наверное, как и на мне.

Внутри находится небольшой кафетерий — пол из линолеума, стены из шлакоблока, провисший потолок. Такое можно встретить в средней школе, только с телевизором, прикрученным к потолку, показывающим футбольный матч, и еда, вероятно, не такая вкусная. Здесь также многолюдно — столы стоят плотно друг к другу, много людей в одежде с большим количеством грязи и пота. За едой стоит очередь, которую обслуживают лучше одетые, волонтеры-церковники. Они довольно оживленно шагают, таская подносы с едой туда-сюда из кухни, стараясь быть бодрыми. Каждый из них двигается по крайней мере вдвое быстрее, чем самые быстрые из бездомных, если не считать бездомных детей. Их не так много — три-четыре чумазных кота в безразмерных футболках, бегающих вокруг столов и получающих от взрослых то хмурые взгляды, то улыбки. В данный момент я просто смотрю.

— Извините, — говорит хриплый голос позади меня.

Я поворачиваюсь. Наверное, я мешаю движению. Мимо меня протискивается старый иссохший негр с лицом, похожим на мякоть грецкого ореха.

— Извините, — говорю я.

— Ты уже записался?

— Нет, еще нет.

— Лучше, пока все койки не заполнились.

— Точно... где я это сделаю?

Он указывает. За стальным столом у входа в столовую сидит парень. Люди тасуются, показывают ему маленькие ламинированные карточки, затем получают подносы и обслуживаются.

Я встаю в очередь. Черт, у меня ноги болят.

— Добрый вечер, — говорит парень за столом, когда я подхожу к нему. — Привет.

— Ты бездомный?

— Э, да.

Он оглядывает меня.

— Вы здесь не зарегистрированы, — говорит он, как будто помнит меня.

— Нет.

— Вы местный житель?

— Неа. Я из Вашингтона.

Он сжимает зубы, как бы говоря "очень жаль для вас".

— Если вы не местный, я могу дать вам место на ночь из вежливости. — Он начинает писать на маленьком кусочке цветного картона, похожем на библиотечную карточку. — Но завтра вам придется идти в другое место.

— А... что это? — Я указываю на символ на вырванном уголке бумаги, приклеенном на столе. Он смотрит вверх, брови приподняты, веки опущены.

— Вы знаете, что это значит?

— Да, это как... жертвоприношение. Отдать себя, вроде того. — Я наклоняюсь и рисую свой собственный символ: защита.

Его лицо становится жестким.

— В таком случае, боюсь, я даже не могу предложить вам ночь вежливости.

Дерьмо. Бездомные герои уже были здесь.

— Отлично. Неважно. Можешь сказать мне, куда делся парень, который это нарисовал?

— Меня это не касается.

— Смотри.

Я кладу руки на стол и позволяю ему увидеть разорванный безымянный палец на моей правой руке. Я наклоняюсь и бросаю на него взгляд. Он хороший, но он и раньше видел взбешенных неудачников.

— У тебя были проблемы, верно? Держу пари, ты даже не знаешь, что это за неприятности. Готов поспорить, ты и не хочешь знать. Ну, если ты не хочешь больше неприятностей, может, тебе лучше побыстрее от меня избавиться. Ты скажешь мне, где он, и я уйду от тебя.

— Эй, вы задерживаете очередь!

Я бросаю такой же взгляд на парня позади меня, и он быстро замолкает.

— Отлично. — Жокей принял решение. — Ищи своего приятеля в лагере Крейзи.

Затем он жестом показывает, чтобы я вышел из очереди.

По пути к выходу я беру пару апельсинов и пирожное на ужин. На меня смотрят грязными взглядами, но никто ничего не говорит.

†††

От бомжей, курящих сигареты у задней двери, я узнаю, где — и что — находится "Лагерь Крейзи". Это практически трущобный городок у старой железнодорожной ветки, в нескольких минутах ходьбы от Марты Самсон. Туда уходят бомжи, которые не могут выжить в приюте. Там есть небольшая тропинка, проторенная через заросли. Я ем апельсины на ходу, вытирая пальцы о пальто. Интересно, кто это будет? Диктатрик? Ганнибал? Они не кажутся мне людьми, которые могут бродить по лесу. Конечно, они много говорили о жертвоприношениях, но я полагаю, что они приносят свои жертвы из какого-нибудь удобного места. Мемфис мог бы в конце концов сесть на корточки. Конечно, не Witness1. Этот трусливый ублюдок должен быть где-то в тепле и уюте, писать об охоте на монстров, пока он охотится за последним "Дорито" в пакете.

Лес заканчивается, и я оказываюсь в лагере Крейзи. Солнце село, и костер в мусорном баке освещает сцену. Пара бомжей сидят на корточках вокруг него, сучатся и передают сороковник. Я чувствую запах солодово-спиртовой блевотины, когда подхожу ближе. Да, вот где место для напитанных, точно.

Большая часть этого места — это просто связанные вместе пластиковые листы и брезент, но есть одна никудышная палатка. Выглядит как армейские излишки времен войны в Корее, но это палатка, и она поставлена правильно, а сбоку ярко-желтой краской нарисована надпись "Бескорыстно". Вот это шутка.

Из него выходит худощавый чернокожий парень, и мне требуется секунда, чтобы узнать этого мудака Трэвиса Миллера.

Босс был прав. Это будет хорошо.

Сейчас я могу сделать его чистым. Он стоит перед огнем, а я в темноте. Он не может меня видеть, если только не использует силу. И зачем ему это? Зачем тратить ангельский сок? Я могу достать этот милый нью-йоркский пистолет и пристрелить его.

Почему бы вам уже не сделать это?

— Привет, Тревис.

Бля, ну вот и все.

Он прыгает. Я пугаю его. Он вглядывается во мрак, а затем его глаза расширяются.

— Джон Коулер? — Он не звучит ни безумно, ни испуганно, ни как-либо еще. Просто очень удивлен.

— Мир тесен, не так ли?

— Как ты здесь оказался?

— О, я всегда заезжаю в лагерь Крейзи, когда путешествую по Огайо.

Я бросаю взгляд на ребят у костра. Они ничего не замечают, ссорятся из-за последнего

глотка помоев. Я могу трахнуть Тревиса прямо перед его палаткой, и они ничего не заметят.

Тревис — проклятый Traveler72 — придвигается ближе ко мне. Он выглядит так, будто сильно ударился и долго скользя. Он худее, выглядит более израненным. Одет в армейскую куртку, дышит на руки, чтобы согреть их, а потом засовывает их в карманы.

— Итак, — говорит он, подходя немного ближе. — Чем ты занимался*

— О, как обычно. Убийство дурака. Ты?

Джон, почему бы тебе не смазать его и не обратиться отсюда? Слушай, сделай его сейчас, и я принесу тебе гребаный денежный перевод.

Миллер смотрит на меня долгим, тяжелым взглядом. Наконец, он принимает какое-то решение.

— Был в Пенсильвании, помогал парню и его группе. Все пошло не так. Теперь я еду на юг. Вы слышали о Driver300? Генри Имс?

— Неа. Может, это было после того, как меня исключили из списка.

Напоминание ничего ему не дает. Идиот.

— Я еду вниз, чтобы попытаться связаться с ним и Педро. Мы попытаемся вернуть ему дочь. У него есть немного денег.

— Которые тебе нужны.

— Ты тоже выглядишь так, будто тебе не помешала бы помощь, Джон. Если только твой "Роллс-Ройс" не припаркован где-то, где я не вижу.

Я хихикаю. Ничего не могу с собой поделаться. Я и забыл, каким забавным может быть этот ублюдок.

— Педро — хороший человек, — говорю я, вспоминая.

— Не было ли за ним какого-то тяжелого клякастого действия?

Тревис на мгновение замолчал.

— Они взяли его семью, — говорит он.

Дерьмо. Педро был одним из хороших. У него голова была на месте, по крайней мере, в некоторых вопросах.

— Это чертовски жаль.

— Я думаю, у всех нас были потери, — говорит он, и по тому, как он это говорит, я вдруг понимаю, что он меня жалеет.

Теперь я в бешенстве. Не успел я опомниться, как пистолет уже в моей руке — нью-йоркский пистолет с компактным глушителем и причудливым лазерным прицелом на спусковой скобе. Он в моей руке, а красная точка на груди Миллера.

Огонь! Сделай это сейчас!

Но я не успеваю, и вдруг он тоже вытаскивает фигуру. Быстрая ничья. Не ожидал такого от коммивояжера.

— Ты понятия не имеешь о моих потерях, придурок. Вы наговорили на меня по всему списку, а потом вы, придурки, отрезали меня и повесили сушиться. Вы знали, что я меченый, но никому из вас не было до этого дела. Никто не помог мне. Вы были слишком заняты сочувствием к какому-то приговоренному к смертной казни, слишком заняты сочувствием к вампирам, ведьмам и гребаным мертвецам. Теперь ты думаешь, что можешь просто раскрыть объятия, и мы снова станем друзьями? Что раз меня не сожрали твари, которым ты меня бросил... то все в порядке?

Браво, Джон. Очень красивая речь. Если бы это был фильм, вы бы получили чертову премию Оскар.

Тревис только грустно посмотрел на меня и сказал:

— Я не знал, что тебе стало так плохо.

Еще больше жалости.

— Слишком мало, слишком поздно, ублюдок.

Он смотрит мне прямо в глаза и опускает руку.

Он разжимает руку, и пистолет свободно болтается у него на пальце.

— Я не собираюсь драться с тобой, Джон. Сделай свой выбор.

Какого хрена?

Убей его! Он морочит тебе голову. Убей его сейчас же!

— Разве это не та часть, где ты говоришь: "Если ты сразишь меня, я стану только сильнее"?

Тревис пожимает плечами.

— Нет. Если ты ударишь меня, я умру. Вот и все.

Я не могу этого сделать. Дерьмо. Я не умею стрелять. Мой палец не двигается.

— Эй, что делаешь?

БАМ!

Миллер падает.

Это один из чертовых алкашей! Он споткнулся, чтобы посмотреть, что происходит, и он.... Черт возьми, он напугал меня, и я убил Миллера. Он убегает в лес, но он пьян и стар, и его нетрудно поймать. Я тоже занимаюсь им. Другой бродяга у костра отключился, но я мог бы с таким же успехом провести чистую уборку.

Нет. Сними с пистолета глушитель и лазерный прицел, хорошенько протри их и вложите ему в руку. Убедись, что на нем есть оба набора отпечатков, на случай, если он левша. Затем проверь вещи Миллера — у

него, вероятно, были деньги, может быть, еда. Возьми его пистолет.

Я слушаю и повинуюсь.

И убедись, что ты убил его одним выстрелом.

†††

Черт. Я должен чувствовать себя прекрасно из-за того, что трачу время впустую, но почему-то я этого не чувствую. Вся эта чушь типа "сделай свой выбор" в конце. Он мне все испортил. Тем не менее, он мертв, а я жив, так что это чего-то стоит.

У Миллера в бумажнике было 42 доллара плюс билет на поезд из Колумбуса в Атланту. Еще лучше, что это спальный вагон, так что я получаю некоторое уединение во время поездки.

Добраться до Колумбуса не так уж и плохо. Из лагеря Сумасшедших я отправляюсь в ночлежку — вот и все за деньги Миллера. На следующий день я нахожу транспортную компанию, говорю им, что помогу разгрузить грузовик в Колумбусе в обмен на поездку и горячую еду. Лучший вид скрытого труда — это полностью неоплачиваемый, так что они спокойно относятся к этому. Тогда это просто обычное дерьмо — поднимите это, положите туда, долго ждите на диске, затем снова возьмите то же самое и переместите его куда-нибудь еще. Водитель грузовика в порядке — не тявкает. Мы говорим друг другу, может быть, дюжину слов, и он высаживает меня на вокзале, когда заканчивает. Я думаю, его зовут Майк.

Именно в поезде я по-настоящему начинаю думать о Миллере и о том, почему все было не так, как я хотел.

Потому что ты перестал злорадствовать, как всегда. Если бы ты просто убил его, когда я сказал, ты был бы сейчас счастлив, как свинья в дерьме.

Может быть. Может, и нет. Кто следующий?

Ты увидишь. Сойди с поезда за одну остановку до Атланты.

Ты уверен, что мы на одном из твоих? Потому что мне не нужно было тело монстра, чтобы победить Миллера.

Без меня ты никогда бы не нашел его, и ты это знаешь.

Да, да... Но когда я смогу заняться большими делами?

О, ты хочешь убить поп-суперзвезду?

Я действительно слышу его смех в своем мозгу. Как будто он работает по моим барабанным перепонкам теркой для сыра.

Джон, в ее дерьме полно таких парней, как ты. Возможно, вам удастся избежать встречи с ее человеческими телохранителями. Двойники не обманут твоё зрение. Но ее кровные рабы, конечно, могли

бы захватить тебя, если бы работали вместе. Если повезет, ты можешь сравниться с любимыми двумя из них. Однако, помимо них, есть добрая сотня вампиров, которые с радостью убьют всех, кого вы когда-либо встречали, чтобы привлечь ее на свою сторону. А по другую сторону от них — и полицейских, которые прибежали бы сюда, — собственная версия "Королевы проклятых" от VH1. Столкнувшись с ней лицом к лицу, у тебя есть два варианта. Ты можешь воспользоваться моим советом и не смотреть, и в этом случае она превратит твой мозг в жвачку, и ты вернешься на круги своя. Или вы можете использовать прицел, и у вас не будет никаких шансов остановить ее, когда она убежит, или найти ее, когда она убежит.

Ты обещал ее мне.

И ты получишь ее, Джон... когда будешь готов. Но тебе понадобится целая вереница помощников и других помощников, и тебе понадобится больше энергии от меня. Что я и получаю, выполняя твои 'темные приказы'.

Как удобно.

Ты понимал условия сделки, когда подписывали контракт. Ты взрослый человек, согласившийся на это.

А как насчет Witness1? Он не рок-звезда. Когда я смогу его убить?

Когда придет время. Конечно, у него нет армии лакеев, но вашим гребаным "Посланникам", похоже, он ужасно нравится. Вам нужно будет подобраться к нему так быстро, чтобы у него не было времени убежать — и поверьте мне, этот трусливый кусок дерьма — эксперт в том, чтобы убегать. К тому же, тебе нужно прижать его с первого раза. В противном случае он будет готов принять вас.

Отлично. Что угодно. Я не настолько крут, чтобы убить какого-то неженатого компьютерного ботаника.

Джон, не дуйся. Это довольно отвратительно для 34-летнего мужчины.

†††

Город, где я выхожу, — это мухобойка на карте. Я удивлен, что здесь вообще есть своя железнодорожная станция. Босс в значительной степени молчалив, а мой денежный запас составляет менее 20 долларов. Пошел он. Пришло время устраиваться на работу.

Я нахожу его в местном магазине семян, кормов и моторного масла. Обычная схема: я разгружаю дерьмо на заднем складе за пять баксов в час под столом, оплата ежедневная. Владелец не знает, что я закрываю дверь открытой и сплю там в первую ночь, или он игнорирует это. Два дня труда, которые эти

киски, обжаренные в Кентукки, вероятно, считают непосильными, и я на сто процентов здоров, не считая некоторых приемов пищи.

Вечером второго дня Босс отсылает меня. Уже смеркается, и я просто иду по этому милому маленькому городку, люди почти не обращают на меня внимания, засунув головы в свои задницы. Босс ведет меня в парк. День не по сезону теплый, и родители используют его по максимуму, спуская своих детей с поводка в последний раз, прежде чем зима застрянет внутри, скулят и смотрят "Аладдина" в миллионный раз.

Блондинка, Джон.

Какая блондинка? Вон там, с коляской? Нет, прямо перед твоим глупым лицом. Маленькая девочка.

— Нет! — Я говорю это громко, но парень даже не смотрит.

Что значит 'нет'? Мы заключили сделку! Один для тебя, один для меня, один для обоих вместе!

Маленькая девочка — это чертовски много.

Что, ты думаешь, что можешь подчиняться, когда тебе этого хочется? Посмотри слово "повиноваться" в словаре, придурок! Пока вы этим занимаетесь, посмотрите "демона" — там, вероятно, упоминается что-то о том, чтобы быть... ты знаешь... зло.

Сделка такова: я помогаю вашим врагам, вы помогаете мне с моими, и мы работаем вместе над общими врагами. Девочка из начальной школы — это не враг.

Ты не знаешь, как она растет. Всего за 10 лет.... Ха-ха.

Я думаю, ты морочишь мне голову. Я не думаю, что вы можете так предсказывать. Я читал в Интернете, что все эти парни, которые могут получить небольшие проблески, говорят, что даже через 10 минут начинают разваливаться на части. Предсказания становятся странными. Детали меняются.

О, теперь ты слушаешь этих идиотов? Джон, сделка есть чертова сделка. У тебя есть Эми в Нью-Йорке. Вместе мы заполучили Трэвиса. Теперь моя очередь, и я выбираю ее!

Она не представляет для тебя угрозы.

И ты думаешь, что та старая сука на вокзале была такой? Знаешь что, Джон? Я солгал о ней. Я солгал о ее детях. У нее две взрослые дочери, и одна из них привезла к ней новорожденного внука. Ты видел смесь для торта в ее продуктах? Она собиралась домой, чтобы испечь им пирог, когда...

Я провожаю его взглядом. Это плохо. Это серьезно хреново.

Я подхожу к маленькой девочке. У нее есть какая-то кукла-кролик, и она расчесывает его уши, как волосы.

— Ты. Маленькая девочка.

Она поднимает глаза и сразу же пугается. Я не удивлен.

— Беги к своей мамочке. Скажи ей, что хочешь пойти в церковь прямо сейчас, ты меня понял? Если вы этого не сделаете, у вас будут настоящие неприятности. Церковь, прямо сейчас! Плачь, пока она не возьмет тебя.

Она просто смотрит.

— Иди сейчас же! — Я протягиваю правую руку, растопыриваю ее, как клешню, позволяя ей увидеть мой искалеченный безымянный палец.

Вот и все. Она сорвалась с места, как на пушечный выстрел, крича и вопя.

Я направляюсь в другую сторону. Я нахожусь на большом расстоянии от железнодорожного или автобусного вокзала, а в таком маленьком городке не так уж много такси, разъезжающих по улицам, но к черту все это. Я уезжаю из города до того, как Босс сможет настроить меня обратно. Я пробегаю около пяти кварталов, по-настоящему сосредоточившись, прежде чем он возвращается.

ПРЕДАТЕЛЬ! УБЛЮДОК! ГОВНОЕД-ПЕДИК, БЛЯДЬ! ТЫ ЗАПЛАТИШЬ ЗА ЭТО, ДЖОН КОУЛЕР!

Святое дерьмо, я чувствую, как он что-то делает со мной, что-то ужасное. Такое чувство, что миллион личинок пожирают мои внутренности изнутри. Он убивает мою голову, мои уши, мои глаза. Я снова включаю прицел, и он снова ослабевает, но у меня все еще кружится голова и я разбит. Я спотыкаюсь за кустами, чтобы поплевать, и вижу церковь, маленькую, похожую на то, что раньше здесь была школа или что-то в этом роде. Я тороплюсь и пытаюсь открыть дверь. Ручка вливается мне в руку — какого хрена? Статическое электричество или гнев Божий? Кто знает? Она заперта, но она деревянная, и мне требуется не больше пары ударов плечом, прежде чем я оказываюсь внутри.

Блин, я чувствую себя дерьмово во всем теле. Язва. Например, когда у тебя немеют ноги. Эта глубокая боль, когда кровообращение возвращается. Только это не мои ноги, это все.

Я избавляюсь от этого зрелища. Ничего.

Я в безопасности на священной земле, но как долго?

Боже, теперь, когда я перестала бегать, я чувствую, как сильно болит мой живот. Это как пищевое отравление. Что мне делать? Я мог бы вернуться, заняться маленькой девочкой, загладить вину перед Боссом.... Нет, к черту это. Ни за что. Есть очередь, и я сделаю кое-какие гадости, но маленькая девочка, которая никогда

ничего не делала ни мне, ни кому-либо еще? Не-а.

Но если я этого не сделаю, что со мной сделает Босс? Он у меня в голове. Я же не могу выгнать его навсегда. И он может причинить мне боль, когда захочет, где бы он ни был. Дистанционное управление. Как долго я смогу сопротивляться этому?

Выхода нет. Ну, может быть, один.

Я достаю пистолет Миллера. Он сказал: "Я умираю. Вот и все." Возможно, он прав. Может, и нет. Может быть, если я обледенею, Босс съест мою душу, завладеет моим трупом, сожжет церковь, найдет маленькую девочку и убьет ее моим чудовищным телом. Но, по крайней мере, тогда это был бы не я.

Я смотрю прямо в ствол.

К черту все это. Почему я должен убивать себя? Это для гребаных неудачников вроде Anonymus52 и того парня из ХХХ. Я и раньше попадал в трудные ситуации. Места похуже этого. Я был на лодке и выбрался живым. Эта история со складом, из-за которой Миллер был так упрям. Конечно, Билли слишком остро отреагировал, но мы прошли через кое-какое неприятное дерьмо. Я тоже выбрался оттуда живым.

Аннабель. Я сбежал от нее.

Так что, может быть, Босс убьет меня. Ну и что? Невелика потеря. Даже для меня. Но это будет одна грязная работа, которую ему придется делать самому.

Черт, кто-то идет!

— Привет, здесь есть кто-нибудь?

Черт возьми, это священник. Я натягиваю шарф на нос, прежде чем он включает свет. Когда он видит пистолет, его руки взлетают ко рту, как у старой леди.

— Не двигайся!

— Все в порядке, сынок, все в порядке, все в порядке!

Он что-то бормочет.

— У вас есть машина, падре?

— Ага!

Ответь на мои молитвы.

— Хорошо, положи ключи вон на ту скамью, и ты выйдешь живым. Хорошо. Встать на колени. Как будто ты молишься, верно.

— Юноша, ты не должен...

— Отец, все в порядке. Я действительно так думаю. Просто помолчи сейчас, хорошо?

Он стоит ко мне спиной, и я обматываю шарф вокруг его шеи.

Он немного бьется и царапается, но ничего страшного.

Когда он выходит, я проверяю его. Синяков нет, все еще дышит. Идеальный. Он не видел моего лица. Все в порядке.

С прицелом на прицеле "Шевроле" падре доставляет меня на железнодорожную станцию. Я оставляю ключи запертыми внутри. Мои хорошо заработанные деньги на семена и корм позволяют мне сесть на следующий поезд, который, как оказалось, идет в Монтгомери, штат Алабама. Это довольно забавно. Священник не может этого знать, но просто своим присутствием он, вероятно, спас мою жизнь и жизнь той маленькой девочки. Хотел бы я сказать ему.

†††

Джон Коулер.

Дерьмо! Я рывком просыпаюсь. Это Босс.

Флорида — это ваш пункт назначения.

Какого хрена?

Флорида — это ваш пункт назначения.

Босс звучит странно — до боли громко. Это снова время головной боли — но в то же время очень плоское, бесцветное. Вроде как Посланники в тот самый первый раз. Это какой-то трюк?

Ты не введен в заблуждение. Флорида — это ваш пункт назначения. Острие штыка.

Ты не злишься из-за маленькой девочки?

Опасность ждет.

У тебя какие-то... неприятности?

Флорида — это ваш пункт назначения.

А если я не хочу?

Блин! Это снова черви в моих кишках, пожирающие меня заживо, прогрызающие себе путь наружу.

Есть два способа служить.

Черт, ты высказал свою точку зрения. Но как, черт возьми, я должен туда попасть?

Чед Нил. Нужны крылья...

Очень странно. Это его голос, но слабый или рассеянный. Я его подслушиваю? Является ли Чед Нил еще одним из его инструментов?

...подготовьте путь. Аэропорт Монтгомери — это путь к успеху!

Дерьмо! Босс кричит у меня в голове! Надо его разглядеть!

Так-то лучше. Блин, что это, черт возьми, было? Я никогда раньше не слышал такого Босса!

Как будто он едва мог говорить, а обычно он такой умник. Я не знаю. Это было почти как во сне, или когда ты проработал 20 часов подряд и больше не можешь думать словами, но ты все еще можешь работать, ты можешь работать почти лучше — эта странная стеклянная ясность. Босс ходил во сне? Было ли это подделкой? Или

все эти умные штучки — подделка, и он действительно такой все время?

Похоже, ему нужна моя помощь. Хочет, чтобы я улетел куда-нибудь из Монтгомери и отправился в Байонет-Пойнт. И что делать? Что я могу сделать с чем-то, что может угрожать никчемному демону из ада?

†††

Джон.

Босс?

Извини за возникшую ранее путаницу.

Что, черт возьми, произошло? Ты все еще хочешь, чтобы я поехал во Флориду?

Да, я думаю, что это хорошая идея.

Кого-то, кого я должен убить?

Слишком поздно. Ущерб в основном уже нанесен. Тем не менее, я бы хотел, чтобы вы осмотрели дом Тины Кребб. Это может быть познавательно для меня... и для вас.

Тогда это считается моей частью сделки.

О, не будь смешным. Ты все еще должен мне убийство, но обстоятельства изменились. Ты не станешь такой легкой мишенью, как молодая девушка.

Хорошо.

Я все еще разочарован тем, что ты сопротивлялся мне, Джон. Это было отвлекающим маневром. Один из моих врагов воспользовался этим и добрался до Тины. Так что в том, что с ней случилось, ты виноват. Запомни это.

†††

Дом Креббса — плохая сцена. Не в обычном смысле — она не вывернута наизнанку или что-то в этом роде. Она просто сумасшедшая, больная и слишком старается угодить.

Она старая кошелка. Встречает меня у двери со страхом в глазах и кровью, текущей из носа. Она даже не замечает, насколько я облажался, в отличие от любого другого придурка-зевачи между Флоридой и Алабамой. Когда босс взбесился, у меня на голове лопнула куча кровеносных сосудов — глаза, уши, нос. Я выгляжу как налитый кровью пьяница с солнечным ожогом.

Креббсу было все равно. Она спрашивает, не Джон ли я Коулер, и когда я отвечаю, что да, она протягивает мне банковский конверт. В нем полно 50 долларов.

Пока я считаю, она убегает в ванную, и ее рвет. Когда она возвращается, у нее на губах немного крови.

— Я не хотел предавать Вассаго. Я люблю его...

Я вздрагиваю. Черт возьми— мне не нравится слышать имя Босса вслух. Хотя, похоже, ей все равно. Она что-то бормочет.

— Я больше никогда этого не сделаю. Никогда больше. Никогда больше. Никогда, никогда.

Десять тысяч баксов! Это меньший пакет, чем вы могли бы подумать. Но это выглядит чертовски дорого, когда я кладу его в свой бумажник.

— Ключи. Ключи от машины. Они для тебя. Они на кухонном столе. Вассаго сказал отдать тебе ключи от машины. Я люблю Вассаго. И мои драгоценности. Они должны быть у тебя... даже мое обручальное кольцо. Так сказал Вассаго. Я люблю его.

Видишь, что происходит, когда ты переходишь мне дорогу, Джон?

Что ты с ней сделал?

Ничего сложного. Я кричу в ее голове прямо сейчас. Точно так же, как я был последние, хммм, 48 часов. К тому же я ее смертельно высасывал — ощущение "личинки в животе", которое было у тебя раньше.

Тогда ты убиваешь ее.

О нет. Я буду держать ее на грани смерти в течение многих лет. Я дам ей немного прийти в себя — может быть, даже позволю ей думать, что я был наваждением и что она вылечилась. Потом, когда ее душа немного окрепнет, я съем еще один кусок. То же самое и с телом. Это не так приятно, как осушить ее досуха одним восхитительным глотком, но в конечном итоге общий выход намного выше.

И это то, чего я могу ожидать?

Ты другой. Ваши "Посланники"... вложи что-нибудь в себя. Или вернули то, что они забрали давным-давно. Они не думали, что такие существа, как я, смогут пройти через проделанное ими отверстие. Но они, вероятно, тоже не думали, что ты пригласишь нас войти.

†††

У Тины был дрянной старый универсал, но это лучше, чем ничего. Ее драгоценности были довольно невпечатляющими. Стоит около 800 долларов в местном ломбарде. Так что я сижу спокойно, с точки зрения наличности. Босс сказал мне, что пора отправляться на север, в Вашингтон, округ Колумбия, это долгий путь — 17 часов плюс-минус. Я делаю это в шесть часов дня, а остальное — послезавтра. Я даже не возражаю. Это расслабляет. В ту ночь я сплю на заднем сиденье универсала. Я взял несколько подушек у Тины после того, как позвонил ей в nuthatch, и купил очень хороший спальный мешок в Target. Уютный. Я даже не выдержал и

купил несколько ребрышек для барбекю в Теннесси.

Прямо сейчас я включил прицел, чтобы думать о всякой всячине. Я надеюсь, что Босс не заметит. Он почти не разговаривал со мной, а когда разговаривал, то снова казался каким-то не в себе. Не очень плохой, но... рассеянный. Так что, возможно, сейчас мое время подумать.

Креббс много болтала о своих драгоценностях. Сказала что-то о серьге, о том, что она защищала ее в течение многих лет. Почему только один? Разве она не сказала бы 'серьги'?

Кроме того, когда я был с... с ней, прежде чем я освободился.... Когда я начал слышать Босса? Трудно вспомнить, но я думаю, что это было после той сучки с бриллиантовым ожерельем. Это довольно туманно... не хочу вспоминать... но да. На самом деле, я думаю, что это гребаное ожерелье касалось меня, когда он заговорил в первый раз.

Значит, есть какая-то связь с ювелирными изделиями. И у Креббс больше не было ее серьги. Может быть, этот враг Босса украл его или сломал? Черт, я не могу разобраться в этом дерьме.

Что ж, по крайней мере, меня больше нет в этом чертовом списке. Если бы я разместил это там, у меня было бы больше дерьмовых предположений, чем я знал бы, что с ними делать.

†††

Парень, который встречает меня в Вашингтоне, — еще один старый ублюдок. Похоже, он уклонился от призыва в армию во время войны 1812 года. Босс указал мне дорогу к его двери. Довольно милое местечко в Джорджтауне.

— Так вы тот... специалист... которого прислал наш "общий друг"?

К черту разговоры задом наперед.

— Я Джон Коулер, если вы об этом спрашиваете. Могу я войти?

— Конечно, конечно. Я доктор Майлз Фиске. Я просто рад, что вы прибыли сюда вовремя, в то время как... — он внезапно останавливается и вздрагивает. На его лице появляется испуганное выражение. — Э-э, не бери в голову.

— Босс разговаривает с тобой?

— Нет, вовсе нет. — Он отводит взгляд. — Могу я предложить тебе, эм...

Когда он поворачивается ко мне спиной, я даю ему хороший сильный удар по затылку. Открытая ладонь, ничего особенного. Не настолько, чтобы оставить синяк, но он спотыкается и отскакивает от стены.

— Не лги, ладно?

Он бросает на меня такой взгляд. Он в равной степени напуган, взбешен и полон отвращения,

как будто его собственное дерьмо выпрыгнуло из унитаза и укусило его. Я просто смеюсь.

Оставь его в покое, Джон. Он на нашей стороне.

Ты имеешь в виду, на твоей стороне.

Он миллионер, Джон. Он мог бы тебя вылечить, если бы ты ему позволил.

— Слушай, Фиске, босс говорит, что тебе нужно кого-то убить, и я подхожу для этой работы, но не думай, что ты можешь дергать меня за цепь, хорошо?

— Я не... дело не в том, что мне нужен... убийца.

— Тогда что тебе нужно? И никакого дерьма.

У него снова этот испуганный, нервный взгляд. Закусывает губу и вытирает лицо. Должно быть, что-то слышит от Босса.

— Очень хорошо, — говорит он, — пожалуйста, пойдем со мной.

Мы переходим из одной комнаты, полной книг и антиквариата, в другую комнату, полную книг и антиквариата, и он тянет за угол книжной полки. Она выдвигается вперед, открывая сейф со всевозможными электронными прибабасами. Я отличаю транзистор от конденсатора, но понятия не имею, что это такое, пока он не сует палец в маленькую манжету. Затем он смотрит в прикрепленную пару линз, похожих на бинокль.

Какие-то придурки в Интернете говорили о подобном дерьме. Отпечатки пальцев и сканеры сетчатки. Дерьмо, чтобы сохранить ваши вкусы в безопасности. Как только он их выключил, он набирает комбинацию и достает самое причудливое гребаное ожерелье, которое я когда-либо видел.

— Это реально?

— Интересный вопрос, — говорит он с легкой ухмылкой. О, здорово. Он умен. — Бриллианты — настоящие бриллианты, добытые за большие деньги нашим общим покровителем. Центральный голубой бриллиант весом около 45 карат имеет следы бора, которые вспыхивают красным в ультрафиолетовом свете. В этом смысле это "реально". Но он не был добыт в Голконде, Индия, и в нем нет большей части души Вассага, Принца Демонов.

Я просто смотрю на него мгновение.

— Хм?

Он закатывает глаза, и мне очень хочется ударить его еще раз. Он, вероятно, может сказать, потому что говорит:

— Неважно. Это точная копия другого ожерелья, сделанного из настоящих драгоценных камней. Мне просто нужно поменять другую на эту.

— Потому что в другом ожерелье есть Босс?

— Часть его.

Я пожимаю плечами.

— Зачем тебе нужна моя помощь? Я не гребаный грабитель.

— Я не ожидаю проблем с обменом, — говорит он, но выглядит нервным. Я предполагаю, что он полз к этому в течение многих лет, и босс внезапно сдвинул график после Креббса.

— Видите ли, я куратор Анненберг-Хукер-холла — именно там выставлен настоящий бриллиант. Ты здесь просто для того, чтобы...

ИДИ СЕЙЧАС ЖЕ!

Мы оба вздрагиваем одновременно. Босс, похоже, разозлился. И напуган.

†††

Джон, все, что мне нужно, чтобы ты сделал, это не дал Майлзу умереть до заката. Сейчас он отвезет тебя в Смитсоновский институт... Майлз, жми на газ!

Снова подслушивание... И Майлз проскакивает на своем "Бентли" на красный свет. Сигналит. Визги. Он только что чуть не убил какого-то бедного велосипедного курьера.

Оставь пистолет здесь. Это не поможет.

Мы паркуемся незаконно, и Майлз пыхтит, как паровоз, мчась через Торговый центр к двери. Я легко могу идти в ногу и не вижу никакого смысла опережать его.

За прилавком стоит женщина. Она смотрит на него немного встревоженно, когда он ахает, глядя на нее.

— Посетитель... здесь... нужен... значок.

Он очень побледнел — его губы почти посинели. Он указывает на меня.

— Какого рода?...

— Геолог! — Он вздрагивает, и в моей голове я слышу эхо того, как Босс говорит ему уйти от меня. — Надо идти! — Он, спотыкаясь, идет к лестнице.

Я смотрю на нее и пожимаю плечами.

— Я присоединюсь к нему через минуту.

— С ним все в порядке?

— Я думаю, что ему нужно найти кра... э-э, туалет.

Она хихикает, выглядит смущенной, затем спрашивает мое имя. В этот момент включается громкоговоритель, и вежливый голос сообщает, что музей закрывается через пять минут.

Оставайся здесь, Джон. Я думаю, он входит через парадную дверь.

Кто? Должен ли я надеть зрение?

Тебе не понадобится рение.

Это звучит не очень многообещающе.

Я держусь позади мамонта под открытым балконом, наблюдая за входной дверью, когда люди выходят. Я снимаю пальто и вешаю его на руку.

Послушайте, босс, если этот парень не появится, это будет считаться...

Он появится.

— Музей сейчас закрыт, — снова говорит громкоговоритель. Я должен быть расслаблен. Я имею в виду, что в этом месте, должно быть, безопасность на уровне инь-ян, и в кои-то веки я на хорошей стороне этого. Но вместо этого я начинаю нервничать еще больше.

— Прошу прощения, сэр...

Я слышу это от охранника внизу, у дверей.

Это он.

Он маленький парень, тощий, черный, как восьмерка, и такой же лысый. Сколько времени понадобится Фиске?

Просто задержи его на минуту, Джон.

Это считается моим следующим убийством для тебя?

Конечно, если ты выживешь.

Чернокожий парень практически игнорирует двух охранников у двери, проходя прямо мимо них в музей. Их это не очень волнует. Один хватает его за плечо, другой тянется к чему-то на ремне передач.

Срань господня!

Я не уверен, что лысый только что сделал — какое-то гребаное движение Брюса Ли, и внезапно двое охранников повержены.

Он держит... что у него в руках? Похоже на бильярдный кий с ножом на конце, только это... на самом деле его там нет... он просто появился из ниоткуда, как тень.

Берегись, Джон. Это освобождающий инструмент.

Что?

Он отсекает души от тел.

Он идет прямо на меня. Я бросаю в него свое пальто и делаю резкий выпад влево.

Джон! Не позволяй ему пройти мимо тебя!

— Отвали! — кричу я и использую на нем ответный удар.

Работает отлично. Он получает удивленный взгляд и отлетает назад, как будто он на проводе. Это угол...? Да! Прямо в чертов гардероб.

Я чувствую, как он проверяет стену. Удачи. Мне просто нужно попасть туда, где он не сможет стрелять в меня из пистолета — может быть, за мамонта.

— Что здесь происходит?

Еще трое наемных копов спускаются по лестнице.

Они смотрят на павших охранников у входной двери.

— Я не знаю! Какой-то парень что-то сделал с этими парнями, и теперь он в... э-э-э... клетке!

Они сбиваются в кучу, бормочут, а затем прорываются к двери, за которой прячется парень. Пока все идет хорошо. Он застрял, ему нужно с ними разобраться. Сколько еще осталось на Мили?

У него возникли кое-какие проблемы.

Дерьмо! Он проходит!

Черный чувак выходит из раздевалки, и он переделался. Он выглядит семи футов ростом, и он покрыт тенями и каким-то тусклым красным огнем, похожим на сердитый красный цвет, который появляется, когда костер почти догорел. Он светится по краям и суставам, а также на кончиках своих рваных, темных крыльев.

Охранники открывают огонь, и я кричу:

— Вассаго!

К тому времени, как я переодеваюсь, трое резиновых стрелков валяются с ног.

Ты должен отвлечь его! Остановите его, или он просто подлетит к Майлзу и убьет его!

— Эй! Иди сюда, ты, большой хрен!

Я не могу придумать ничего лучше, но я использую на нем ангельскую приманку, и это, по крайней мере, привлекает его внимание.

Дай мне поговорить с ним.

— Уизэль! Самый могущественный из Убийц и самый презираемый!

Я и не знал, что Босс может говорить через мое горло. Это останавливает теневого монстра. Он выглядит взбешенным и указывает на меня своей жатвой.

— Я НИКОГДА НЕ БЫЛ ПРОКЛЯТ ЭТИМ ТИТУЛОМ, ДЬЯВОЛ. Я НИКОГДА НЕ ПОГРЯЗАЛ В ГРЯЗИ ПРЕДАТЕЛЬСТВА.

Он немного ближе.

— И все же, тем не менее, вы были осуждены. Как ты думаешь, сможешь ли ты долго продержаться, раздавленный яростью Ада и презрением Небес?

— Уничтожив тебя, я совершу работу НЕБЕС!

Я знаю такие строки. Это то дерьмо, которое ты говоришь перед тем, как начать бить. Конечно же, он делает выпад и размахивает своей палкой, подталкивая себя крыльями. Но я готов. Он не единственный, у кого есть крылья.

Неважно, бильярдный это кий или "освобождающий инструмент", вы должны

подойти поближе, чтобы он не качался. Мне удается ухватиться за древко, прежде чем он успевает порезать меня. Блин, эта штука как лед! Мои руки немеют от одного прикосновения к нему. Его крылья окружают меня, и я чувствую тошноту, головокружение, слабость, но

Я опускаю одну руку к его руке, где он сжимает трость. Я не использую дьявольские крючки, я использую метку ангела.

— Гори, ублюдок!

Он кричит — от гнева и боли — и сильно толкает меня назад. Я вижу, как метка погружается в его руку. Такого я раньше не видел, символ проникает прямо в него. Его пальцы, пламя и тень, отрываются и падают на пол.

Он взмахивает палкой одной рукой, и я пригибаюсь, но чувствую, как ледяное оцепенение режет мои крылья, крылья, которые на самом деле не мои...

...и на мгновение я снова на лодке, дождь льет как из ведра, а волчи когти царапают мои ноги.

Он у Майлза! Он вышел! Убирайся, Джон!

— Назад!

Я снова кричу, и снова его отбрасывает в сторону, но на ходу он делает последний замах. Это прямо у меня в груди, холод, от которого перехватывает дыхание....

...и я с одним из "гостей" Аннабель, стою на четвереньках и плачу от стыда, плачу от радости. Он позади меня, его клыки вонзились мне в шею. Он так много на себя берет. Я чувствую, что умираю, и все это того стоит....

Когда я опускаю взгляд, кровь застывает на чистых краях среза.

Я отшатываюсь назад и падаю на задницу. Мне нужно идти. Еще одно попадание этой штуки, и я мертв. Я хватаю свое пальто, поворачиваюсь к выходу и изо всех сил набрасываюсь на него. Я делаю один хороший взмах крыльями для скорости, прежде чем позволить им исчезнуть. Я вижу мигающие огни впереди и натягиваю пальто, пряча разорванную рубашку сзади. Моя передняя часть покрыта кровью. Я поднимаю руки и кричу: "Не стреляйте!", Когда выхожу, спотыкаясь, перед добрыми 20 копами.

Черт, что это была за штука?

Это был Жнец Душ.

†††

Я подъезжаю к Цинциннати. Выбраться из Вашингтона было нелегко, но не так уж и плохо. Когда они увидели рану у меня на груди, они отвезли меня в больницу. Я пробормотал какую-то историю о черном парне с большим ножом. Охранники в конце концов пришли в себя, и пресса выпустила какую-то историю о

усыпляющем газе, одиноком психе с ножом в Смитсоновском институте и бла-бла-бла-бла.

Я сбежал из больницы гораздо раньше, чем они думали, что я смогу — эта гребаная палка смерти вонзилась мне в грудь на дюйм глубже. Еще немного глубже, и он пронзил бы мое сердце насквозь. Но то, что я был в форме Босса и использовал "здоровье ангела", достаточно укрепило меня, так что они не ожидали, что я даже проснусь, не говоря уже о том, чтобы быть мобильным.

Теперь я еду в Цинциннати, чтобы выбросить клык.

Знаешь, что тебе следует сделать, Джон?

Что мне делать, босс?

Ты должен использовать эту приманку, позволить ей вернуть тебя к себе, начать трахать ее, а потом — бах! — наденьте тело монстра.

Да ладно тебе.

Что? Ты знаешь, что хочешь этого.

Я не хочу трахать какую-то мертвую тварь.

Джонни, тебе меня не одурачить. Нет ничего, чего бы ты хотел больше, чем убить вампира, трахнув ее.

Нет!

Почему бы и нет?

Дело не в... этом. Я просто хочу, чтобы злые ублюдки ушли, вот и все.

Ты в это не веришь, и я тоже. Если бы ты это сделал, ты бы остался на одном месте и все вычистил.

Я попробовал это сделать. Это просто привлекло больше внимания.

Почему же тогда ты никогда не зажигаешься желанием убивать уродов?

Ты никогда не подводишь меня к уродливым вещам.

Ты ошибаешься во мне. Меня не интересует, каких вампиров вы убиваете, но я прилагаю усилия, чтобы дать вам жертв, которые вам понравятся. Можете ли вы это отрицать?

Я знаю, что ты пытаешься сделать. Ты хочешь смешать секс и насилие в моей голове.

Джон, для этого уже слишком поздно.

Я не собираюсь совать свой член в еще одну мертвую тварь. Это окончательно.

†††

Поскольку Босс так разозлился, я должен найти другой способ. Он ведет меня по Цинциннати, и я вижу ее — на этот раз рыжеволосую. Обтягивающие виниловые брюки и байкерские ботинки. Блестящая красная

рубашка, которая выглядит нарисованной аэрозолем на поистине потрясающей вешалке.

Ты не можешь победить ее в честном бою, Джон. Нет, если только ты не доберешься до нее. Многим фангам наплевать на секс, но она одна из немногих, кто испытывает ностальгию. И она не прикусит язык до тех пор, пока не напомнит себе, что на самом деле больше не может кончать. Боже, на кого это похоже?

Я игнорирую его, потому что я видел кое-что еще. Это постер группы, играющей в кафе-баре. Группа называется "The Shakes", и прямо в середине ее находится накачанный тег angel. 'Месь'. Может быть, это как раз то, что мне нужно.

Я захожу внутрь.

Коктейли действительно отстой. Они делают кавер-версию "Master of Puppets" с гораздо большим объемом, чем талантом. Им должно быть стыдно. Я понимаю, почему они играют в кафе-баре — самому старшему на вид не может быть больше 18 лет. Он пытается отрастить бороду, а она вся жидкая и клочковатая.

Я беру чашку чая, закуриваю, пишу на салфетке фигурку ангела и жду, пока шум прекратится. Когда они начинают прощаться, я включаю прицел. Не знаю, скроет ли это Босса от них или нет, и хватит ли у них вообще ума проверить меня. Если они типичны, то, как только они увидят фигурку-палку, они не будут беспокоиться о том, чтобы посмотреть на меня. Они будут слишком рады найти 'родственную душу'.

— Прошу прощения.

Я хлопаю гитариста по плечу. Он поворачивается и смотрит на меня.

— Ты нарисовал плакат?

— Нет, это был Стив.

Он отворачивается. Я кладу руку ему на плечо и поворачиваю его обратно.

— Стив?

Он пытается вырваться из моей хватки, но не может. Показывает большим пальцем на барабанщика.

— Спасибо.

Он бормочет мне "мудак", но вокруг слишком много людей, чтобы отвести его в школу. Кроме того, он просто какой-то придурок.

— Стив?

Он поворачивается. Я показываю ему салфетку. Его лицо загорается. Типичный.

†††

— Нас было двое, плюс Дик и Дрифтер, — говорит Стив. Я со Стивом и басистом из the Shakes, парнем по имени Робби. Робби выглядит лет на 15. Стив живет в переоборудованной квартире над гаражом своих родителей.

Мы пьем дешевое пиво и раздаем по кругу какую-то очень слабую травку. Я говорю им, что меня зовут Шон Боулер. Похоже, у них был типичный опыт обращения. Увидел что-то уродливое. Испугался. Нажился на этом. Половина из них погибла, разбирая его.

Стив вдаётся в любовные подробности. Я как бы отключаюсь от него. Слышал эту историю слишком много раз. Перечитывайте это снова и снова в Интернете.

— Повезло, что у меня в грузовике был дробовик, — говорит он. — Ты охотишься?

— Да. Олень, фазан, дикая индейка... что-то в этом роде.

— Чувак, я бы действительно съел немного колбасы из оленины. Раньше я охотился за этим дерьмом в штате Вашингтон.

— Я думаю, у нас есть немного! Робби, сходи посмотри, есть ли в морозилке оленья колбаса.

Робби просто смотрит на мою руку, когда я беру у него бонг.

— Как ты потерял палец? Это было что-то вроде монстра?

— Да.

На самом деле это был рыболовный крючок, но я не собираюсь рассказывать эту историю Бивису и Баттхеду.

— Робби? Колбаса? Например, сегодня?

Парень убегает.

— Итак, Шон. Как ты оказался в Цинциннати? — спрашивает Стив. Я готов к этому.

— Я был в Нью-Йорке и убил эту клыкастую сучку по имени Эми. У нее в сумочке было письмо от другой здешней женщины по имени Марисоль Влачек.

Я узнал это имя от Босса.

— А... "клык"?

Блины.

— Вампир, Стив. Да, они настоящие.

Робби вернулся с колбасой, и я начинаю пускать слюни, пока готовлю ее.

— Чувак, давненько мы не виделись. Обычно я не ем мяса.

— Хм?

Робби смотрит на меня так, словно я сказал:

— Обычно я не дышу воздухом.

— Я получил пробуждение в Сизтле вместе с некоторыми моими приятелями. Один из них работал на консервном заводе, потрошил рыбу. Он заметил мертвое существо, работающее на холодном полу. Ни хрена себе, ходячий мертвец, стгнивший зомби, упаковывающий рыбу! Я имею в виду, кто знает, что он в них вливал, понимаешь? С тех пор я держусь подальше от обработанного мяса.

— Отвратительно.

— Угу. — Я делаю еще один глоток бонга и кашляю.

Жесткая, дерьмовая трава.

— У нас здесь не так много экшена, — говорит Стив.

Он на самом деле звучит задумчиво.

— Ты смотрел?

— Да!

— Как?

— Всякий раз, когда мы делаем шоу! Мы всегда следим за тем, чтобы сканировать аудиторию.

Я просто смеюсь.

— Да, потому что гребаным злым мертвецам нечем заняться, кроме как тусоваться в молочных барах, слушая гаражные группы.

— Эй! Мы не...

— Слушай, вампирам нужны жертвы. Люди, по которым не будут скучать. Они не собираются идти куда-нибудь в теплое и дружелюбное место. Они ищут бродяг, проституток, бомжей. Или более смелые, заносчивые сучки, которые думают, что они слишком хороши для этого дерьма... они охотятся за одиночками, неженатыми типами. Завсегдатаи баров, визажисты и проститутки на одну ночь. Ты знаешь? Кого-то, кого они могут подцепить, трахнуть, отсосать и бросить, не беспокоясь о том, что жена или мамочка сразу же вызовут полицию. Кто-то, у кого нет большого количества близких друзей. Кто-то, к кому они могут прицепиться и постепенно захватить власть полностью.

Джон, у тебя подгорает сосиска.

— Черт.

Я снимаю его с огня и жду, пока она остынет. Это все равно вкусно.

†††

Я какое-то время болтаю с деревенщиной, потом снимаю номер в отеле и заваливаюсь спать. Следующий день я просто отдыхаю, заказываю еду в номер, смотрю кабельное телевидение и устанавливаю лазерный прицел и глушитель на пистолет Миллера. Черт, как хорошо иметь немного денег! Сейчас субботний день. Мы в моей комнате курим еще травки, прежде чем отправиться на поиски Марисоль. Я не думаю, что это вообще повредит мне, а не тому дерьмовому материалу, который у них есть. Это просто снимет напряжение.

Я чувствую себя довольно хорошо, поэтому я рассказываю Робби правду о своем пальце.

— Да, я подшучивал над тобой насчет монстра. Я был на рыбацкой лодке, насаживал кету на леску. Гребаный крюк вонзился мне

прямо в палец, примерно у первой костяшки, и оторвал его целиком. Но мне повезло.

— Как ты думаешь?

— Черт, если бы он прошел через мою руку или руку, леска могла бы стащить меня прямо с лодки. Это не такая уж редкость. Парни умирают так постоянно. В одну минуту ты вытаскиваешь из своего черепа крючки для наживки, а в следующую ты уже в 50 футах позади лодки и в 20 футах под водой, когда тебя тащит крючок в твоей плоти.

— Так тебе обязательно было входить?

Я пожимаю плечами.

— Зачем? Палец был на дне моря. Парень на борту зашил культу, мы хорошенько ее перевязали, и я продолжал работать.

— Ни за что!

— Я не шучу! Черт, это было начало путешествия! Они ни за что не собирались разворачиваться и возвращаться только для того, чтобы немного порезаться. Это все равно что выбросить 20 тысяч в унитаз. Медперсонал не собирается вылетать из-за чего-то столь незначительного. Кроме того, если бы мы вошли, мне пришлось бы заплатить врачу, чтобы он сделал то же самое, что они сделали на лодке, и я бы потерял свою долю прибыли. И после этого никто не взял бы меня на работу, если бы стало известно, как я сбежал.

Я знаю, что начинаю бредить, но мне насрать. Я задираю штанину, чтобы показать им семидюймовый шрам.

— Так вот, за это меня доставили по воздуху.

— Срань господня!

— Рыба-меч хорошо разделяет тебя. К тому же, он заразился. Вырезки из рыбы-меч всегда подходят. Я подумал, что это будет моя последняя поездка. Деньги были хорошие, но давай. Чтобы долго с этим мириться, нужно по-настоящему любить море, а я нет. Я перестал ловить рыбу, устроился на верфь, занимался сваркой и двигателями, кое-какими электрическими работами — общими такелажными работами. Но в конце концов я снова оказался на рыбацкой лодке.

— Значит, у тебя нет никаких шрамов от монстров? — Маленькая капелька звучит разочарованно.

— Нет. Меня много раз сильно ранили, но теперь я исцеляюсь без шрамов. Странно, да?

— Хм.

Стивен звучит неубедительно. Пошел он.

— Итак, у тебя есть адрес вампира, которого мы ищем? — спрашивает он.

— Я знаю, но ты действительно хочешь пойти за ней в ее дом ночью? Это просто глупость на глупости.

— О, да?

— Послушайте, домашние убийства могут сработать — если вы идете туда днем и знаете, что делаете. Ты можешь достать их, пока они вялые и растерянные, и позволить солнечному свету сделать свою работу. Но ночью? Бодрствующий вампир достаточно силен и без того, чтобы находиться на своей территории. Обычно вампир тоже хочет защитить свой дом — вооруженная охрана, растяжки. Черт возьми, некоторые из них наполняют свои дома дерьмом вроде зарина. Им не больно, им не нужно дышать.

— Звучит так, как будто кто-то немного напуган. — Этот маленький член убивает мой кайф.

— А ты нет? — Я спрашиваю.

— Хех, типа “я не боюсь никаких призраков и прочего дерьма”, — хихикает Робби. Стив игнорирует его.

— Черт, нет. Вампиры — я просто всажу одному в сердце из своего арбалета. Кол в сердце убивает их, верно? — Он наставляет на меня палец, как пистолет.

— Бах.

— Это не так просто, — говорю я.

— Давай, Боулер. Сколько “клыков” ты на самом деле убил?

— Много.

— Конечно, но они не оставили никаких шрамов, когда причинили тебе боль. Это довольно удобно.

Я встаю, и у него есть достаточно времени, чтобы опустить челюсть и выглядеть глупо, прежде чем я хватаю его за воротник куртки из искусственной кожи. Тощий панк достаточно легкий, чтобы я мог поднять его одной рукой и прижать к стене.

— Легго!

Я даю ему пощечину. Робби говорит: “Привет”, встает и выглядит неуверенно. Гребаные дилетанты. Я вытаскиваю пистолет и прицеливаюсь в красную точку на груди Робби.

— Бах. Ты мертв.

Я приставляю дуло к подбородку Стива.

— Ты тоже. Передай от меня “привет” Богу.

Я отступаю назад, позволяю ему упасть и опускаю пистолет.

— Я не так быстр, как вампир, и я не так силен, и вы, два придурка, ни хрена не имеете против меня. Пистолет пугает тебя? Многим вампирам они не нужны. Может, ты и не совсем никчемный, потому что тебе, по крайней мере, позвонили, но не думай, что это будет легко, и не думай, что это будет весело. Итак, кто проголосует за то, чтобы сделать это по-моему?

Блин, но она хорошенькая.

Марисоль Влачек владеет галереей — не похожей на музей, но полной этого странного современного дерьма. Место для людей, которые носят черные водолазки, пьют вино и ходят в 'кино' вместо кино. Место для мошенников. Идеальное место для чертова клыка.

Мы обнюхивали окрестности до захода солнца, но любой из нас торчал бы внутри, как больной палец. Итак, я купил Стиву одежду, которая была достаточно пидорской, чтобы влезть в нее, и сказал ему идти с закрытым ртом и открытыми глазами. Сейчас я сижу в баре через дорогу и потягиваю пиво.

Робби в книжном магазине по соседству. Стив зашел внутрь примерно 10 минут назад.

Витрины бара матовые и причудливые, но я могу выглянуть за их края. В галерее большие витрины со странными картинами — дерьмо с приклеенными волосами, мехом и кусочками кожи. Между картинами бродят подделки, отравляющиеся газом, Марисоль курсирует между ними в облегающем зеленом платье.

Знаешь, оно подходит к ее глазам.

Мне насрать.

Рыжие волосы и зеленые глаза — предположительно, сочетание, наиболее излюбленное дьяволом.

Я мельком вижу Стива между картинами. Он один, озирается по сторонам, выглядит потеряннм. Бедный ублюдок. Просто не привлекай к себе внимания, малыш. Веди себя спокойно. Не принимайте это близко к сердцу.

Что этот тупой ублюдок делает?

Блин, он там уже 10 минут, и кто-то смотрит на него косым взглядом. Кто-то большой.

Это Эдуард Манольо, один из кровных рабов Марисоль.

Стив теряет самообладание. О, черт возьми, он кричит и показывает пальцем, и люди начинают плясать. Стив, не говори этого. Не делай этого, Стив. Она все еще может подумать, что ты просто обычный мудака, и вышвырнуть тебя вон....

Теперь Робби стоит перед окном, загораживая мне обзор, и жестом просит меня выйти. Я мотаю головой, чтобы он пошевелился, но он этого не понимает. Идиот.

А вот и полицейская машина. Ух ты, какая быстрая реакция. Подозрительно быстро.

Он тоже раб.

Робби переводит взгляд с меня на галерею. Дерьмо. Он хочет трахнуть с копом. Я встаю со своего места, и он ждет, пока я присоединюсь к нему перед баром. В кои-то веки его нерешительность — это хорошо.

— Они схватили его, Шон!

— Не дурачься? Ты думаешь, мы тоже должны пойти и быть арестованными?

— Но... мы не можем просто позволить ей...

— Посмотри внимательно на этого копа. Ты видишь что-нибудь странное? — Он прищуривает глаза. — Нет?

Внезапно у меня появилось нехорошее предчувствие.

— Вернись сюда.

Я тащу его в книжный магазин и пишу символ — новый символ из Вашингтона, который означает "демон". Любой охотник узнал бы его.

— Э-э... это значит... э-э...

— Как насчет этого? — Я просто рисую какую-то чушь.

Он беспомощно смотрит на меня.

— Черт, тебе вообще никто не звонил, не так ли? А ты? Ты лживый маленький сопляк?

— Сэр? — Это какой-то робкий тип библиотекаря.

Я вытаскиваю Робби из магазина. Патрульная машина уехала со Стивом на буксире. Полицейский собирается отвезти его за склад рядом с полицейским участком и передать его Эдуарду.

Мы можем схватить его?

Не без того, чтобы коп не вызвал подкрепление.

Что Эдуард с ним делает?

Скорее всего, он вернется в галерею.

— Шон? Шон!

Это Робби.

— Что?

— Что нам теперь делать?

— Я думаю.... Слушай, если они заберут его в полицейский участок, это будет... я не знаю... что-то вроде пьяного хулиганства. Нарушение общественного порядка или еще какая-нибудь ерунда. Он попадет в вырезатель и на общественные работы. Ничего страшного. О чем нам нужно беспокоиться, так это о том, что они отвезут его куда-нибудь и хорошенько встряхнут.

— Стив никогда бы ничего не сказал!

— Он бы не хотел, но... слушай, у них есть свои способы, понимаешь? Но у нас есть время. — Я смотрю в окно. Сучка все еще разгуливает вокруг, смеясь над парнем, который только что назвал ее вампиром. Она выглядит немного рассеянной? Трудно сказать.

— Ничего особенного не произойдет, пока она на своей вечеринке. Когда она выгонит людей, она пойдет и допросит его — если он не в

тюрьме. Мы будем считать, что он не... худший сценарий, понимаешь?

Я тащу его к машине.

Мы подъезжаем к тому месту, где припарковался Стив, чтобы достать дробовик из багажника, но, конечно, у Робби нет ключа, поэтому нам приходится разбить окно и сложить заднее сиденье. Затем он отправляется в мой отель, чтобы забрать вещи из моего номера. Если мне придется исчезнуть, я не хочу ничего оставлять после себя. Наконец, мы наполняем бак универсала, останавливаемся, чтобы перекачать немного бензина в баллоны, а затем снова наполняем бак.

— Вот план, Робби. Ты не пойдешь против вампира, не имея даже элементарного дерьма, которое тебе нужно против них. Твоя задача — проникнуть в галерею через парадную дверь, найти Стива и вытащить задницу через черный ход. Я припаркуюсь там и оставляю двери незапертыми.

— Но... что, если они будут там, когда я войду?

— Для этого и нужен бензин, чтобы убедиться, что это не так. Ты собираешься выбить дверь газовой бомбой, понял? Цельтесь высоко. Затем вам нужно разбить окно или выстрелить в него из дробовика и таким образом проникнуть внутрь. Ты можешь это сделать?

Он кивает, но он просто чертов ребенок. Я полагаю, это может случиться.

— Когда окажешься внутри, ищи Стива. Не кричи! Если увидите, что кто-то движется, бросьте газовую бомбу. Когда у вас закончатся бомбы, начинайте стрелять.

†††

Это не самый лучший план, но мне нужно, чтобы Робби зашел так далеко, чтобы зажечь первую зажигалку. Все, что после этого, — это подливка. Я подхожу к задней части галереи со своим пистолетом и жду, направив его на дверь.

Знаешь, если ты действительно хочешь ее смерти, я могу назвать тебе имена некоторых местных вампиров, которые с радостью убили бы ее.

Я игнорирую тебя.

То есть теперь, когда ты дал им повод. Стив, конечно, пресек бы это, но вы должны знать, что он почти наверняка сделает это в любом случае.

Игнорируя тебя....

Но тебе нужен этот личный подход, не так ли? Ты должен быть тем, кто убьет ее. Вот тебе и "Я просто хочу, чтобы злые ублюдки ушли".

Я слышу шум спереди. Это, должно быть, Робби. Как и было предсказано, гадости выходят с черного хода. Сначала Эдуард. Я всаживаю ему

один прямо в центр. Сладкий. Он падает, встает и карабкается к ее машине. Такой преданный. Это действительно трогательно.

— Вассаго!

Она выходит, ядовито-зеленая и великолепная, но хромает. Я обрушиваюсь на нее, как ночь. Она двигается быстрее кошки, но я знаю, куда она идет. В конце концов, она даже не такая крутая, как Эми. Я просто заключаю ее в свои крылья и разрываю на клочки.

Я заканчиваю как раз вовремя, чтобы увидеть, как Эдуард выезжает со стоянки без нее. Может быть, не такой преданный.

— Шон!

Я бросаю ее и поворачиваюсь. Я тоже отпускаю тело монстра, потому что это голос Робби.

— Шон! Ты должен мне помочь!

Святое дерьмо, маленький ублюдок нашел Стива! Но это его не спасло. Отсюда я вижу, что Стив открыт от шеи до пят. Думаю, он заставил эту сучку так прихрамывать. Робби в шоке, у него истерика. Я и раньше видел, как люди сходят с ума подобным образом. Он вытаскивает своего приятеля, и, черт возьми, Робби тоже облажался. Не знаю, кто его поймал, или что, или как, но он выглядит выпотрошенным.

Я подхожу к нему как раз в тот момент, когда он падает под весом Стива.

— Помоги мне, Шон. Помоги мне, помоги мне...

Мальчик умрет.

Скажи ему мое имя.

Что?

Назови ему мое имя! Если я возьму его в вассалы, я смогу спасти его.

Я смотрю вниз на умоляющего ребенка. Бедный маленький засранец.

— Извини, — говорю я.

Тогда я ухожу оттуда.

†††

Я в Чикаго. Что касается моих денег, то с тех пор, как Эм Джей ушел из "Буллз", все изменилось, но я купил хорошую фритюрницу в центре города. Теперь я нахожусь в каком-то сладком пригороде на (без дураков) ярмарке ремесел, потому что босс сказал, что именно там я найду свою следующую работу. Босс издевался надо мной весь день. Его голос — все равно что сунуть руку в мусоропровод.

Я думаю, что понял твою этику, Джон.

Это здорово.

Ты подвел черту под девушкой. И Робби.

Почему тебя это волнует?

Эх, с таким же успехом я мог бы сказать тебе правду: я хочу опустошить твою душу. Я хочу полностью избавить вас от всех моральных угрызений совести. Когда я это сделаю, "Джон Коулер" фактически прекратит свое существование, и я захвачу твою бессмертную сущность для личного использования.

Бла-бла-бла-бла. Удачи тебе в этом, Дарт.

Думаешь, я не смогу этого сделать?

Я думаю, что я круче, чем ты думаешь.

Гордость перед падением, Джонни.

Может быть, я просто покончу с собой, прежде чем ты сможешь это сделать. В конце концов, во мне есть часть тебя, верно? Если я обману себя, все, что ты в меня вложил, пойдет прахом.

Я не думаю, что ты убьешь себя.

Я поворачиваю за угол, и вот оно. Маленький киоск, такой же, как и все другие маленькие киоски, полный венков ручной работы, вязаных варежек и всякой вычурной хрени из сосновых шишек. Здесь полно мисок и чашек, только все они сделаны со знаками охотника.

Черт, я понимаю. Potter116! Самая капающая из капель. Блин, я подумал, что ее бирка — это фамилия или что-то в этом роде.

И, черт возьми, она смотрит прямо на меня, а я вне поля зрения!

На нее не особенно приятно смотреть — коренастая и обвисшая, с волосами, собранными в косичку. На ней какая-то рубашка с африканским принтом и веревка из бус, достаточно длинная, чтобы пришвартовать шхуну. Ее лицо просто побледнело, а челюсть отвисла, как будто она увидела привидение — или что-то похуже. Должно быть, она заметила меня. Я должен задаться вопросом, что

Я выгляжу так.

Она выходит прямо из-за своего маленького столика и спрашивает:

— Что тебя огорчает?

Я не могу смотреть на нее. Не могу этого вынести.

Почему бы тебе просто не сказать ей?

Я не могу не прошептать:

— Я одержим.

†††

Господи Иисусе, это слишком просто. Я не знаю, почему я никогда не делал этого раньше. Тыходишь к одному из слабаков и говоришь им, что ты охотник. Они странно смотрят на тебя, гадая, хладнокровный ли ты убийца или ты на их стороне. Это как... как там это называется...

Лакмусовая бумажка.

Да, чтобы посмотреть, совпадают ли ваши идеи с их идеями. А если они этого не делают — если вы действительно хотите убивать монстров или что-то в этом роде — они становятся такими раздраженными, надутыми, высокомерными и заносчивыми. Но если ты монстр, что ж, черт возьми, они впустят тебя с распростертыми объятиями.

Листок — так ее зовут. Черт, какая же это мюсли? Она закрыла свой дисплей. Собрал все это, чтобы помочь мне. Если она так ведет свой бизнес, ей, должно быть, очень плохо. Но как бы то ни было, она упаковала все это в свою машину и отвезла меня в какой-то органический ресторан. Я думаю, ей понравилось, когда я заказал вегетарианскую еду. Какой болван.

Теперь она смотрит на меня большими карими глазами и хочет знать, что со мной случилось.

Берегись, Джон. Она пытается обмануть тебя — пытается сделать тебя покорным и послушным.

И все же я должен ей кое-что сказать.

— Ну, я... Я раньше жил на Западе, в Сиэтле. Работал на лодках, знаете ли. Чинил радиоприемники, моторы и прочее. — Я чешу затылок. — И я начал слышать этот голос. В моей голове.

— Что за голос?

— Мужской голос. Говорит мне что-то делать.

— Какого рода вещи?

— Поначалу все было не так уж плохо. Ты знаешь, просто, э-э-э... немного воровства. Там была женщина с бриллиантовым ожерельем...

Не говори ей об этом! Ты идиот!

Я чувствую укол в животе и переворачиваюсь.

— Мелочи. Ты знаешь. То, что я мог бы сделать в любом случае раньше, только у меня не хватило смелости.

— Чтобы творить зло, не нужно мужества, — говорит она. Голос учителя воскресной школы. Она наклоняет голову. Забавно сидеть при таком освещении. Она почти нормально выглядит. Не шикарно, но, знаешь, неплохо.

Не то чтобы ты мог что-то с этим поделаться, не так ли, Джон? Даже если бы она умоляла тебя....

— Голос обещал тебе что-нибудь? — Снова взгляд олених глаз.

— Э-э... да.

— Что?

Сила. Свобода. Мечь.

— Он... э-э... сказал, что может достать мне денег.

Черт возьми, почему я лгу ей? Внезапно все это кажется таким фальшивым. Все это,

разъезжать по стране, выполнять эти, эти гребаные задания для Босса... это безумие. Я не хотел этого. Я просто хотела, чтобы меня оставили в покое! Просто, чтобы прожить, чтобы не так сильно беспокоиться о моем следующем чеке за аренду. Я никогда не просил посмотреть на оборотней и вампиров, никогда не просил какого-то ангела накачать меня дерьмом и повесить, как пиньяту. Вот и все, вот кто я такой, вот кто мы все такие. Мы полны ангельского дерьма, и когда твари бьют по нам достаточно долго, мы раскрываемся и забрызгиваем их.

Мне вдруг захотелось довериться ей и рассказать ей все это, рассказать ей, что я натворил и как я устал.

Джон, это она издевается над тобой! Проснись, черт возьми! Помните, как хныкающие всегда говорили о существах, у которых есть "момент истины"? Ты думаешь, это просто происходит? Это трюк ангела! Она использует это на тебе прямо сейчас! Ты чувствуешь усталость, потому что она этого хочет. Она хочет, чтобы ты сдалась, заплакала и рассказала обо всем маме. Она хочет, чтобы ты положил голову ей на плечо и сдался. Ты собираешься? Ты собираешься отдаться другой женщине?

Я стискиваю зубы. Он прав. Или, может быть, он играет со мной, я не знаю. Все, что я знаю, это то, что сейчас я злюсь.

— Это были просто деньги?

— Да. И он это сделал. Только он жульничал.

— Как обманул?

— Какое-то время у меня были деньги, но, эм... Я потерял его.

— Как потерял?

Повесь голову и скажи ей "азартные игры".

— Азартные игры.

Она сочувственно похлопывает меня по руке.

— Так вот почему тебе в первую очередь нужны были деньги?

— Да. — Я изо всех сил стараюсь выглядеть пристыженным. Это нелегко, потому что на самом деле я злюсь все больше и больше.

Подумай об Аннабель. Или еще лучше, ее черный приятель, тот, у которого большой толстый член....

Я чувствую, как краснею. Я прикусываю губу. Это грязный трюк, босс.

Тем не менее, это работает. Я накапливаю его, пока я впереди.

— Я не могу... Я имею в виду, я пыталась уволиться, но... и теперь он говорит мне, что может дать мне больше денег, но я должна делать больше вещей. Вещи похуже.

Я отвожу от нее взгляд и шепчу:

— Он хотел, чтобы я причинил боль маленькой девочке.

Ее рука крепче сжимает мою.

— А ты?

Ее голос настойчивый, испуганный.

— Нет. Я сопротивлялся. Но это было тяжело. — Святое дерьмо, я на самом деле плачу. — Он был зол. Он причинил мне очень сильную боль.

— Ты должен сопротивляться ему, Джон.

Блин, зачем я сказал ей свое настоящее имя? Я просто не мог придумать другого достаточно быстро. Надо было снова использовать Рона, или Шона, или Дона.

Потом как будто температура падает. Я смотрю на нее, а она смотрит в сторону, куда-то влево. Я смотрю в ту сторону и вижу парня. Не очень высокий, но крепкий. Немного полноват, но это парень, который много работал. Песочно-каштановые волосы, небольшая бородка. Похоже, он мог бы выдержать удар и, возможно, нанести ответный.

Листок встает.

— Извините меня.

Ее голос внезапно становится жестким. Она подходит к парню. Я поворачиваю к ним ухо и слышу, как она говорит: "Пока вы не подпишете бумаги, я не хочу вас видеть". Он что-то говорит в ответ, что-то тихое. Я наблюдаю за их отражением на тыльной стороне моей ложки. Он выглядит нервным. Она выглядит взбешенной. Они понижают голос, жестикулируют, качают головами. Я вижу, как он указывает на меня, и он смотрит... что, ревнуешь? Не счастлив, это уж точно.

Когда он кладет руку ей на плечо, а она отмахивается, я решаю, что это мой сигнал.

— Этот парень беспокоит тебя?

Она покраснела. У нее плоский рот, но она пытается изобразить достоинство.

— Ничто из того, что он делает, меня не беспокоит. Он недостоин моего внимания.

Ой.

— Я ее бывший муж, — говорит парень. — Ну, я не хочу вмешиваться...

— Тогда не надо, — говорит он.

— Похоже, она не хочет с тобой разговаривать.

Он поворачивается ко мне и наклоняется.

— Смотри. Может, ты и одурачил ее, но меня тебе не одурачить.

— Почему бы тебе не отступить? — Я стараюсь говорить это вежливо. — Нет, почему бы тебе не отступить?

Бам! Следующее, что я помню, это то, что я, спотыкаясь, ухожу. Моя спина врезается в край стола. Я чуть не падаю.

Ублюдок применил ко мне ответный удар!

— Оставь его в покое! — кричит она, вставая между нами.

— Листок, он...

— По крайней мере, он не причинил вреда ребенку, — говорит она. Все в ресторане смотрят на него.

Бывший муженек становится ярко-красным и, спотыкаясь, направляется к двери.

Он один раз оборачивается, как будто хочет сделать прощальный снимок, но не может придумать, что сказать.

†††

Теперь я в ее квартире. Все, что мне нужно сделать, это сказать ей, что я спал в своей машине, и она предлагает мне воспользоваться ее душем. Это какая-то ловушка или она действительно такая доверчивая?

Босс молчит. Он просто сказал мне спросить ее, что она имела в виду, говоря, что ее муж причинил вред ребенку, что я и сделал. Это было по дороге сюда, и она отвела взгляд, очень сердитая или грустная. Но она не хотела говорить об этом. Не могу ее понять, а Босс играет в свою чертову игру. Типичный.

— Разве ты не такой, как... нервничаешь? — Я спрашиваю ее. Я должен знать.

— Живая Сила защищает меня, — говорит она. Именно так. Ла-ла-ла.

— Должно быть, это мило.

— Так и есть. Но это также огромная ответственность. Мне многое дано, но от меня ожидают, что я многое сделаю с этим.

Как будто это так просто.

Может быть, для нее так оно и есть.

О чем ты говоришь?

Может быть, "Посланники" похожи на чокнутых идиотов, которым никогда не приходилось сталкиваться с жизненным дерьмом. Может быть, доверчивые миротворцы получают львиную долю защиты, в то время как вы, солдаты, совершаете одну хорошую атаку, прежде чем вас израсходуют. Как Стив. Убей одного и умри. Вы — ручные гранаты — опасные, но расходоуемые. Свидетель и Поттер, с другой стороны, наследуют Землю, потому что они послушные оптимисты, которыми ангелы могут помыкать.

— Джон? Вы готовы начать?

— Начать что?

— Я знаю, ты пришел сюда, чтобы... очиститься, — говорит она. — Я думаю, мы оба

знаем, что ты хочешь этого не только для своего тела.

Не позволяй ей сделать это, Джон.

Что будет дальше?

Просто не надо.

— Я думаю, что могу освободить тебя от твоего... твой наездник, — говорит она. — Если ты позволишь мне.

— Что я должен сделать?

Помни о сделке, Джон.

Тише, ты. Кто-то пугает тебя?

Я почти надеваю зрение, но не могу заставить себя сделать это. Что, если он прав, и она обманывает меня? Или что, если она искренна, но Посланники используют ее?

— Подержи это, — говорит она, протягивая мне два больших куска кварцевого кристалла. — И надень это.

Это как ожерелье с кучей разных камней, свисающих с него. Она суетится над этим, расставляя их в нужном месте. Затем повязка на голову с камнем на ней. Блины.

Не позволяй ей, Джон. Тебе это не понравится.

— Садись сюда. — Она сажает меня на стул и садится лицом ко мне.

Она хотела, чтобы тебя вычеркнули из списка. Помнишь все дерьмо, которое она написала о тебе? Ты думаешь, она стала бы давать тебе эту чушь об "очищении духа", если бы знала, кто ты на самом деле?

— Постарайся расслабиться. Просто закрой глаза и визуализируйте, как вся эта негативная энергия уходит.

Где она была, когда ты в ней нуждался? Где она была, когда ты был беспомощен и одинок? Она помогала мертвым существам, вот где она была!

Она закрывает глаза, и я изо всех сил ударяю правым камнем ей в голову. Она падает прямо со стула. Прежде чем она успевает прийти в себя, я наваливаюсь на нее сверху и прижимаю к земле.

— Почему... что...? — У нее течет кровь из виска, она ошеломлена и сбита с толку.

— Я наговорил тебе кучу дерьма о голосе. Я слышал его, все в порядке. Но это было не из-за чего-то простого, вроде денег. То, что он предложил, было моей свободой. До него я был в тупике. Вампир овладел мной. Ты ведь все о них знаешь, верно? Вы, наверное, много раз беседовали с ними, сидели вокруг, пытались понять их, пытались увидеть их точку зрения!

— Джон, просто дай мне подняться. Мы можем поговорить...

— Поговорить? Да, ты любишь поговорить, не так ли? Люблю публиковать посты в hunter-net. Все ваши теории. Все твои красивые идеи о том, как они просто неправильно поняты. Им просто нужны любовь и забота.

— Ты знаешь о...?

— О сети охотников? Сука, я был Rigger! Да! Теперь ты меня помнишь?

Она выглядит напуганной, так что я думаю, что так оно и есть.

— Что бы с тобой ни случилось, я могу помочь. Я могу помочь тебе справиться с этим, пожалуйста! Позволь мне помочь!

— Немного поздноато для этого, тебе не кажется? Где была ваша помощь, когда меня исключили из списка? Когда оборотни пришли за мной на лодке? Когда эта сучка Аннабель захотела узнать, какой мужчина может пережить это дерьмо, когда она, блядь, захватила меня в плен. Где же тогда были все мои "товарищи по несчастью", а?

Что-то стучит, но мне все равно. Может быть, только мое сердце.

— Что бы она с тобой ни сделала... чтобы она ни вложила в тебя...

— Она заставила меня есть дерьмо! Она передавала меня всем своим приятелям. Я все это сделал. Она заставила меня сосать их члены! Что ты об этом думаешь? Я был ее собакой. Я надел ошейник и пополз. Я встал на четвереньки и умолял, умолял съесть ее мертвую пизду. Ты думаешь, что сможешь сделать это лучше? А?

— Джон, пожалуйста....

— Это любовь. Это понимание. Она научила меня хорошему — я понимаю любовь клыков лучше, чем кто-либо из живущих на свете!

— Итак, ты отдал свою душу.

— Ха! Босс, он вернул мне мою душу. И знаешь что? Я был счастлив. С Аннабель, с этой сукой клыком, я был счастлив. По крайней мере, она защитила меня. Больше, чем когда-либо делали Посланники. Больше, чем вы, ублюдки из списка, когда-либо делали!

Кто-то кричит, но я не слышу...

— Мы никогда не имели в виду...

— Ты сделала это! Ты бросила меня и была рад, что я ушел! Что ж, ты больше никогда никого не подведешь!

Дверь разлетается в щепки. Мы с ней оба поднимаем глаза, когда чья-то рука протягивается и открывает ее. Это ее чертов бывший муж, и у него пистолет!

— Оукен! — кричит она. Я рисую свою фигуру, но уже слишком поздно.

— Не надо! — кричит она.

Черт, его пистолет заклинило! Мой — нет. У него кишка тонка. Он кричит, она кричит. Сука натравит на меня копов, если я не заткну ей рот. Я направляю пистолет ей в лицо.

— Назад... — говорит он. Черт возьми!

Ее бывший все еще имеет в нем хорошую отдачу! Теперь я нахожусь в 10 футах от нее. Она, спотыкаясь, поднимается и шипит на меня. Боже! Больно! Кажется, что... как будто она вырывает из меня Босса с корнем, как будто он мой скелет, и она пытается протащить его сквозь мою кожу!

— Вассаго!

Я не знаю, хочу ли я его помощи или помочь ему. Бывший снова поднимает свою фигуру, но я его опередил. На этот раз я ударил его по голове, и этого ему должно хватить.

— Ты...

Я пытаюсь заговорить, но внезапно Босс говорит через меня.

— **Листок! Произнеси мое имя!**

Какого хрена? Я целюсь в нее, а она просто кричит на меня. Дерьмо! Не могу стрелять!

— **Мне нужна твоя помощь! Пожалуйста! Я отчаянно хотел найти тебя!**

— Он лжет тебе! — Босс пытается контролировать мой рот. Мы ссоримся из-за слов.

— Пошел ты! — кричит она.

— **Мне нужна сила Живой Силы! Призови мое имя, и я смогу спасти тебя от Rigger!**

— Не верь ему!

Это все равно, что пытаться говорить, полоская горло шариками, но у меня получается. Я пытаюсь выстрелить в нее, но с телом монстра и крюками в моих ладонях я роняю пистолет. Она ползет на четвереньках, направляясь к двери.

— Листок, назови мое имя! Пригласи меня войти! Я умоляю тебя, ты — мой единственный шанс на спасение!

Я могу только кричать. Я бросаюсь к ней. Я хочу оторвать ей голову, но я чувствую, как Босс сжигает меня изнутри.

— Как тебя зовут?

— **Вассаго!**

— Вассаго!

— Черт бы вас обоих побрал!

Я плачу.

Потом она уходит, и я падаю в обморок.

†††

Я еду по I-88 на запад. Босс сказал мне, что там есть пара прямо фангов, которые толстеют и ленивеют на кукурузном корме Айовы.

В Чикаго стало беспокойно. В итоге мне пришлось вылезать из ее заднего окна. У копов есть мое описание, и я злюсь на Босса.

Предательский ублюдок.

Я думал, ты считаешь мое покровительство хуже смерти. Или ты так быстро забыл Робби?

Ты должен мне еще одну порцию.

Хорошо, хорошо, все, что ты захочешь. С Поттером будет очень весело, и ты заслуживаешь награды за то, что познакомил ее со мной.

Что делает ее такой особенной?

Не пойми меня неправильно, Джон. Ты великолепен, когда дело доходит до того,

чтобы портить людям жизнь. Но она хочет искупить мою вину. В отличие от тебя, у нее все еще есть добрые намерения. Если я смогу ее успокоить... ммм.

Сумасшедший. Я на самом деле надеюсь, что Поттер выдержит это.

Ты думаешь, она будет сопротивляться там, где ты не смог? Не очень вероятно.

Да, но за последние пару лет я повидал много невероятного дерьма.

Следующая остановка — Давенпорт. Где мне искать вампиров?

Глава 4: Правила и повествование

Как пали могущественные, и оружие войны погибло!

— 2 Царств 1:27

С того момента, как охотник становится свидетелем того, как демоны охотятся на незащищенных людей, и он решает действовать, он вступает на путь, который медленно идет по спирали вниз.

Независимо от того, какова его цель или повестка дня — уничтожить ли сверхъестественное или помочь монстрам существовать бок о бок с человечеством, — ему приходится нелегко. Препятствия непреодолимы, его врагов невозможно остановить, а его надежды, возможно, невозможно осуществить. У него есть инструменты в виде остроты зрения и второго зрения, но они непостижимы и ненадежны, а иногда и полностью подводят его. Чтобы достичь своих целей, охотнику нужно больше инструментов, более сильных. И он проявляет их. Он обнаруживает, что его способности растут и расширяются по мере того, как он преследует свои цели — но только в том случае, если он полностью посвящает себя своему делу. Если он полностью посвятит себя, оставив семью, друзей и свою старую жизнь позади. Если он готов пожертвовать всем, даже своим рассудком, чтобы сделать то, что необходимо, тогда он действительно может добиться успеха.

Конечно, есть возможность остановиться, отвернуться от причины. Охотник всегда может вытащить себя из пропасти — просто бросить, остановиться или потерпеть неудачу. И хотя он все еще несет на себе душевные шрамы и расстройства, которые он накопил, он может спасти себя от саморазрушения. Но что он получает от этого? К чему ему осталось вернуться — к жизни, разорванной в клочья, к жизни, которую он разрушил, чтобы выполнить свою миссию? И даже если ему действительно есть к чему вернуться, сможет ли он смириться со своим выбором — попытаться игнорировать правду и заставить себя жить во лжи?

У многих охотников вообще нет выбора. Как только вы вступаете в борьбу со сверхъестественным, вы доводите ее до конца, хотя бы потому, что не осталось ничего, что имело бы смысл, кроме вашего крестового похода. Итак, избранный расправляет плечи, принимает цену и идет дальше.

Но единственный путь вперед - это вниз.

Проникнутые поняли, что с большой силой приходит не большая ответственность, а хаос и безумие. Охотникам, которые проявляют сильные стороны, всегда кажется, что с ними что-то не так. Может быть, это естественное следствие борьбы с тьмой. Или, возможно,

наполнение принципиально несовместимо с человеческим разумом, телом и душой. Независимо от причины, результат один и тот же: могущественные охотники с в лучшем случае слабым восприятием реальности. Называйте их экстремистами, пророками, психами, святыми - ярлыки не имеют значения. Все, что важно, - это их сила, их преданность и опасность, которую они представляют для монстров, обычных людей, других охотников и самих себя.

И за пределами безумия экстремистов, даже за пределами их удивительных возможностей находится другая высота. Вершина, на которой охотники поднимаются даже над безумием, чтобы стать чем-то непостижимым. Они становятся силой природы, которая ходит как человек. Эти наделенные получают абсолютную силу, но при этом они отделяются от других охотников и, возможно, от человеческой расы. Пылающие ужасно ярко, эти чрезвычайно редкие пропитанные поглощаются собственной мощью, но оставляют неизгладимый след в мире своим уходом.

Что будут делать охотники, чтобы добиться успеха? Как далеко они зайдут, чтобы противостоять сверхъестественному? Смогут ли они устоять перед искушением использовать все преимущества, доступные в их поисках, некоторые из которых могут дорого обойтись? Это вопросы, с которыми многие избранные должны столкнуться в своей "карьере" и в хронике Охотников.

В предыдущих дополнениях для охотников говорилось об экстремистах, тех охотниках с рейтингом добродетели 7+, которые получают мощные дары, но поражены безумием. Даже за пределами этих охотников есть очень немногие, кто проявляет грани пятого уровня - высшую силу наделенных. До сих пор последние существовали вне правил Охотников, как персонажи Рассказчиков. Для "меньших" охотников эти странные существа могли быть ненадежными союзниками, непредсказуемыми врагами, чемпионами для подражания или ужасающими наглядными уроками. Они были мессиями и монстрами, но их никогда не предлагали в качестве персонажей игрокам — до сих пор.

Fall from Grace показывает, как захватить экстремистов и высоты существования охотников в системе рассказчика. Эта книга предлагает рекомендации о том, как вы можете играть с такими яркими звездами. Экстремисты - это нечто большее, чем просто сумасшедшие, обладающие огромной властью. В их безумии

есть метод, и они способны сделать практически все, чтобы достичь своих целей. Игроки должны понимать, что достижение этого статуса означает нечто большее, чем просто добавление нескольких точек в список персонажей. Это требует радикальных и постоянных изменений в персонаже, а также совершенно нового подхода к охоте и вашей хронике.

Персонажи на этом уровне обычно остаются играбельными лишь в течение короткого периода, прежде чем умирают, сгорают или становятся чем-то неузнаваемым. Но за это короткое время вы можете найти новые и сложные ролевые игры.

Дорога в погибель

Пережив месяцы постоянного ужаса, раздоров и раздоров, ваш персонаж стал не только более опытным, но и более сильным, с высокими Достоинствами и потрясающими качествами третьего и даже четвертого уровня. Конечно, у него есть несколько расстройств, с которыми нужно бороться, но вы можете использовать Силу воли, чтобы преодолеть их, если они станут проблемой. Важно то, что ваш персонаж все тот же, только с большим количеством опций и бонусов. Верно?

Неверно.

Экстремисты - это гораздо больше, чем просто охотники с рейтингом добродетели 7+ и несколькими ослабленными гайками. Это существа, настолько преданные своим личным целям и движимые ими, что они оставили практически все остальное позади. Для экстремиста нет возврата к нормальной жизни или, возможно, даже желания это сделать. Со временем все, что может иметь значение, - это ее навязчивое мировоззрение. Чтобы освободить город от сверхъестественного влияния. Чтобы уничтожить существо, убившее ее мужа. Чтобы заставить конкретное существо увидеть ужасную ошибку его путей. Когда охотник достигает такого уровня интенсивности, у него очень мало общего с другими охотниками — или другими человеческими существами. Они не видят тех граней правды, которые видит она. Они не понимают, что можно потратить на более великое дело. Они не знают, на что нужно пойти, чтобы что-то изменить.

Действительно, некоторые проникнутые задаются вопросом, являются ли эти “благословенные” охотники все еще людьми. Физически экстремисты кажутся нормальными. Если они не используют ребра, они все равно страдают от всех ограничений человеческого тела. Однако возможно, что “безумие” экстремиста - это вовсе не безумие, а то, что он просто больше не мыслит так, как большинство людей. То, что мы восприняли бы как безумие, вместо этого может быть совершенно

рациональной реакцией на информацию и знания, которые мы — или “низшие” охотники — просто не можем понять. Экстремист Федор - прекрасный пример такого отчуждения. Кажется, что он часто ведет себя хаотично, меняет пристрастия без видимой причины и говорит вещи, которые не имеют смысла. Но он также посвящен в понимание и понимание причудливых сил и реальностей, которые обычному человеку или большинству других охотников невозможно понять, не говоря уже о том, чтобы получить. Был ли он сведен с ума своими видениями? Или он способен получать свои видения только потому, что научился мыслить по-другому?

С другой стороны, некоторые экстремисты могут быть сумасшедшими. Они все еще изменились благодаря своей фанатичной преданности, но их растущее безумие может быть вызвано неспособностью справиться с изменениями, а не процессом адаптации. Такой экстремист - это измученная душа, вынужденная следовать своим побуждениям и целям, но неспособная справиться с предъявляемыми к ней требованиями. Отдалившись от своих друзей и союзников из-за своих недугов, все, что ей осталось, - это следовать своим собственным психотическим планам - единственное, что все еще имеет для нее смысл.

Играть экстремиста - это непросто. Это требует подхода к вашему персонажу с совершенно новой стороны, потому что ваш охотник изменился по сравнению с персонажем, которого вы изначально создали. Возможно, вам захочется переоценить, как ваш персонаж вписывается в хронику и как он взаимодействует с другими проникнутыми. А еще есть задача реалистично изобразить безумие. Охотник - это не про супергероев. Речь идет о том, что обычные люди идут на все, чтобы совершать чудеса. Следующие рекомендации должны помочь сыграть кого-то, кто зашел слишком далеко, слишком быстро.

Метод в безумии

Некоторые экстремисты страдают от противоречивых расстройств. У них развивается психическое заболевание за каждое очко Добродетели, которое они набирают выше 6, и их почти случайным образом преследуют противоречивые, бессмысленные мысли и эмоции. Такого рода разрозненное безумие может быть хорошо для персонажей-рассказчиков, но играть такого охотника обычно не очень приятно. У него может не быть направления, и он может казаться совершенно непоследовательным от одной сцены или сеанса к следующему.

В качестве альтернативы этому бессистемному подходу к изображению экстремиста (который рекомендуется только для лучших ролевых игроков), попробуйте создать

целостное мировоззрение для вашей охотницы в качестве основы для ее безумия. По мере того, как персонаж приобретает расстройства, его различные психозы сочетаются с его личностью и опытом, создавая последовательный, но иррациональный взгляд на реальность, и вы можете определять поведение своего персонажа, основываясь на этом целом.

Рассмотрим Кэрл Макинтайр, охотницу, у которой по мере роста ее основной Добродетели развиваются ипохондрия, навязчивые идеи, паранойя и расстройства фуги. Теперь все эти условия могут существовать сами по себе, направляя Кэрл в самых разных и парадоксальных направлениях. Но как эти недуги могут взаимодействовать, образуя единое сложное безумие, и как этот сложный синдром может развиваться и изменяться по мере проявления новых расстройств?

Допустим, у Кэрл развивается ипохондрия, когда она получает 7 баллов. Когда она достигает 8 Милосердия, у нее появляется навязчивая идея. Что, если объект ее одержимости - болезнь, которая связана с ее ипохондрией? Ее следующее расстройство, паранойя, также может быть связано с болезнью. Возможно, она убеждена, что другие пытаются заразить ее или заразить какой-то болезнью. На пике своей силы и безумия Кэрл может впасть в состояние фуги, когда она действительно находится в присутствии болезни, например, находясь в больнице.

Теперь, чтобы связать все эти условия в единое мировоззрение: по мере того, как она становится все более одержимой болезнями, Кэрл “понимает”, что злые силы создают болезни, чтобы уничтожить человеческую расу. При каждой встрече со сверхъестественным существом она ищет вирусы и загрязняющие вещества, которые, должно быть, действуют. Каждый раз, когда она подвергается воздействию болезни — даже такой безобидной, как простуда, — Кэрл рискует впасть в состояние фуги или наброситься со своими ребрами, чтобы уничтожить “зло”. Предполагая, что расстройства, которые вы выбираете для своего персонажа, логически вытекают из ее личности и хроники, это не должно быть трудно найти какой-то способ соединить их. См. раздел “Игра с расстройствами” ниже, чтобы получить дополнительные советы по выбору заболеваний и тому, как разыгрывать их последствия.

Как только вы сформируете мировоззрение своего персонажа, используйте его, чтобы помочь определить ее цели и то, как она их преследует. Кэрл, вероятно, разрабатывает цель, связанную с болезнью, поскольку сама ее личность вращается вокруг болезни. Возможно, в мире действительно существует сверхъестественный вирус, и она посвящает свою жизнь искоренению источника.

Последовательное мировоззрение - мощный инструмент для экстремиста, преследующего свои идеалы. Экстремисты могут делать интуитивные выводы и выводы, которые были бы невозможны для рационального человека. Или они могут видеть знаки и предзнаменования, которые невидимы для здравомыслящих людей. Их “повышенная” осведомленность может позволить им воспринимать угрозы и опасности там, где другие могут быть слепы.

Но безумие также является одним из главных препятствий для экстремиста. Это мешает ей эффективно взаимодействовать с другими людьми и ослепляет ее от вещей, которые могли бы быть совершенно очевидны для здравомыслящего человека. И, конечно, абсолютное безумие может заставить охотника распознавать связи между событиями и людьми там, где их вообще не существует. Она могла пуститься в погоню за дикими гусями или подвергнуть опасности граждан, существ или других охотников без какой-либо провокации. Например, Кэрл Макинтайр видит в каждом потенциальную тифозную Мэри и общается с другими людьми только в том случае, если они проходят процедуры и ритуалы стерилизации. Ее одержимость болезнью также может привести ее к предположению, что умерший человек был убит вирусом, даже если он явно попал под машину.

Глаза на призе

Когда избранные проникаются, они сталкиваются с опасной реальностью. Есть ужасающие проблемы — гниль, нападающая на семью, вампиры, охотящиеся на беспомощных, - с которыми нужно разобраться прямо сейчас. Только после того, как охотники добьются определенных успехов, наберутся опыта и получат передышку, они смогут стремиться к более отдаленным целям — выяснить, почему мертвецы снова ходят, или уничтожить криминального авторитета вампиров, контролирующего городской рынок наркотиков. По мере развития хроники охотники могут устремлять свои взгляды все выше и выше и все больше и больше посвящать себя целям, которые они выбирают.

Экстремисты, как правило, делают еще один шаг вперед в этом естественном развитии и полностью заикливаются на цели. Даже самый хаотичный и непредсказуемый экстремист работает над своей целью по-своему. Эта движущая мотивация может показаться последней осязаемой, надежной основой жизни. Это великая цель, которую ее измученный разум требует, чтобы она выполнила любой ценой, потому что мало что еще остается или, кажется, имеет значение. Без внешней цели, на которой можно сосредоточиться, экстремист может утонуть в хаосе своего безумия. В конце концов, попытка разобраться с каждым существом и

угрозой в ужасающей реальности, в которой она погрязла, была бы ошеломляющей. Примерами таких целенаправленных целей являются одержимость Федора узнать секреты Посланников, стремление Crusader17 уничтожить зло, как он его определяет, и решимость Potter116 вылечить любое существо, с которым она столкнется.

Игроку охотника за экстремистами предлагается выбрать цель, на которой ее персонаж сосредотачивается и к которой стремится. Эволюция этой цели происходит медленно, поскольку ваш персонаж движется по пути, открытому при ее наполнении, и это почти всегда уводит все дальше и дальше от ее прежней жизни. Ей нужно найти что-то, что поддерживало бы ее мотивацию и направленность, ведь она потеряла так много из того, что было ей дорого раньше. Создание сильной повестки дня дает вашему персонажу повод продолжать идти вперед и основу для жизни, которая становится все более неровной по краям. Она находит точку, к которой нужно стремиться, и направляет свою энергию в этом направлении, позволяя ей существовать, в то время как все остальное в ее жизни рушится.

Достижение цели может быть основной деятельностью вашего охотника и главной сюжетной линией в вашей хронике. Но какая цель подходит вашему персонажу?

Это должно быть логично. Никто просто так в один прекрасный день не просыпается и не решает свергнуть правительство — даже экстремист. Цель вашего охотника должна естественным образом вытекать из вашей хроники. Это должно быть что-то, что было установлено ранее, что теперь можно исследовать более глубоко. Например, если ваш персонаж раскрыл сверхъестественную коррупцию в правительстве своего города, ее целью может быть очищение от скверны офиса мэра. Достижение цели, которая имеет отношение к хронике, создает удовлетворяющую историю и создает возможности для вовлечения других персонажей в цели вашего охотника.

Это должно иметь эмоциональный резонанс. Помимо логики сюжета, цель должна иметь эмоциональную логику. Мотив экстремиста - это всепоглощающая страсть, поэтому это должно быть что-то, чем он увлечен. Ищите хороший личный крючок, причину, по которой ваш охотник так сильно заботится о вас. Может быть, он хочет отомстить вампиру, который разрушил его бизнес. Может быть, он влюбился в эту вампиршу и не остановится ни перед чем, чтобы спасти — и заполучить — ее. Если вы сделаете цель вашего персонажа чем-то, что его действительно волнует, вам будет намного легче погрузиться в его историю.

Это должно быть достижимо. У персонажей-рассказчиков могут быть безнадежные цели, но обычно не очень весело

играть персонажа в совершенно бесполезных поисках. Такие цели, как “уничтожить всех монстров” или “свергнуть правительство США”, вероятно, недостижимы — даже для могущественного экстремиста. Придумайте цель, которая может быть достигнута. Возможно, ваш персонаж не сможет свергнуть федеральное правительство, но она может добиться масштабных изменений на уровне города или округа. Это должно быть трудно. Стремление к этой цели занимает вашего персонажа на протяжении нескольких историй, если не на всю оставшуюся часть вашей хроники. Это не должно быть чем-то, что может быть заключено в одну сцену или сеанс. Не расслабляйтесь с такими простыми целями, как “убить любого старого вампира” или “сжечь дотла этот дом с привидениями”. Идите к чему-то, что создает препятствия, что требует процесса. Один из простых способов сделать это - развить простую цель и сделать ее сложной. Возможно, ваш персонаж хочет уничтожить конкретного вампира, но он должен найти ее, остановить ее планы и победить всех других вампиров, которых она создала. Может быть, ваш охотник хочет уничтожить дом с привидениями, но он должен выяснить, почему в нем водятся привидения, и он должен раскрыть, что мешает мертвым в целом покоиться с миром.

Семена цели могут быть посеяны в нескольких местах в истории вашего персонажа. Даже до достижения 7 Добродетели и получения расстройства у вашего охотника, вероятно, есть надежды и цели. Эти цели, возможно, были установлены до наполнения, но теперь они приобретают новое значение. “Защитить будущее моего сына” - это цель, которая может быть у любого родителя, но она приобретает новое значение, когда охотник узнает правду о мире. Цель может быть установлена вскоре после наполнения, а затем становится все более значимой по мере того, как ваш персонаж узнает больше. Он может начать с того, что захочет спасти свою жену от культа, поклоняющегося вампирам, только для того, чтобы понять, что культ охватывает всю страну, и единственный способ спасти ее - уничтожить всю организацию.

Или, может быть, цель исходит из искаженного мировоззрения экстремиста (см. Выше), на чем охотник никогда бы не заиклился, если бы он все еще был в здравом уме. Кэрл Макинтайр начинает верить, что сверхъестественные силы создают болезни, чтобы опустошить человечество, и поэтому ставит перед собой цель спасти человечество от болезней. По мере того, как ее Милосердие растет, а безумие растет, эта цель видоизменяется в соответствии с ее мышлением. Кэрл все больше заикливается на поиске и устранении источников сверхъестественной чумы, которые, как она знает, находятся где-то там.

Множество различных целей могут соответствовать личности, истории и убеждениям вашего охотника. Поговорите со своим Рассказчиком о том, какие из них могут подойти для вашей хроники. Вдвоем вы должны быть в состоянии создать цель, которая движет вашим персонажем на протяжении всей игры.

Рассказчик: Великие цели в вашей хронике

Экстремисты в качестве персонажей игроков могут дать толчок великим историям и событиям в вашей хронике. Они также могут быть очень разрушительными элементами, которые срывают сцены, отвлекают внимание от других персонажей и раздражают игроков. Обращение с экстремистом в "хронике" требует от вас некоторых размышлений, особенно о целях персонажа.

Хороший мотив для экстремиста - это ресурс для вас, а не только для игрока. Это то, что хорошо сочетается с историей и направлением вашей игры. Это обеспечивает отправную точку для интересных историй и создает зацепки, которые другие игроки могут использовать, чтобы вовлечь своих персонажей. Напротив, неподходящая цель не соответствует хронике, и вы не можете использовать ее в качестве фокуса для историй (или можете сделать это, только проигнорировав истории и концепции, которые вы выбрали ранее). Неудачный гол также оставляет в стороне остальную часть вашей труппы. Это не оставляет места для ввода других персонажей, в результате чего хроника вращается почти исключительно вокруг экстремиста.

Когда вы садитесь с игроком и обсуждаете цель его игры, подумайте о следующем.

Соответствует ли цель тону вашей хроники? К тому времени, когда персонажи достигнут высоких оценок Добродетели, ваша хроника должна иметь устоявшийся тон. Тем не менее, у людей могут быть разные представления о стилях историй, которые соответствуют вашей хронике. Если вы ведете жесткую игру уличного уровня, в которой охотники борются за маленькие победы, а экстремистский игрок хочет, чтобы ее персонаж раскрыл правду о сверхъестественном по национальному телевидению, возникает столкновение тонов. Вам может показаться, что такая цель выходит за рамки темы вашей игры и поэтому неуместна. Та же проблема может возникнуть, если ваша хроника имеет дело с мощными эпическими историями, а цель персонажа - просто выгнать вампира из трущоб. Убедитесь, что вы и игрок согласны с темами, настроением и тоном хроники, прежде чем идти дальше.

Можно ли использовать цель для разработки интересных историй? Иногда предлагаемые цели могут быть просто скучными. Проводить каждый

день в лаборатории, фанатично изучая зараженную кровь вампира, может быть чем-то экстремистским, но вы, вероятно, сможете придумать только одну, может быть, две интересные истории о проведении таких экспериментов. Цель экстремиста должна вдохновлять истории, которые требуют от него (и в идеале от его союзников) действовать и реагировать самыми разными способами. Вероятно, вам нужна цель, которая может инициировать множество различных событий и последствий. Если кажется, что потенциал цели ограничен, обсудите с вашим игроком возможность ее расширения. Если врач-экстремист захочет исследовать кровь вампира на более широком уровне, может возникнуть больше сюжетных возможностей. Ему нужно получить образцы, захватить "объекты", провести эксперименты, опробовать потенциальные лекарства на вампирах и избежать возмездия нежити. Большинство голов раскрывают огромный потенциал с помощью всего лишь небольшой настройки со стороны игрока, знает он об этом или нет.

Вы хотите исследовать цель? Хорошая цель может направить вашу хронику в новое и интересное русло, сделав возможными истории, которых раньше не было. Однако это зависит от того, хотите ли вы двигаться в таких направлениях. Допустим, ваша хроника вращается вокруг событий в маленьком городке. Игрок хочет, чтобы ее охотник переехал в Нью-Йорк по следу пропавшего брата. Если вы хотите развивать истории и сюжеты об охотниках в Нью-Йорке, это здорово, но если вы этого не сделаете, возникнут проблемы. Если идея игрока кажется стоящей, но не соответствует тому, как вы хотите, чтобы хроника развивалась, скажите об этом. Возможно, идею можно переработать так, чтобы она лучше совпадала с вашими планами. Брат может вернуться в город только для того, чтобы помочь проложить путь для культа демонопоклонников. Охотница все еще может работать, чтобы спасти своего брата, но обстановка хроники остается местной.

Включает ли цель других охотников полезным образом? Великая цель Федора — узнать правду о Посланниках и наполнении — включает в себя множество других избранных. К сожалению, это вовлекает их в первую очередь в качестве марионеток, объектов эксперимента и жертв. Это не лучший способ сделать других игроков счастливыми, так что такая цель, вероятно, не подходит персонажу в вашей игре. Также не может быть достигнута цель, в которой участвуют только экстремисты, цель, которая отвлекает внимание от других. Если экстремист пытается завоевать сердце вампира, другим охотникам, вероятно, не разрешается много участвовать в отношениях, а другим игрокам может быть скучно и / или они чувствуют себя проигнорированными каждый раз, когда деятельность экстремиста оказывается в центре

внимания. К счастью, большинство целей можно изменить, чтобы они привлекали других охотников позитивным и интересным образом. Возможно, вампир вернул бы любовь экстремистки, но не может, потому что другие, более могущественные кровососы мистически связывают ее. Освобождение вампира от этих уз — и борьба с последствиями ее освобождения — требует помощи других персонажей и дает этим охотникам шанс также оказаться в центре внимания историй.

Соответствует ли цель характеру? Это основной момент, но его стоит обдумать. Игрок, вероятно, понимает своего охотника лучше, чем вы, но вы все равно должны высказаться, если идея гола кажется вам неуместной. Может случиться так, что игрока привлекает концепция, которая на самом деле не подходит персонажу, и вы можете предложить ей рассмотреть варианты. Или же игрок может удивить вас и показать, что цель очень соответствует его характеру. Охотника вряд ли привлечет вампир, который разрушает его бизнес, но когда этот кровосос оказывается прабабушкой умершей жены персонажа, и сходство между поколениями паразитально — это совершенно новая игра.

Игра с отклонениями

Деликатное отношение к безумию - один из самых сложных аспектов любой ролевой игры. Если изобразить безумие убедительно, оно может добавить сеансу глубины, текстуры и эмоций. В качестве альтернативы игрок может использовать его, чтобы привлечь все внимание Рассказчика и превратить игру в фарс. Психические расстройства играют важную роль в жизни экстремистских персонажей, и важно знать, как справиться с их изображением, не срывая вашу игру.

Большая часть проблемы заключается в том, что большинство людей на самом деле не понимают, что такое безумие. Это неудивительно. По определению, безумие включает в себя дефектные психические процессы, которые настолько отличаются от психических процессов большинства населения, что они мешают повседневной жизни. Это очень трудная концепция для понимания в конкретных терминах, потому что условие не поддается конкретному мышлению. Поэтому самый простой подход - это отказаться от причуд и эксцентричности.

Нетрудно отличить причуды и эксцентричность от подлинного безумия. Последние тенденции забавны, эффектны или неэффективны, в то время как настоящие расстройства разрушают жизнь вашего персонажа. Тот, кто носит только желтое, очень странный. Охотник, который постоянно носит с собой фаршированную рыбу и настаивает на том, чтобы она занимала место во время еды, но при этом принимает нормальное, активное

участие в охоте, эксцентричен. Тихий человек в углу, который верит, что его тело - марионетка, которой он управляет, и ему приходится постоянно резать себе руки и ноги бритвой, чтобы напомнить себе, почему причинять боль - это ненормально. Как правило, если вы смеетесь вместе с человеком и говорите ему "ты сумасшедший", то это не так, он просто эксцентричен. Если вы попытаетесь держаться как можно дальше и говорить успокаивающие вещи вроде "все в порядке", он ненормальный. Безумие никогда не бывает приятным или забавным, и оно поглощает все ваше существование.

Понимание отклонений

Существует несколько различных групп психических дефектов, которые могут привести к безумию. Эти группы не обязательно являются расстройствами сами по себе, но представляют собой различные причины или способы возникновения заболеваний.

Одной из распространенных основных проблем является дефектная ассоциация. Жертва испытывает искаженную логику, запутанные выводы и/или иррациональные негативные ассоциации. Другими словами, определенные ментальные концепции или пути не совпадают или пересекаются. Это может быть так же фундаментально, как ассоциировать удовольствие с болью, а боль с удовольствием, или так же абстрактно, как группировать объекты по цвету, а не по типу, так что серая машина будет казаться более тесно связанной с тротуаром, чем с синей машиной. Дефектные ассоциации могут играть определенную роль в таких заболеваниях, как мазохизм, ассоциативное расстройство, членовредительство, диссоциация, депрессия, социопатия и бред.

Концептуальная дисфункция проявляется как отсутствие в сознании конкретных идей или концепций. Другими словами, жертва не в состоянии понять конкретную идею или предмет и не в состоянии переучить их. Вся память и понимание концепции исчезают, и страдалец воспринимает предмет как нечто другое. Человек может классифицировать всех животных — даже самых разных, таких как птицы или рептилии, — например, как кошек или собак. Там, где отсутствующее понятие является более абстрактным — эмоция или стадия процесса рассуждения, — результаты могут быть трудно предсказать, начиная от психотических тенденций и заканчивая депрессией.

Эмоциональная изоляция подобна концептуальной дисфункции. Люди с этой проблемой могут быть неспособны испытывать какие-либо эмоции, понимать определенные эмоции или даже признавать, что у других людей есть эмоции. В крайних случаях жертвы могут быть не в состоянии понять, что плохое

обращение с другими, даже жестокое, ничем не отличается от хорошего обращения с ними. Другие жертвы могут обнаружить, что им трудно взаимодействовать с обществом, потому что они не могут воспринимать — или чувствовать — гнев, дружбу, любовь или другие эмоции, поэтому не могут общаться с людьми. Такие тенденции могут способствовать развитию социопатии, психотической ярости, паранойи, депрессии и кататонической фуги.

Другая проблема - это навязчивое заблуждение, при котором вы интеллектуально знаете, что что-то верно, но искренне верите в обратное. В типичном случае человек может посмотреть на абажур, увидеть, что это абажур, знать, что это абажур, и все же быть убежденным, что это подстерегающий преследователь, и действовать в соответствии с этим убеждением. Жертва знает, что то, во что он верит, явно ложно, но все же он не может действовать вопреки своим чувствам, поэтому переживание крайне неприятно. Страдалец обычно чувствует, что он не может доверять себе, или, возможно, что он наблюдатель за своей собственной жизнью. Он может выработать поведенческие ритуалы, которые позволяют ему выполнять повседневную работу по дому независимо от того, что, по его мнению, он видит. Это общее состояние может способствовать развитию паранойи, депрессии, обсессивно-компульсивного расстройства, бреда и ряда фобий.

Наконец, хронический бред включает в себя галлюцинации, которые страдалец не в состоянии отличить от реальности. Они могут варьироваться от простых одночувственных фантазмов, таких как восприятие запаха свежее испеченного хлеба, до модификаций реальности, таких как внезапная мысль, что все носят одинаковые красные футболки, до полных галлюцинаций всех пяти чувств, которые полностью блокируют реальность, например, убеждение, что вы вернулись в свой мир. дом детства и шесть лет. Бред может быть случайным, прерывистым или непрерывным, а в острых случаях может потребоваться постоянное заключение пострадавшей для ее собственной безопасности. Этот источник недугов может вызвать паранойю, шизофрению, депрессию и фугу.

Ролевая игра отклонений

Есть несколько рекомендаций, которым вы можете следовать, чтобы сделать игру невменяемого персонажа полезным опытом для всех. Однако всегда помните, что ролевые игры - это социальный опыт. То, как вы действуете как игрок, влияет на то, как другие игроки понимают вашего персонажа. Очевидно, что самый традиционный способ изобразить проблемы вашего персонажа - это его действия и слова, ролевые игры. Также можно улучшить

всеобщее понимание состояния вашего персонажа, оставаясь верным ему как в характере, так и вне его. Вы могли бы постоянно разыгрывать мягкую, не угрожающую версию его расстройств на протяжении каждой игровой сессии, делая такие вещи, как держаться подальше от подшучиваний за столом или быть резким или отчужденным. Действительно, вы могли бы в какой-то степени предположить болезни своего персонажа, как только переступите порог игры. Вы знаете, какой подход может подойти вам лучше всего и сделать так, чтобы ваши коллеги-игроки чувствовали себя наиболее комфортно.

Чтобы сыграть невменяемого персонажа, вам нужно выяснить, как работает его разум и как это влияет на его поведение. Один из способов принять решение - сделать заметки о том, на какие типы объектов и событий ваш персонаж может реагировать необычно. Если у вашего персонажа паранойя, он может испытывать страх или недоверие к незнакомым людям. Если другой охотник ведет себя необычно рядом с вашим охотником, он может разволноваться. Если у нее был опыт общения с призраками, вселяющимися в людей, она может использовать второе зрение в любой момент, когда подруга делает что-то необычное или нехарактерное для нее, просто чтобы быть уверенной. Подумайте о различных способах, которыми ваш персонаж может необычно реагировать на обычные события, и составьте список. Затем, если ваш персонаж сталкивается с какой-либо из этих ситуаций, вам напоминают, что нужно реагировать ненормально.

Безусловно, самый важный момент, который следует помнить, изображая невменяемого персонажа, - это избегать доминирования в игре. Болезни персонажа легко влияют как снежный ком, пока почти каждый аспект игры не будет сосредоточен на нем, и вы будете говорить большую часть времени. Это может быть весело для вас, но это расстраивает и скучно для остальной части группы. Чтобы любая игра работала, все игроки должны быть вовлечены, и игрок с требовательным характером по-прежнему несет ответственность за то, чтобы быть в центре внимания.

Быть внимательным к другим игрокам не обязательно означает идти на компромисс с поведением вашего персонажа. Это просто означает быть чувствительным к тому, как ты играешь. Игроку с параноидальным характером было бы легко поднять большой шум из-за того, что он начинает нервничать, когда другой охотник подходит слишком близко. Вы могли бы описать, как ваш персонаж уклоняется, выдвигает обвинения и требует, чтобы его утешили. Однако это так же верно для расстройства, как сказать Рассказчику, что ваш персонаж активизирует свое второе зрение и проверяет всех. Последний подход гораздо менее навязчив. Настоящий параноик хотел бы, чтобы

его наблюдение за другими было незаметным. Если он действительно решит, что они враги и его единственный шанс выжить заключается в насилии, он может начать внезапную атаку. На самом деле, заниженный подход к неподобающему поведению может сделать расстройства вашего персонажа более тревожными для других игроков. Театральность и чрезмерная реакция быстро становятся смешными. Скрытый подход заставляет других игроков задаваться вопросом, насколько иррациональным стал ваш персонаж.

Есть также два других преимущества тонкости, которые помогают максимально правдоподобно изобразить вашего персонажа. Во-первых, избегание показных проявлений недугов помогает гарантировать, что ваш персонаж не станет причудливым или эксцентричным. Нет ничего плохого в том, чтобы изображать причуды, но они плохо работают за пределами комедийных игр. (Невменяемость не означает автоматически, что ваш персонаж теряет чувство стиля или может внезапно решать сложные математические задачи в уме.)

Второе преимущество заключается в том, что большинство невменяемых людей делают все возможное, чтобы свести к минимуму свои проблемы, в том числе пытаются избегать ситуаций, которые могут спровоцировать потерю контроля или сделать их недуги очевидными. Если они могут разрешить ситуацию так, чтобы никто этого не заметил, они это делают. Выставляя напоказ расстройства, вы упускаете из виду всю суть — что проблема ужасна и ее следует избегать любой ценой.

Ролевая игра специфических отклонений

Есть много психических заболеваний, о которых мы все знаем, даже если распространенные заблуждения означают, что мы не очень хорошо их понимаем. В этом разделе мы рассмотрим некоторые из наиболее известных расстройств, обсудим, какие чувства они вызывают, и рассмотрим, как они могут повлиять на жертву.

Паранойя не обязательно означает веру в то, что могущественный заговор следит за вами и строит против вас козни (на самом деле это параноидальная шизофрения). Корень паранойи - убеждение, что вы находитесь в центре негативного внимания. Люди, разговаривающие на другой стороне улицы, говорят о тебе. Смех направлен на вас. Бесцеремонные комментарии - это завуалированные оскорбления. Даже хорошие друзья могут казаться насмешливыми с притворной заботой. Это может начинаться с малого, со случайной неуверенности, над которой вы смеетесь, но она становится настолько интенсивной, что становится ошеломляющей. Это состояние может сделать жертв ревнивыми,

агрессивными, подавленными или замкнутыми. Как бы они ни реагировали, они чувствуют себя ужасно несчастными и жертвами. Параноидальные персонажи могут избегать общественных мест, сильно реагировать на неопределенные намеки или намеки и становиться подозрительными, когда поведение любого знакомого человека отличается от нормального.

Шизофрения - это термин, который обычно охватывает широкий спектр симптомов. В своей основе она проистекает из какого-то непримиримого конфликта в ваших эмоциях или желаниях и проявляется в спорадических заблуждениях или галлюцинациях. Это состояние может быть связано с внезапными перепадами настроения, изоляцией и замкнутостью. Находясь под контролем, персонаж может испытывать неуверенность или боль, бояться новой атаки или, возможно, полон решимости достичь чего-то конкретного, пока еще может. Во время приступа она может быть гораздо более уверена в себе, но бред, которым она страдает, может иметь непредсказуемые результаты.

Депрессию очень неправильно понимают. Большинство людей думают, что клиническая депрессия означает быть несчастным. Настоящая депрессия - это полное отсутствие сильных эмоций и мотивации. Депрессивный человек не становится злым, возбужденным, грустным, счастливым, возмущенным или кем-то еще. Мир кажется серым и бессмысленным; не о чем беспокоиться. Страдальцы, как правило, не становятся жестокими — нет смысла прилагать усилия — и могут делать то, что им говорят, просто чтобы потом их оставили в покое. Депрессия не делает людей несчастными, потому что они больше не способны чувствовать себя несчастными.

Обсессивно-компульсивное расстройство возникает, когда вы отчаянно пытаетесь вернуть контроль над миром, потому что страдаете галлюцинациями или чувствуете себя бессильным. Это включает в себя создание точных ритуалов для решения повседневных проблем, и эти ритуалы могут повторяться каждые несколько минут, если вы находитесь в состоянии стресса. Одержимые очень защищают свои ритуалы и могут стать возбужденными или жестокими, если им по какой-либо причине угрожают срывом. Жертва буквально чувствует, что его ритуалы - это единственное, что удерживает его разум вместе.

Социопатия - это неприятное заболевание, при котором вы не способны воспринимать других людей как действительно реальных или обладать реальными эмоциями или чувствами. Вы эмоционально изолированы и полностью сосредоточены на себе и не чувствуете вины за то, что совершаете ужасные поступки с людьми. Однако другие области понимания не затрагиваются, и вы знаете, что причинение вреда другим людям приведет к наказанию и /

или заключению, поэтому не все социопаты опасны. Термин “психопат” часто ошибочно применяется к жестоким социопатам.

Расстройство множественной личности возникает, когда травма заставляет разум отступать в одну или несколько вымышленных личностей в качестве средства спасения. Каждый раз, когда ваша основная личность чувствует угрозу, второстепенные личности берут верх, пока источник стресса не будет устранен. Большинство этих вторичников - дети в возрасте от пяти до восьми лет. Другие - нереальные творения, такие как мультяшные персонажи. Лишь немногие из них являются взрослыми или склонными к конфронтации. Некоторые конкретные действия всегда могут быть временно предприняты второстепенным лицом, например, пройти через автоматическую дверь. Различные личности человека не помнят о том, что происходит, пока они находятся в состоянии покоя, хотя они часто знают о существовании друг друга и находят ситуацию неприятной.

Серьезные фобии часто недооцениваются. Испытывать фобию по отношению к чему-то не означает, что вы находите это неприятным, неприятным или пугающим. Это означает, что столкновение с чем-то повергает вас в слепую панику, что мысли или разговоры об этом вызывают у вас страх или агрессию, что вы сделаете все необходимое, чтобы избежать ситуации. Если вы не в состоянии избежать неприятных обстоятельств, у вас может случиться нервный срыв или даже впасть в кататонию или фугу. Некоторых страдальцев пугают также вещи, связанные с их страхом, например, лазание по канатам, если кто-то боится высоты.

Согласованность персонажей

Расстройства не возникают случайно. Подобно землетрясениям, большинство из них происходят в слабых точках разума, линиях разломов в личности. Конечно, физическое повреждение мозга и болезнь протекают по-разному и зависят от пораженной части мозга, но большинство расстройств связаны с личностью и должны соответствовать личности жертвы как естественному ее развитию.

Даже расстройства, вызванные высоким рейтингом Добродетели, не возникают из вакуума. Они проистекают из личности вашего персонажа и часто представляют собой опасное чрезмерное подчеркивание ранее незначительной стороны личности. Если и когда ваш персонаж становится ненормальным, подумайте о его личности. Ищите доминирующие качества или поведение, которые могут быть усилены в психическую проблему. Таким образом, ваш персонаж сохраняет свою основную идентичность; она просто усиливается.

Многие личностные качества легко сопоставить с расстройствами. Уверенность или

лидерство могут перерасти в манию величия. Осторожность или застенчивость могут перерасти в паранойю. Организация или контроль могут превратиться в обсессивно-компульсивное расстройство. Страдание превращается в раздвоение личности. Разочарование перерастает в шизофрению. Смелость или энтузиазм переходят в истерику. Пессимизм переходит в маниакально-депрессивное состояние. Чувство вины или подавленный гнев превратились в фугу. Выраженный гнев перерастает в психотическую агрессию. Или отсутствие эмпатии превращается в социопатию.

Если нет очевидного улучшения состояния вашего персонажа, рассмотрите вместо этого недавние события. мысл Конкретный травмирующий случай может спровоцировать бессонницу, паранойю нменте истерию или фобию. Паранойя может возникнуть из-за любого предательства или неожиданного нападения.оск Истерия может быть результатом близкого столкновения со смертью или потерей близкого человека. . Недавняя автокатастрофа может вызвать страх перед поездками на автомобилях, или тяжелое огнестрельное ранение может вызвать страх перед громкими звуками.

Достоинства вашего персонажа также могут сыграть определенную роль в расстройствах, которые у него развиваются. Если она одна из Милосердных, у нее может проявиться болезнь, связанная с замкнутостью, такая как паранойя, изоляция или фобия. Если она приверженка Видения, ее состояние может потребовать рассмотрения, например, маниакально-депрессивного, обсессивно-компульсивного расстройства или бессонницы. Если она фанатик, ее расстройство может быть связано с вытеснением гнева, таким как раздвоение личности, фуга или социопатия. Если у нее хорошо сбалансированы две или три Добродетели, конфликтующие штаммы могут вызвать шизофрению.

Немного подумав о том, как прогрессируют расстройства вашего персонажа, вы можете гарантировать, что он останется играбельным и правдоподобным без необходимости сложной гимнастики повествования с вашей стороны.

За всеми пределами

Невменяемый охотник с одним или двумя Достоинствами, оцененными в 7 баллов или выше, является очень эффективным — хотя и неустойчивым — персонажем и может обеспечить множество сеансов сложного и приятного повествования. Если эта судьба и роль идеально подходят для личности вашего персонажа и его вклада в хронику, нет необходимости искать для него каких-либо дальнейших радикальных изменений. Этот предпоследний этап эволюции охотника сам по

себе является приятным опытом. Но для тех, кто хочет продвинуться еще дальше — за грань — есть один заключительный этап: получение преимущества пятого уровня.

Ни один охотник “просто так” не развивает преимущество пятого уровня. Эта вершина власти не является чем-то естественным. И это не то, что охотник признает “карьерным достижением”, таким как титул или угловой офис. Эта высота достигается либо за счет больших усилий для достижения цели, о которой говорилось ранее, либо предлагается охотнику силами, находящимися за пределами человечества и, возможно, за пределами этого мира. Очень немногие охотники выживают достаточно долго, чтобы получить грань четвертого уровня. Борьба с монстрами и собственным разрушающимся здравомыслием разрушает большинство проникнутых. Избранные, у которых проявляется преимущество пятого уровня, исчезающе редки. Их может быть не более дюжины или двух по всему миру. Итак, чтобы ваш персонаж получил такую степень силы, вы должны принять решение пойти на риск и убедиться, что ваш охотник заслуживает награды. Рассказчик также должен решить, допускать ли такую силу в своей хронике.

Рассказчик: Грани и Убежденность

Помимо того, что экстремисты безумны и обладают высокоуровневыми гранями, они также способны создавать очень мощные эффекты с помощью своих низкоуровневых граней. Сила каждого Охотника основана на наборе кубиков Добродетель + Атрибут. У экстремистов есть Достоинства в диапазоне от 7 до 10, поэтому их крайние броски делаются с использованием от 8 до 15 кубиков. Поэтому экстремисты вряд ли потерпят неудачу в бросках по краям и могут вызвать очень мощные эффекты. Мученик с 8 Милосердием и Требованием может сорвать с петель дверь банковского хранилища. Защитник с 10 Рвением и Защитой может создать барьер, который ни одно существо не сможет преодолеть.

Ситуация становится еще более драматичной, когда возникает угроза осуждения. Игрок экстремиста, который рискует быть осужденным, может бросить более 20 кубиков на ребро, гарантируя не только невероятно эффективное использование власти, но и легко получить еще одно очко Осуждения.

Для персонажей-рассказчиков вы можете использовать этот уровень надежной силы, чтобы внушать благоговейный трепет, впечатлять или пугать персонажей игроков. Ни один охотник не относится к использованию острых углов совершенно небрежно, но экстремисты-рассказчики могут подойти близко. Как игроки, так и персонажи могут быть застигнуты врасплох, когда они встречают

одаренного, который никогда не спит (благодаря остроте Бдительности) или который может легко и надежно читать мысли каждого существа, с которым он сталкивается (используя Откровение). Даже охотник, который постоянно использует второе зрение, может быть тревожным.

Когда дело доходит до игроков с экстремистскими персонажами, все становится сложнее. Надежные, предсказуемые способности - это удел супергероев, а не одержимых. Если охотники начнут использовать свои лезвия небрежно, это может испортить настроение и “уровень мощности” вашей хроники. Очевидно, что накопление нарушений является одним из уравнивающих факторов для такой власти, но вы можете обнаружить, что вам нужно больше возможностей для регулирования творений игроков. Вот два предложения, которые помогут компенсировать возросшую власть экстремистских персонажей.

Во-первых, будьте строги, не допуская осуждения экстремистских персонажей. Охотники обретают Уверенность в достижении своих целей и действуют в соответствии со своими убеждениями и Добродетелями. Экстремисты преследуют сложные, странные цели, достичь которых чрезвычайно сложно. Экстремисту должно потребоваться нечто большее, чем просто успокоение призрака или пощечина вампира, чтобы добиться осуждения. Ей нужно добиться реального прогресса в достижении своей цели и действовать в соответствии со своим мировоззрением. Да, игрок, скорее всего, накопит Убежденность, рискуя при бросках на грани, но не давайте ей больше Убежденности, если ее персонаж действительно этого не заслуживает.

Во-вторых, излишняя власть экстремиста могут повлечь за собой необычные побочные эффекты. Нормальные люди, конечно, реагируют с ужасом и замешательством на использование лезвия, но когда проявляется степень силы экстремиста, это может повлиять и на других охотников. Выберите “чрезмерный уровень мощности”, подходящий для вашей хроники; количество кубиков, которое вызывает побочные эффекты при использовании в броске края (15 - хорошая цифра). Если выпадает такое количество кубиков, другие наделенные страдают от замешательства и забывчивости, которые испытывают обычные люди, когда в их присутствии используются ребра. Второе зрение защищает от этого замешательства, как обычно. Вы можете даже решить, что если выпадет огромный набор кубиков (скажем, 20 кубиков), то второе зрение других охотников не является надежной защитой, и, возможно, потребуется потратить дополнительную Убежденность или сделать броски Силы воли, чтобы другие наделенные могли оставаться сосредоточенными.

Обладание такой степенью власти не обязательно делает экстремистов

“бесчеловечными” или “неправильными” для стороннего наблюдателя. Эти электростанции могут быть умопомрачительными, но другим охотникам они все равно могут показаться “правильными”. По крайней мере, эти психи могут казаться нормальными, пока они не сделают что-то дикое или опасное для несчастных людей, недостойных монстров или других одержимых. Но с другой стороны, редко бывает какое-либо предупреждение о подобном поведении.

Технически, любой охотник, имеющий преимущество четвертого уровня, может в конечном итоге получить преимущество пятого уровня. Однако важно помнить, что это гораздо более сложное и значимое приобретение, чем просто добавление точки или ввод строки на листе символов. Вместе с острием приходит совершенно новый образ мышления и множество радикальных изменений в личности вашего охотника. Не воспринимайте это развитие событий легкомысленно. Это огромное изменение в вашем характере, которое оказывает глубокое влияние на вашу хронику. Поэтому важно иметь в виду несколько вещей.

Для Игроков

Получение преимущества пятого уровня - одно из последних, величайших достижений, которые ваш персонаж может когда-либо сделать. С этого момента осталось сделать очень мало, кроме как использовать преимущество для достижения своих самых больших целей. Грани пятого уровня обычно возникают ближе к концу истории вашего персонажа. После того, как она получит его, вероятно, мало что останется, кроме ее смерти — и, надеюсь, успеха в одном последнем, триумфальном акте. Ваш охотник буквально сгорает от полученной силы, или гаснет в сиянии славы, или просто живет на заимствованное время, пока ее тело поддается мощи, которой она владеет. Вы можете выбрать для своего персонажа преимущество пятого уровня, если готовы к тому, что вскоре после этого он умрет или станет неиграбельным. (В конечном счете, ее судьба зависит от вашего Рассказчика. Возможно, у него даже есть на примете еще несколько историй, которые он мог бы рассказать вместе с ней, во всяком случае, на некоторое время...)

Вы также должны быть уверены, что такая эволюция подходит вашему персонажу. Уместно ли такому целеустремленному человеку, как даже экстремист, стремиться к власти сверх всяких разумных пределов? Является ли это естественным развитием для охотника? Она действительно настолько сосредоточена или расстроена? Если все, чего вы действительно хотите, - это новый остроумный сюжет или больше внимания в хронике, ваш Рассказчик вряд ли проявит сочувствие. Если это то, что имеет абсолютный смысл для вашего персонажа

— если у нее есть всепоглощающая преданность или навязчивый характер, чтобы пойти на такое, - и вы чувствуете, что готовы сыграть такое существо, только тогда вы должны обсудить это со своим Рассказчиком.

Некоторые грани пятого уровня являются “нормальными”, проявляясь так же, как и любые другие на пути веры, которые показывает охотник. Другие приходят из других источников, которые охотники не понимают и не контролируют. Рассказчик должен решить, вступают ли такие внешние силы в контакт с вашим персонажем. Вы, конечно, можете подойти к Рассказчику и обсудить свою заинтересованность в таком переходе, но решение остается за ней. Ваш персонаж, конечно же, понятия не имеет, что такие варианты доступны. В качестве альтернативы Рассказчик может решить, что такая сила вступает в контакт с вашим персонажем, даже если вы этого не предполагали.

Для Рассказчиков

Присутствие в вашей игре всего одного охотника с преимуществом пятого уровня может оказать огромное влияние на вашу хронику. На этом уровне силы персонаж обладает потенциалом для совершения чудесных подвигов — уничтожения целого культа или упокоения всех призраков в приюте с привидениями. Чтобы соответствовать этому уровню власти, вам, вероятно, нужно усилить интенсивность ваших противников и повороты сюжета. Встречи с одиночками, сбитыми с толку или слабыми существами сейчас могут показаться ничтожными. Возможно, такой уровень интенсивности нанесет ущерб вашему запланированному развитию сюжета. Это всегда может вызвать проблемы у неэкстремистских персонажей, у которых может не хватить сил работать бок о бок со своим могущественным товарищем, в результате чего некоторые игроки чувствуют себя бессильными и разочарованными. А после того, как экстраординарный персонаж умрет или перейдет дальше, вам может быть трудно вернуть свою хронику на прежний уровень. “Младшие” охотники вынуждены наблюдать широту или глубину реальности, к которой они не готовы и не могут забыть впоследствии. Они могут вообще не иметь возможности бороться с монстрами или могут потерять здоровое уважение к любым “слабым”. По этим причинам не бойтесь наложить вето на запрос игрока о персонаже с преимуществом пятого уровня.

Теперь, сказав все это, не торопитесь отвергать эту идею. Представить охотника такого масштаба в качестве собственного игрока, даже на короткое время, непросто и полезно. Каждый член труппы может извлечь пользу из этого опыта. Подумайте хорошенько, прежде чем сказать “да” или “нет”, и будьте

готовы к тому, что потом придется с этим смириться.

Из-за природы граней пятого уровня (“божественный”, “коррупцированный” или “независимый”, все из которых объясняются ниже), к некоторым персонажам действительно могут обратиться сущности, предлагающие им эту высшую силу. Очевидно, что это решение должны принимать вы, а не игрок. Вы должны решить, приближаются ли к персонажу с преимуществом четвертого уровня “божественные” или “коррупцированные” силы. Контактуют ли эти сущности с каким-либо влиятельным экстремистом, или в этом охотнике есть что-то особенное, что делает его привлекательным? Если они не связываются с ним, это потому, что с ним что-то не так? Какую форму принимает их первоначальный контакт и какие преимущества они предлагают? Или персонаж может упрекнуть их обоих и найти свой собственный путь к власти? Ниже приведено больше советов о том, как решить эти вопросы, но стоит подумать о них заранее, прежде чем принимать решения.

Три Пути к Забвению

Большинство охотников даже не подозревают о существовании граней пятого уровня. Такие способности просто невообразимы, или настолько редки, что их действие почти никогда не засвидетельствовано, или сводятся к нелепым слухам — или ошибочно принимаются за способности монстров. Конечно, ни один одержимый не узнал, что некоторые из этих ошеломляющих способностей на самом деле связаны с “нормальными” качествами, проявляемыми экстремистами, или сильно отличаются от них. Охотники также не знают, что другие существа, кроме Посланников, могли предлагать такие дары. Даже наделенные силой охотники, владеющие этими эффектами, могут не знать, кто или что их дарует.

На самом деле существует три различных вида лезвий пятого уровня, доступных подходящим охотникам.

Дивайн: Преследуя свои всепоглощающие цели, многие экстремисты подвергаются ужасным испытаниям и лишениям. Охотница теряет рассудок, но может также потерять все, что ей когда-то было дорого, и быть вынужденной поступиться идеалами, которыми она когда-то дорожила, - всем, что есть и было ей дорого. И все же этого может быть недостаточно. Ее цель все еще может ускользнуть от нее, и она должна стараться еще больше и отказываться от еще большего. В этот момент некоторых экстремистов может коснуться трансцендентная, нечеловеческая сила — подобная силе Посланников, но все же другая, более великая. Эта сила дает охотнице силу, необходимую ей для достижения своих целей. Если она достойна. Если она пожертвует всем, что у нее осталось.

Те охотники, которые повинуются, которые полностью отдают себя, наполнены величественной — возможно, даже святой — силой, которой нельзя противостоять или отрицать. И до тех пор, пока охотница остается достойной этой силы, она продолжает проявлять ее, пока она, наконец, не поглотит ее. Коррупцированный: Некоторые экстремисты находятся на долгом пути к своей конечной цели и находят этот путь более трудным, чем они могли себе представить. Конечно, трудности можно было преодолеть, но только с предельными усилиями, временем и жертвами. Затем какая-то сущность приходит к ним — возможно, незаметно, возможно, открыто - и предлагает им преимущество прямо сейчас. Это всего лишь небольшая цена, незначительная сделка, а взамен охотники получают огромную власть.

Но это испорченное предложение, сделка, заключенная с силами неопишемого зла. Сила реальна, да, но это отравленная чаша, приманка, которая заманивает охотника в ловушку. Вскоре охотник обнаруживает, что работает пешкой в руках темных сил, и, возможно, даже сам становится неисправимым монстром.

Независимый: Некоторые экстремисты находят в себе силы превзойти свои собственные пределы. Поглощенные своим безумием и приверженностью охоте, у этих охотников возникает потребность полностью и полностью посвятить себя своему делу. Их непоколебимая решимость, их жесткая сосредоточенность на своих целях, их неконтролируемое безумие — вот инструменты, которые они используют, чтобы выйти за рамки того, на что способны другие охотники. Ценой больших потерь для своего и без того хрупкого рассудка эти экстремисты проявляют превосходство пятого уровня, соответствующее их вероучению. Не подотчетные никому, кроме самих себя, они используют эту новую силу, чтобы завершить свои крестовые походы - или умереть, пытаясь.

Рассказчик: Первые признаки

Испорченные и божественные грани приходят из внешних источников. Эти космические силы не просто выбирают охотников наугад, они ищут проникнутых, чьи взгляды, методы и цели хорошо согласуются с их собственными планами. Для божественных существ это означает персонажа с целью, которая каким-то образом поддерживает ее связь со сверхъестественным, будь то борьба, примирение или предложение руководства, и который проявляет большую решимость в достижении этой цели. Коррупцированным силам все равно, что делает персонаж. Их интересуют охотники с поврежденными и антисоциальными личностями, охотники, готовые срезать углы и причинять вред безобидным, чтобы достичь своих целей.

Эти силы могут подойти к охотнице, казалось бы, ни с того ни с сего, понаблюдав за ней некоторое время. (Идеи о том, как проводить такие представления, будут предложены позже.) Но также возможно, что власти могут “прощупать почву” в начале хроники, прежде чем решиться на сближение с экстремистом. При этом они оценивают, насколько охотник может быть восприимчив к сделке позже. Эта лакмусовая бумажка также позволяет вам увидеть, насколько игрок может быть заинтересован в получении преимущества пятого уровня для своего персонажа. Если игрок негативно реагирует на намеки и предзнаменования, вы можете отказаться от этой идеи. Если он реагирует с интересом, и его персонаж реагирует соответствующим образом, то, возможно, стоит продолжить позже в вашей игре, когда персонаж будет готов.

Вот несколько способов предвещать присутствие божественных и порочных сил.

- Охотник получает сообщения или видения от Вестников, которые намекают на более великие вещи. Эти знаки могут исходить от божественных сил, побуждая охотника продвигаться немного дальше. Или коррумпированные силы могут ненадолго узурпировать голос Посланников, призывая персонажа выбрать легкий путь и не беспокоиться о последствиях. Форма этих сообщений может сильно различаться — см. “Изображение министров” и “Изображение коррупционеров” для получения некоторых идей о том, как эти силы могут общаться.

- Вместо того, чтобы посылать зондажи экстремисту, Власть Имущие могут подтолкнуть других людей, которые взаимодействуют с ней. Опять же, этот подход довольно тонкий; силы не могут командовать другими охотниками, только предлагают им намеки и загадочные сообщения. Коррумпированные силы могут побудить союзников экстремиста принести ей книгу злых знаний, а затем понаблюдать, что она с ней делает. Божественные силы могут направить других охотников просить помощи экстремистки, отвлекая ее от достижения своей цели. Если охотницу легко отвлечь от ее цели, она может оказаться неподходящим кандидатом для их последнего подарка.

- Персонаж может столкнуться с коррумпированным или божественным экстремистом, который уже поступил на службу этим силам. Такая преданная может побудить персонажа узнать больше, если она найдет силу и поведение экстремиста интригующими. Или же “наставник” может действовать как сдерживающий фактор, пугая охотницу и убеждая ее в том, что такой путь ей не подходит. Такой отказ может привести к тому, что один набор сил потеряет интерес к персонажу — или заставит противоборствующую силу внезапно заинтересоваться ее вербовкой.

- В качестве альтернативы охотник может столкнуться с “независимым” экстремистом (объясненным позже в этой главе), который столкнулся с Власть Имущими и отверг их. Такие наделенные редки, но они существуют, и некоторые из них предупреждают других избранных об опасности попасть под нечеловеческое влияние. Это даже не обязательно должна быть личная встреча между охотниками. Персонаж, о котором идет речь, может найти копию Апокрифа Федора, в котором упоминается о силах, которые могут действовать за вдохновенными, и заподозрить, что они имеют власть над автором.

К такого рода предзнаменованиям следует относиться деликатно, иначе персонажи (и игроки) заподозрят неладное в том, что их ждет. Одного или двух подобных инцидентов достаточно, чтобы силы почувствовали пригодность персонажа, а вы — чтобы определить, насколько игрок заинтересован в полномасштабной истории контакта с потусторонними силами.

Экстремист может получить эту последнюю, невозможную власть одним из этих трех способов. Он может исполнить свое предназначение или пасть, уничтоженный силой, которую он осмеливался надеяться контролировать.

Рассказчик: Вся История Целиком

Если вы Рассказчик своей охотничьей игры, то, вероятно, уже задаете несколько важных вопросов. Почему большинство одаренных отрезаны от самых высоких уровней своих способностей? Почему некоторые охотники получают силу из внешних источников? Что это за сущности и как они могут наделять наделенных такой силой? Следующая предыстория “проникнутых” и сил, стоящих за ними, должна каким-то образом помочь ответить на эти и другие вопросы.

(Обратите внимание, что следующая космология используется в качестве предыстории к опубликованным книгам Hunter, но не обязательно должна быть канонической в вашей игре. Любые “светлые” или “темные” силы в вашей хронике не должны быть ничем подобным. У вас может быть собственное объяснение того, кто выбирает и наделяет силой наделенных, и вам предлагается адаптировать источники и проявления сил, представленные в этой книге, по своему усмотрению.)

Твой первый раз Охотника

Существование вашего охотника было долгим и мучительным. Он видел вещи, свидетелями которых не должен быть ни один человек, совершал поступки, которые никто не должен был совершать, и нес бремя реальности, которую

никто не должен был терпеть. Первое проявление его способностей могло бы быть ужасающим. Как он мог вдруг совершать такие необъяснимые поступки? Совершать эти чудеса? Однако со временем, когда он стал более сосредоточенным на своих целях и, возможно, пресыщенным своей жизнью, его способности, возможно, стали лучше поняты, возможно, ему даже доверяли и на него полагались. Возможно, они сохранили ему жизнь и помогли достичь его главной цели, когда ни один инструмент или навык не могли этого сделать.

Однако, когда ваш персонаж получает преимущество пятого уровня, он вступает в новую эру. Он достигает новой вершины власти, о которой он даже не мог догадаться (не говоря уже о том, чтобы представить) в те дни после своего наполнения. Грани пятого уровня - это чистая, необузданная энергия без границ. Если первые силы, которыми он владел, были сродни батарейкам типа АА, а те, которые он разработал позже, были эквивалентом автомобильных аккумуляторов, то сила пятого уровня - это удар молнии.

Достижение такого масштаба власти должно быть шокирующим и разоблачающим даже для маниакального, сломленного экстремиста. Этот опыт напоминает тот случай, когда ваш персонаж впервые воспользовался преимуществом. Это старлинг, сбивающая с толку и пугающая. Ваш охотник может внезапно сделать что-то экстраординарное и непонятное даже для него.

Возможно, лучший способ запечатлеть это монументальное событие в вашей ролевой игре - это вернуться к чувствам, которые испытывал ваш персонаж во время наполнения, а также в последующие дни и недели. Позвольте ему снова испугаться самого себя. Пусть он вспомнит, что было важно для него в прошлом — семью, друзей и борьбу с мелкими монстрами, с которыми он столкнулся тогда. По крайней мере, пусть он помнит об этом до тех пор, пока тяжесть его неотразимой программы не обрушится на него снова и не заставит его задуматься о том, как использовать эту новую способность.

Советы о том, как изобразить проявление грани пятого уровня, см. на стр. 144-145 книги правил Охотника и примените тот же опыт с низкоуровневыми гранями к этим эпическим.

Это не первый случай в истории, когда герои возникают из человечества, чтобы защитить человечество от монстров и угнетения. Это уже случалось по крайней мере однажды, в определенных частях света, в почти мифическом прошлом. В далекую эпоху, когда Творение и человечество были еще молоды, Небеса наблюдали за реальностью. Человечество вело скромное существование и почитало богов. И все же Вселенная была огромна, и она требовала большого внимания Сильных Мира Сего. В отсутствие богов на Земле злые лорды вышли из

своих темных мест, завидуя могуществу богов и божественной милости человечества. Свободные исполнять свою волю, эти демоны издевались над миром и человечеством, навлекали несчастья, внушали печаль и крали саму жизнь.

Когда Небеса снова обратили свой взор на мир, они увидели, что сделали демоны. В наказание за проступки завистливых владык боги избрали героев из числа человечества, чтобы защитить его от дальнейшего вреда. Эти воины и чемпионы выследили агентов демонов и разорвали власть коррупции на земле. Последовал Золотой век процветания и радости, когда избранные пасли человеческое стадо.

И все же, по мере того как шло время и задачи избранных были выполнены, воины становились самодовольными. Когда агенты темных лордов были изгнаны, герои искали новых испытаний и развлечений. В конце концов, они обнаружили, что легче получить силу от более слабых существ, чем выполняя свои священные обязанности. Они узнали, как использовать жизненную энергию своего народа, чтобы набраться сил, и это открытие распространилось. В последовавшей за этим нисходящей спирали избранные начали сражаться между собой, захватывая последователей-людей, претендуя на власть, борясь за контроль и заявляя свои права на Землю.

Когда Небеса поняли, что стало с их творениями, они снова свершили божественное правосудие. Герои мира были обречены на жалкое существование, и они удалились в свои одинокие логова. Отчаявшись, Творец Всего Сущего и его Служители повернулись спиной к Творению и циклу веков. Тень упала на мир, и демоны выползли из своих нор, чтобы снова посеять хаос.

Прошли века, и силы тьмы стали господствовать над миром. Служители, возможно, менее суровые, чем Сам Творец, почувствовали необходимость вмешаться, прежде чем все творение погрузилось в хаос. Однако на этот раз они решили создать менее коррумпированных агентов. Эти новые чемпионы — проникнутые - будут слабее, более ограниченными. Не имея большой власти, они не были бы введены в заблуждение властью. То, чего им не хватало в элементарных способностях, они восполнят численностью. Ограничиваясь лишь мимолетным контактом и отдавая охотникам самую малую часть своей силы, министры надеялись, что этих агентов будет достаточно, чтобы сдерживать темные орды.

Но Министры, плохо разбираясь в человеческих мыслях и природе, не понимали, что их агенты не будут довольствоваться ограничениями и простыми намеками. Охотникам нужно было знать свою истинную цель, и они обнаружили, что их способностей недостаточно, чтобы сражаться с тьмой так, как

они хотели. Проникнутые искали помощи — и темные силы откликнулись.

Самые могущественные и злые существа — слишком огромные, чтобы даже существовать в этой реальности — жаждали восстановить здесь контроль. Хотя они не могли действовать непосредственно в мире, они все же могли связаться со смертными агентами. Используя тот же механизм, что и Служители, некоторые из этих существ вступили в контакт с самыми могущественными (и нестабильными) охотниками и предложили им силу и информацию, которых жаждут наделенные — в обмен на услугу. Теперь эти силы используют коррумпированных экстремистов в качестве кошачьих лап и слуг.

В ответ министры решили отменить свои предыдущие добровольные запреты. Чтобы остановить разращение своих слуг, министры снова начали вступать в прямые контакты с охотниками, как это было много веков назад. Тем немногим, кого наделенные считают достойными, Служители предлагают силу, которая ранее была недоступна, и возможность нанести удар в самое сердце темных существ, угрожающих миру. Теперь Министры и темные силы нацелены друг на друга напрямую, используя этих удивительных и безумных людей в качестве своего оружия и защитников.

Божественное Вдохновение

Являются ли наделенные силой агенты Бога? Некоторые охотники, конечно, так думают. Даже охотникам-агностикам или атеистам трудно найти объяснение своему состоянию, которое не было бы связано с какой-то высшей силой. Вполне возможно, что “божественная” воля ответственна за изменение охотников — огромная и непостижимая сила, которая имеет мало общего с людьми, на которых она влияет. Эта сила, как правило, довольствуется тем, что наполняет людей и оставляет их на произвол судьбы, время от времени подталкивая их искаженными и загадочными сообщениями. Но в нескольких редких случаях эта божественность возвращается к субъекту — экстремисту, чья преданность и знания приближаются к героям, которые были благословлены и наделены силой в далеком прошлом. Божественная сила предлагает охотнику огромную силу и невероятные возможности и просит взамен только его разум, душу и индивидуальность.

Тяжелое испытание

Чтобы быть избранным властями для получения преимущества пятого уровня, экстремист должен доказать, что он достоин

этого. Высшим силам все равно, храбр ли охотник, добр или благочестив. Их волнует только то, что он готов довести себя до предела — и даже дальше — в погоне за тем, на чем он заиклен в отношении сверхъестественного. Чтобы претендовать на преимущество пятого уровня, охотник должен быть готов тяжело страдать за свое дело.

Если охотник имеет право на преимущество пятого уровня — то есть у него есть преимущество четвертого уровня в его пути веры и рейтинг 10 в его основной Добродетели — высшие силы могут наблюдать за ним, оценивая его достоинства. Если они чувствуют, что у него есть потенциал — если он стремится следовать за охотой, несмотря ни на что, если он охотно идет на компромисс с вещами, которые его волнуют, чтобы добиться успеха, — они могут связаться с ним с предложением власти. Но сначала он должен проявить себя. По мере того, как персонаж работает над достижением своей великой цели, достигаются вехи; события или достижения продвигают его дальше к своей судьбе. Охотник, стремящийся уничтожить всемирный культ поклонения демонам, наконец-то выслеживает его штаб-квартиру. Кэрл Макинтайр, одержимая связью между болезнью и сверхъестественным, уничтожает гнездо вампиров, которые распространяют ВИЧ с помощью нечистых клыков. В своих попытках очистить свой родной город, зараженный злым духом, Лорна Уилборн противостоит насильнику своего детства и прощает его. Эти вехи являются достижениями, но их недостаточно, чтобы удовлетворить экстремиста. Они всего лишь указатели на пути к месту назначения, а не само место назначения. Но эти достижения — признаки того, что он продвигается вперед. Это успехи, которые вдохновляют его на дальнейшую победу.

В какой-то момент вашей хроники ваш охотник нацеливается на новую веху, точно так же, как он делал это раньше. Но на этот раз дорога будет трудной, хуже, чем когда-либо прежде. Стремление к этому жизненно важному призу подтолкнет его к пределу его возможностей и лишит его всего, что он считает важным. Он будет брошен своими союзниками, обвинен в предательстве и лишен своей силы и власти. Подобно Иову, страдающему от испытаний, охотник вынужден доказывать свою правоту, борясь вперед, даже если у него нет причин или права продолжать.

У охотника есть выбор. Он может продолжать идти по тернистому пути, пока не достигнет следующей вехи, никогда не сдаваясь и не позволяя себе потерпеть поражение. Или он может повернуть назад, побежденный подавляющими силами, неспособный выйти за пределы самоотверженности. Те, кто поворачивает назад, брошены высшей силой — оставлены сломленными и истекающими кровью (если еще не мертвы), и никогда больше не будут

рассматриваться как высшее благословение. Охотник, который одержит верх и докажет свою ценность, может вступить в контакт с силой, которую можно назвать только “богоподобной”.

Пример: Великая цель Ибрагима Насира — дать отпор сверхъестественным силам, которые, по его мнению, угнетают его народ — мусульман и афроамериканцев. Он прилагает немалые усилия, в одном важном деле обеспечивая юридическую защиту заключенного, приговоренного к смертной казни Тайрона Беллеми, а затем пытается вызволить охотника из тюрьмы. Но только позже, когда Насир слышит о чернокожем заключенном, который напал на тюремного охранника в результате “расово мотивированного” инцидента, Насир по-настоящему вдохновляется. Он едет в Миссисипи, чтобы поговорить с заключенным, который утверждает, что его ложно обвиняют в убийстве. Насир, одержимый идеей добиться справедливости против тирании монстров, полностью посвящает себя освобождению этого человека.

Однако вскоре Насир обнаруживает, что он один в своей борьбе. Мусульманская федерация, организация, с которой он работал в прошлом, не хочет вмешиваться в это дело. Союзники Насира в Федерации говорят ему, что они изучили доказательства и убеждены, что заключенный виновен. Насир гневно осуждает Федерацию как трусливую — и она, все более настороженно относясь к своему коллеге, отвергает его и отвергает.

Работая в одиночку, Насир расследует убийство. Местные жители и полиция называют его нарушителем спокойствия и подстрекателем к гонкам, но он продолжает копаться. Все улики подтверждают официальную версию событий, но Насир продолжает расследование. Когда группа разгневанных местных жителей избивает его за вмешательство, его удары оказываются бесполезными, и он сильно ранен, но Насир не пугается.

Вскоре охота Насира за правдой приводит его к контакту с изолированным проникнутым. Даже они не помогут ему спасти пленника. Они не видят чудовищной активности на работе там, где Насиру это до боли ясно. Когда он набрасывается на охотников, они отвергают его так же, как это сделала Федерация. Из-за все более странного поведения Насира ему даже запретили посещать заключенного в тюрьме. У него нет ни союзников, ни ресурсов, и его врожденные способности ничем не могут ему помочь. Столкнувшись с невыполнимой задачей, Насир испытывает искушение сдаться — но вместо этого он решает вызволить заключенного из тюрьмы, точно так же, как он и Федерация пытались с охотником Тайроном Беллеми.

Насир крадет деньги со счетов Мусульманской федерации, что приводит к выдаче ордера на его арест. Скрываясь, он использует посредников для подкупа охранников и получения подробной информации о передвижении заключенных. Вооруженный оружием и взрывчаткой, Насир освобождает человека из тюрьмы, ранив при этом нескольких охранников. Оба мужчины сейчас в бегах — и объект всего внимания Насира наконец признается, что он действительно совершил убийство в припадке ярости. Он сделал это по собственной воле и ни на кого не “влият”. Насир зря пожертвовал своей жизнью, союзниками и будущим. Единственный способ, которым он мог надеяться вернуть то, что потерял, — это сдать этого человека полиции. Но Насир борется с искушением и использует последние украденные деньги, чтобы переправить беглеца в Мексику. Возможно, монстры побудили человека убить без его ведома или использовали его в качестве прикрытия для преступления, которое они действительно совершили. Тем временем Насир остается в Америке.

И вот однажды ночью силы приходят к нему во сне.

Благословения

Теперь, когда ваш охотник доказал, как далеко он зайдет в достижении своих целей, к нему приходят божественные силы. Есть много способов, которыми эти силы могут проявиться. Иногда они говорят прямо в сознание субъекта точно так же, как это делают Посланники, но громче, настойчивее. Они могут появиться в буре образов, видений жертв и побед, благословений и испытаний. Они могли появляться во снах, в знамениях, в горящем кусте. Они могут даже послать человека — или то, что выглядит как человек, — чтобы изложить свое дело. Эти силы имеют мало ограничений и приспособливают свою внешность к ситуации, своим собственным непостижимым желаниям и пониманию охотника, к которому они приближаются.

Силы делают персонажу предложение — возможно, прямое и простое, возможно, уклончивое и сбивающее с толку. Вы доказали свою состоятельность. Если вы будете выполнять нашу работу, вы будете вознаграждены. Божественные силы желают, чтобы охотник следовал их указаниям, выполнял их приказы в своих взаимодействиях со сверхъестественным. Взамен он получит их руководство — и их силу.

Если охотник отказывается, силы покидают его и никогда не возвращаются. Он остается самим собой, но все равно должен иметь дело со всеми совершенными им поступками и жертвами, на которые он пошел, чтобы достичь своего нынешнего положения. Такой охотник никогда не сможет получить божественное преимущество, но все же может получить коррумпированное или независимое

преимущество (см. Ниже). Если он принимает предложение, божественные энергии текут через него, меняя его навсегда, переделывая его личность в процессе.

Рассказчик: Изображающий Министров

Как Рассказчик, вам решать, может ли персонаж получить божественное преимущество. Не каждый экстремист является подходящим кандидатом на благосклонность министров. Божественные силы выбирают охотников, которые проявляют безграничную преданность делу, делая все возможное, чтобы достичь своей мечты. Но этого недостаточно, чтобы стремиться к какой-то цели. Охотник должен преследовать цель, которую одобряют министры. Эти силы создали вселенных, чтобы уравновесить сверхъестественные силы мира. У многих экстремистов есть цели, которые выполняют эту цель, будь то уничтожение всех монстров в городе или запуск “подземной железной дороги” для спасаемых вампиров. Однако некоторые экстремисты сосредотачиваются на целях, не относящихся к сверхъестественному фокусу служителей, таких как создание большой семьи и отсиживание в комплексе в Монтане. Экстремисты, которые отворачиваются от цели Служителей, не считаются божественными лидерами, независимо от того, насколько они преданы своим личным целям. Эти люди просто не делают ничего, чтобы привлечь внимание министров.

Если вы решите предоставить возможность такого преимущества охотнику, вы, вероятно, захотите разработать историю, которая вращается вокруг испытаний персонажа. Эта история доводит охотника до предела, и если он справится, то может получить свою награду.

Испытания

Служители должны определить, достоин ли охотник их благословения. Если охотник уже претерпел трагические страдания и продемонстрировал свою готовность отдать все ради достижения своей цели, этого может быть достаточно, чтобы убедить Власть Имущих. Но в большинстве случаев даже экстремисты не заходят достаточно далеко, чтобы удовлетворить этих существ, поэтому они испытывают охотников. Такое испытание в идеале - это история в вашей хронике, которая доводит охотника до предела.

Какую историю вы можете рассказать об этом испытании? Это должно быть что-то трудное, почти невозможное. Служители хотят знать, что охотник может сам о себе позаботиться. Они хотят видеть решимость. Они хотят видеть, как вступают в игру эмоции охотника. И они хотят видеть, как он игнорирует эти эмоции и

продвигается вперед, несмотря ни на какие сомнения.

Какие элементы являются ключевыми для личности и истории персонажа? Есть ли у него любимый родственник, любимая вещь, основной метод расследования? Если это так, то эта грань характера может сыграть важную роль — персонаж теряет ее, по крайней мере временно. Когда он вынужден выбирать между защитой своего брата или преследованием своей добычи, ожидается, что он оставит своего брата. Если Милосердный охотник стремится защитить существо, но его товарищи по оружию хотят наказать его, ожидается, что защитник встанет на сторону существа — даже если его союзники нападут на него или нападут на него. Ибрагим Насир был вынужден разорвать свои связи с Мусульманской федерацией, чтобы достичь своей цели, и его работа с Федерацией была важной частью его личности и цели.

Хотя испытание каждого кандидата на божественную милость уникально, некоторые факторы являются общими для всех них.

- Испытание должно длиться несколько глав и включать в себя широкий спектр сцен и задач. История должна быть о чем-то большем, чем просто сражение, расследование или эмоциональное потрясение - она должна включать в себя все эти вещи.

- Охотник должен быть лишен инструментов и преимуществ, на которые он обычно полагается, которые могут включать его оружие, ресурсы, союзников или что-либо еще, что обычно является значительной помощью в его историях. Легко продолжать стремиться, когда вы знаете, что у вас есть полностью укомплектованный арсенал и друзья, которые поддержат вас. Гораздо труднее продолжать жить, когда ты на мели, голоден и одинок.

- Острота зрения охотника и второе зрение должны быть жизненно важны в какой-то момент истории и бесполезны в другой. Для охотника важно доказать, что он может эффективно использовать дары Служителей, поэтому должны быть сверхъестественные проблемы, которые нужно преодолевать с помощью edge. Но для охотника также важно доказать, что он готов продолжать свои поиски без своих удивительных преимуществ. Его способности могут быть бесполезны в течение нескольких сцен. Может быть, ему приходится иметь дело с нормальными людьми, на которых острота зрения и второе зрение не оказывают никакого влияния. Это может означать несколько сцен конфликта со сверхъестественным, когда у охотника заканчиваются Убеждения, чтобы усилить свои силы. Или, может быть, его Осуждение сведено к нулю и поддерживается там искусственно.

- Расстройства характера персонажа должны играть важную роль в истории. Там могут быть сцены, в которых охотнику приходится

сопротивляться своему безумию, чтобы добиться успеха, а также сцены, в которых он должен добровольно принять их, но все же преуспеть, несмотря на свои беспорядочные действия.

• Каждое новое событие в истории должно сказываться на охотнике. Каждая сцена должна быть сопряжена с риском получения травмы, отказа со стороны союзников или потери Убежденности или Силы воли. Служителям нужно видеть страдания охотника, чтобы знать, что он может выстоять.

Испытание Ибрагима Насира - хороший пример такого рода истории. Его задача — освободить заключенного, которого считают жертвой сверхъестественного, — включает в себя множество различных задач — сражение, борьбу с бюрократией, расследование преступления и столкновения с другими одержимыми. Он жертвует своей преданностью Мусульманской федерации и другим охотникам и разыскивается за растрату. Он полагается на свои способности и второе зрение, когда ищет чудовищную вовлеченность, но вынужден обходиться без них, когда сражается с мирской оппозицией. И его прогресс осложняется его психической нестабильностью — тем самым источником вдохновения для его крестового похода, — что приводит его к организации побега из тюрьмы и преследованию со стороны закона.

Побуждая экстремиста к божественному суду, не бойтесь использовать Служителей и Покровителей охотника, чтобы давать подсказки, информацию и вдохновение. Даже если у персонажа нет рейтинга в Patron, он может получать больше сообщений, чем обычно. Считайте, что у охотника будет 2 покровителя на время действия этой истории. В конце концов, он находится под непосредственным наблюдением министра. Используйте это руководство свыше тонко. Игрок никогда не должен подозревать, что министры подставляют его персонажа. Вместо этого вы, как Рассказчик, просто создаете мучительную и сложную историю.

Например, персонаж, ненавидящий монстров, может услышать, как Служители говорят “КОРЕНЬ ВСЕГО ЗЛА”, когда он сталкивается с вампиром. Монстр опасен и коррумпирован, но не так силен, как следует из сообщения, хотя охотник этого не знает. Дальнейшие сообщения, такие как “ТЬМА СГУЩАЕТСЯ” или “МЕРТВЫЙ КОРОЛЬ ВОССТАЕТ”, усиливают впечатление, что это могущественное существо, ответственное за много зла, и что его уничтожение станет важной вехой в крестовом походе охотника. При таком поощрении охотник, скорее всего, пойдет на многое, если не на экстраординарные меры, чтобы найти вампира и разобраться с ним.

(Также помните, что не все охотники слышат Посланников — или Служителей - как громкие голоса. Некоторые видят видения, видят, как слова в газетах мгновенно меняются местами, их

посещают во сне “духовные наставники” и многими другими способами. Каким бы средством ни пользовались Служители, их советы могут быть использованы, чтобы побудить охотника пройти испытание. Она может получить видение заброшенной шахты и узнать, что в ней обитает злая сила, или обнаружить, что ее консультации с И-Цзин продолжают подталкивать ее к конфронтации с лидером местных пропитанных.)

Вы также можете влиять на персонажей других игроков, чтобы они участвовали в суде над экстремистом, используя министров. Даже если эти другие не имеют права на получение божественного преимущества, Служители все равно могут манипулировать ими. Если Власть Имушие хотят, чтобы другие проникнутые сотрудничали с выбранным ими субъектом, союзники могут получать те же сообщения, что и он, или, возможно, ободряющие, такие как “ДЕЛО ПРАВОЕ” или “В БЕЗУМИИ ЕСТЬ ПРАВДА”. Однако министры, скорее всего, натравят на экстремиста других охотников, так что ему придется доказывать свою состоятельность без посторонней помощи. Даже если союзники изначально сотрудничают с экстремистом, их можно легко побудить выступить против него с такими сообщениями, как “ОСТАНОВИТЕ БЕЗУМИЕ” или “РАЗРУШЕНИЕ БЕЗ ГРАНИЦ”, основываясь на сообщениях, которые вы передаете, вы можете вдохновить охотников на совместную работу — или организовать ситуацию, в которой экстремист и другие избранные вступают в драку. Однако не переусердствуйте с таким потусторонним вмешательством. Служители могут вдохновить выбранного субъекта на преодоление определенного препятствия, и они могут манипулировать другими охотниками, чтобы превратить их в препятствия, но служители не могут просто махать руками и создавать испытания, чтобы бросить их экстремисту. Вы также не должны брать на себя прямой контроль над чьим-либо характером. Будьте честны со своими игроками. Если вы этого не сделаете, они могут возмутиться тем, что их персонажи были реквизированы.

Предлагая Силу

Когда божественный кандидат продвинулся настолько далеко, насколько это было возможно, отказавшись от всего и продолжая упорствовать в своих поисках, к нему приходят Служители. Возможно, это произойдет, когда он наконец преуспеет в своей миссии, несмотря на все, чего ему стоил успех. Или же для охотника может оказаться действительно невозможным преуспеть в своих поисках, как бы он ни старался. В таком случае могли бы появиться министры, оказать ему помощь и, в конце концов, дать шанс на успех — но только в том случае, если бы он продолжал борьбу

самостоятельно, не заботясь о том, что он, возможно, не сможет победить.

Служители не обязательно приходят к охотнику в утонченной форме. Возможно, сейчас у них нет причин прятаться. То, как они появляются, варьируется от охотника к охотнику, в зависимости от того, что каждый может понять, точно так же, как намеки Посланников различны для каждого другого проникнутого. Избранный может слышать голос в своей голове, подобный голосу Посланников, только более громкий и мощный. На него может обрушиться поток видений, образов жертвоприношений и власти, искалеченных тел и горящих кустов. Благочестивый охотник может видеть ангелов, приходящих поприветствовать его, в то время как другому может присниться призрак его матери, говорящий ему, что он благословен.

Какую бы форму ни приняли Служители, послание, как правило, одно и то же. Охотник доказал свою ценность, показал, что он готов сделать все возможное для достижения своих целей. Служители готовы вознаградить его за самоотверженность — если он будет служить им напрямую. Если он примет их предложение, он получит огромную власть, но министры будут подталкивать его к достижению своих и их целей, к тому, чтобы он сыграл большую роль в исправлении дисбаланса между человеческим и сверхъестественным мирами. Власть имеет свою цену — министры ясно понимают это.

Независимо от того, примет охотник это предложение или нет, после пережитого испытания он оказывается в трудном положении. Персонаж, вероятно, сжег много мостов, потерял друзей и союзников и столкнулся с множеством юридических, финансовых и социальных проблем. Борьба с последствиями этого испытания может быть целой историей сама по себе, особенно если охотник отвергает предложение служителей. В качестве альтернативы персонаж может отвернуться от этих последствий и направить хронику в новом направлении. (Другие возможные пути экстремистов рассматриваются ниже в разделах “Власть развращает” и “Независимые”).

Выгоды

Когда ваш охотник проявит себя, он получит благословение божественных сил. Во многих отношениях он становится чем-то большим, чем человек, и больше, чем любой проникнутый. Сущности, стоящие за наполнением, направляют свою силу непосредственно через него.

Ваш персонаж получает следующие преимущества.

Край: Он проявляет божественный край пятого уровня. Его можно выбрать из приведенного ниже списка, или Рассказчик может придумать остроу, подходящую для

вашего персонажа. Сила должна соответствовать его личности и личной миссии (и в некоторой степени вероисповеданию). Например, Невинный вряд ли получит преимущество, ориентированное на бой, а Мститель может не получить преимущество, дающее видения и озарения. Помимо этого, кредо не обязательно имеет отношение к тому, каким мощным оружием может обладать божественный охотник. Рассказчик может решить наградить божественного экстремиста одной из граней пятого уровня, опубликованных в книге Охотника, но эти полномочия, как правило, являются прерогативой “независимых” экстремистов. По сути, они приобретаются путем обретения силы изнутри структуры, созданной Посланниками, а не извне, как это делают божественные экстремисты.

Божественный охотник может проявить только одно лезвие пятого уровня и никогда не сможет получить другое.

Покровитель: Ваш охотник получает статус Покровителя с рейтингом 5, постоянно. Ваш персонаж не слышит Вестников, как это делают другие охотники с таким опытом. Теперь он получает указания непосредственно от сил еще более великих. Думайте о Посланниках как о фильтре, который очищает голос этих сил. Без этого фильтра ваш персонаж получает указания непосредственно от источника. С этого момента это означает различные виды сенсорного ввода для персонажа. Руководство сил по-прежнему загадочно и запутанно, но оно сильнее и содержит больше информации. Помимо того, что охотник слышит голоса, он может видеть видения, разговаривать с силами в своих снах или просто знать все, что ему нужно. Конечно, это может означать, что силы напрямую приказывают вашему персонажу, говоря ему, что они хотят, чтобы он сделал. Хватит ли у него смелости бросить вызов своим хозяевам, когда они прикажут ему совершать поступки, которые он не может простить?

Аура: Присутствие божественного охотника электризует любого другого наделенного в непосредственной близости. Все охотники в радиусе 10 ярдов от вашего персонажа (за исключением “испорченных” охотников; см. “Сила развращает” ниже) получают сообщения и указания от Посланников, как если бы у них было 3 Покровителя. Персонажи, у которых уже есть 3 или более точек в Patron, замечают, что “громкость” Мессенджеров немного увеличена, что делает любые указания немного громче и настойчивее.

Получение таких сообщений в непосредственной близости от вашего персонажа может вызвать головокружение и сбить с толку других охотников. Это может быть похоже на повторное переживание процесса наполнения или на шквал выкрикиваемых инструкций. Но этот опыт также может дать столь необходимую информацию и помощь на охоте. Все охотники,

находящиеся поблизости от вашего персонажа, могут получать одну и ту же информацию или информацию от Посланников, у каждого персонажа может быть разный опыт, или разные персонажи могут интерпретировать одно и то же сообщение с разным значением. Другие охотники продолжают получать рейтинг покровителя до тех пор, пока они не отойдут более чем на 10 ярдов от вашего экстремиста. Осуждение: Если у вашего охотника начальный рейтинг осуждения равен 3 (который включает всех охотников, за исключением Мстителей, Мучеников и Заблудших), его рейтинг постоянно увеличивается до 4. Силы всегда рядом, направляя и помогая вашему персонажу, и их присутствие увеличивает его энергию для охоты.

Недостатки

Хотя божественный охотник невероятно силен, он платит высокую цену за эту мощь. Когда он позволяет божественным силам войти в него, это подобно электрическому току, который сжигает его изнутри. Силы дают ему ясность и сосредоточенность, облегчая большую часть безумия, от которого он страдал ранее. Но для того, чтобы “освободить место” для их влияния, божественное изменяет саму природу и личность вашего персонажа. Божественный охотник - это сосуд, подпитываемый священным пламенем, но это пламя сжигает многое из того, кем он когда-то был, чтобы сделать его достойным чемпионом.

Личность: Характер и Поведение вашего персонажа меняются на Автократа, Мечтателя или Фанатика. То есть Характер и Манера поведения становятся одинаковыми, и оба становятся одним из этих трех Архетипов. Если ваша охотничья натура уже была одной из таких, она может остаться прежней, а поведение измениться в соответствии с ней. Личность вашего персонажа подчинена высшим силам. Изменение характера и поведения не означает изменения главной цели вашего персонажа (при условии, что она еще не достигнута). Это просто означает, что он преследует эту цель по разным причинам и разными способами.

Расстройство: До сих пор у вашего охотника было несколько расстройств. Выберите тот, который наиболее важен для его личности и его цели. Это может быть первое, что он получил в 7 лет, или приобретенное позже, которое лучше всего определяет его цель и мировоззрение. Самым важным расстройством Кэрл Макинтайр является ее одержимость болезнью, хотя ее мировоззрение началось с ипохондрии. Ваш охотник избавлен от всех расстройств, которые у него есть, за исключением этой основной нестабильности. Божественное придает вашему персонажу новую ясность, сжигая безумие, которое так долго мучило его. Сейчас у него только одно расстройство, но его больше нельзя контролировать, затрачивая Силу Воли.

Человеческая личность не может противостоять силе божественного, не пострадав при этом. Ваш персонаж, когда-то способный сдерживать свое безумие одной лишь силой воли, больше не может бороться с силами, чтобы контролировать свою поврежденную психику. Вспышки его единственной болезни выходят из-под контроля.

Сила воли: Ваш охотник теперь сломленный человек, даже если он силен. Он редко черпает мужество или силу в повседневной жизни, только одерживая победы на охоте и подчиняясь приказам своих хозяев. С точки зрения игры, ваш персонаж больше не восстанавливает Силу воли во время простоя или после ночного сна. Его партитура не восстанавливается полностью между историями; она остается прежней. Он восстанавливает Силу воли, действуя в соответствии со своим общим Архетипом, и, возможно, для достижения вех в своих поисках, но он часто кажется невдохновленным и вялым по сравнению с другими, более здравомыслящими охотниками. Кроме того, постоянный рейтинг Силы воли вашего персонажа не может быть увеличен с помощью очков опыта. Она не может быть поднята выше, чем она есть, когда он обретает свое божественное преимущество.

Божественные Грани

Божественные грани сильно отличаются от “обычных” граней, проявляемых другими охотниками. Строго говоря, божественные грани - это вовсе не “грани”. Воздействие пропитанных - это силы, созданные для того, чтобы сдерживать хрупкие человеческие тела. Преимущество божественного охотника пятого уровня - это на самом деле грубая мощь самого божественного, направленная через охотника, который проверяет пределы человеческого потенциала. Все божественные края имеют следующие общие черты:

- Они не ограничены вероисповеданием или Добродетелью. Охотник может проявлять любые божественные качества, если это соответствует воле его благодетелей. (Однако он может обладать только одной силой в целом.) Божественные грани никогда не полагаются на какую-то конкретную Добродетель для своего воздействия. Они действуют, используя основную Добродетель персонажа, какой бы она ни была, которая оценивается в 10 баллов.

- Божественные грани почти всегда хорошо видны. Они могут проявляться во вспышках яркого белого света, вспышках энергии или ревущем пламени. Невозможно использовать его тонко или тайно. Они вызывают демонстрацию, которую замечают все, кто находится в непосредственной близости. Обычные люди все еще сбиты с толку и забывчивы после того, как стали свидетелями таких эффектов, но большинство охотников и сверхъестественных существ распознают и помнят результаты.

• Многие “нормальные” грани влияют на один вид существ — существ, или наделенных, или обычных людей. Божественные грани одинаково влияют на всех. Они не делают различий между целями. Лезвие, воздействующее на разум монстра, может сделать то же самое с охотником или обычным человеком. Некоторые божественные грани, такие как Кремация, могут влиять только на определенный вид существ, но эти ограничения обычно являются побочными эффектами основной цели грани (в случае Кремации - уничтожить все признаки и останки мертвых, чтобы они не могли быть использованы сверхъестественным).

• Активация Божественных граней стоит четыре убеждения, вместо двух, требуемых для большинства “стандартных” граней пятого уровня (которые доступны “независимым” экстремистам и указаны в своде правил Охотника и в различных книгах о символах веры).

Ниже приведены примеры божественных граней и то, на что они способны. Рассказчики должны чувствовать себя свободно, создавая больше способностей в соответствии со своей хроникой и персонажами игроков, используя эти грани в качестве ориентиров.

Кремировать

Возможно, величайший грех сверхъестественного заключается в том, что оно обмануло саму смерть. В чистой природе смерть - это конец и начало, часть непрерывного цикла. Сверхъестественные существа, такие как вампиры, призраки, зомби и некроманты, нарушают этот баланс и высмеивают естественный порядок вещей. Кремация предназначена для борьбы с таким богохульством, защиты тел и душ умерших и обеспечения соблюдения естественного цикла.

Охотница концентрируется, и из нее вырывается беззвучный взрыв света. Любое мертвое тело, находящееся поблизости от нее, мгновенно поглощается огнем и энергией, превращая труп в пепел. Все немертвые существа, попавшие в этот взрыв, также уничтожаются. И даже если они могут выстоять, их сжигают и калечат.

Система: Потратьте четыре Убеждения и увеличьте основную Добродетель + Силу вашего персонажа (сложность 6). Кремация влияет на любое мертвое тело в радиусе нескольких ярдов, равном успехам, достигнутым в вашем броске. Эти тела мгновенно сгорают дотла. Этот процесс настолько эффективен, что не оставляет никаких остатков — кости, зубы, одежда и кардиостимуляторы превращаются в пепел. Тепло, исходящее от тел, не поджигает окружающую среду. Кремация воздействует только на останки мертвых существ, животных и людей — она не поджигает древесину, хотя

древесина - это “мертвое тело” дерева. Как только тело поглощается, огонь гаснет.

Тела, уничтоженные кремацией, не могут быть воскрешены, реанимированы, вселены духами или затронуты каким-либо другим способом. Если труп человека будет уничтожен путем кремации, этот человек не воскреснет как призрак в будущем. И если тело умершего человека подвергается кремации после того, как он стал призраком, духу причиняется вред независимо от того, где он находится, как если бы он был подвержен силе лично (см. Ниже). Пепел, оставленный краем, не поддается судебно-медицинскому анализу. Никакие исследования или наука не в состоянии определить личность тела или даже то, что пепел когда-то был телом.

Если нежить — вампир, зомби или призрак — находится в радиусе Кремации, она получает количество уровней смертельного урона, равного успехам, достигнутым в вашем броске. Этот урон не может быть пропитан выносливостью или силой. Кремация поджигает саму сущность существа, а не только его плоть. Однако существо может сделать бросок Силы воли (сложность 8), чтобы уменьшить урон. Каждый успех уменьшает нанесенный ущерб на один уровень.

Кремирование можно использовать только один раз за сцену.

Денонсировать

Охотник, обладающий этой силой, может направить гнев божественного в одно слово или фразу — приговор, вынесенный человеку или существу, которое было признано недостойным. Сила этого слова разрывает на части само существо субъекта. Это не ранит и не ранит ее, но оставляет ее ослабленной и наказанной на всю оставшуюся жизнь. В отличие от большинства божественных граней, Denounce не создает демонстрации света или огня — просто слово, которое эхом, как гром, отдается в одной паре ушей.

То, какое слово используется с Осуждением, зависит от охотника. Это может быть шепот или крик, один слог или цепочка слов. Благочестивый охотник может воскликнуть: “Бог судит тебя!” или “Я изгоняю тебя!” Более замкнутый охотник мог бы просто прошептать “Гори” или “Увядай”. Охотник может использовать другое слово или фразу каждый раз, когда он использует Denounce. Что важно, так это его намерение ослабить объект своего гнева.

Система: Ваш персонаж произносит слово или фразу. Потратьте четыре Убеждения и увеличьте основную Добродетель вашего персонажа + Харизму (сложность 6). Денонсирование может повлиять на любую отдельную указанную цель, которая может услышать это слово. Край не влияет на глупые цели. Как и те, кто находится

слишком далеко, чтобы услышать это слово. (Эффект не может быть достигнут с помощью мегафона или громкоговорителя.) Необходимо, чтобы цель находилась в том же районе, что и охотник — слово не может быть передано по телефону, записано на пленку или воспроизведено искусственно. Если цель слышит слово, она может сопротивляться броском Силы воли (сложность 8). На других, кто слышит это слово, это не влияет — только тот, на кого нацелено, чувствует силу лезвия.

За каждый оставшийся успех вашего броска цель навсегда теряет очко характеристики. Осуждение может повлиять на Атрибуты, Способности и постоянную Силу Воли цели. Игрок сам решает, какие черты характера будут затронуты. Ваш персонаж должен знать, что цель обладает определенной чертой, чтобы повлиять на нее, поэтому способности могут быть затронуты только в том случае, если охотник обладает некоторыми знаниями о возможностях цели. Атрибуты и Сила воли могут быть уменьшены как минимум до 1, в то время как Способности могут быть уменьшены до нуля — эффективно уничтожая способность цели использовать талант, умение или знания навсегда. (Опыт не может быть потрачен на восстановление потерянных очков любого рода).

Направлять огромную божественную силу — это больше, чем может вынести смертное тело. После использования Денонсирования ваш охотник получает смертельный урон, который не может быть восстановлен. Денонсирование можно использовать только один раз для каждой сцены, и он может повлиять на заданную цель только один раз. Если цель потеряла какие-либо уровни черт, чтобы Осудить — когда-либо — любая попытка использовать преимущество на нем во второй раз терпит неудачу. Однако охотник может продолжать использовать острие на данной цели, если предыдущие попытки не привели к удалению каких-либо признаков у предполагаемой жертвы.

Наделение

Больше, чем любое другое божественное преимущество, эта способность прислушивается к героям древнего прошлого — блистательным воинам света, обладающим устрашающей силой. Окруженный сверкающим ореолом света и тепла, охотник наделен огромной физической силой и величием, которое вселяет страх и благоговение в сердца как друзей, так и врагов.

Система: Потратьте четыре Убеждения и сделайте бросок основной Добродетели + Выносливости вашего персонажа (сложность 7). Успехи в этом броске улучшают другие броски и возможности. Убежденность может быть поставлена под угрозу при этом броске по краю, но не при любых бросках, усиленных этой силой.

Полученные результаты применяются ко всем следующим приложениям:

- Успехи добавляются в виде кубиков в призовой фонд вашего охотника. Если нанесен смертельный урон, эти дополнительные кости можно бросить, чтобы погасить этот урон.

- Успехи добавляются к накопленному урону при проведении атак в ближнем бою или драке. Тип урона, обычно наносимого при атаке, не меняется — например, удар кулаком или смертельный удар ножом. Этот эффект нельзя комбинировать с эффектами Расщепления — ваш охотник должен использовать одно или другое лезвие.

- Успехи добавляются в пул любого социального списка, используемого для запугивания, впечатления или командования другими. Воле вашего охотника просто трудно сопротивляться. Такие усилия работают на обычных людях, других охотниках и сверхъестественных существах.

Успехи от вашего броска Добродетель + Выносливость применяются в равной степени ко всем вышеперечисленным преимуществам, а не распределяются или делятся между ними. Также важно отметить, что успехи добавляются в виде кубиков, а не автоматически. Ореол света, создаваемый Infuse, недостаточно ярок, чтобы ослепить противников, но он достаточно ярок, чтобы его можно было заметить даже при прямом солнечном свете. Настаивание может быть использовано один раз за сцену и длится в течение нескольких минут, равных количеству пройденных успехов. Если ваш охотник выведен из строя, действие лезвия прекращается. Эффект также может быть прекращен преждевременно, если ваш персонаж пожелает.

Власть Развращает

В своем неустанном стремлении к главным целям экстремисты постоянно сталкиваются с противодействием и препятствиями. Некоторые из этих проблем можно преодолеть довольно легко, например, смиренные существа, которые не осознают опасности, которую представляют экстремисты. Некоторое сопротивление устрашает, но его можно победить ценой усилий и потерь. И некоторые препятствия могут показаться непреодолимыми, которые можно преодолеть только с величайшими усилиями и целеустремленностью. Независимо от их масштаба, эти отвлекающие факторы замедляют охотника и мешают ему достичь своих целей — единственных желаний, которые больше придают смысл его существованию. Если бы только у охотника был другой способ или полезный инструмент.

Некоторые экстремисты слышат шепот среди гула Глашатаев. Некоторые видят сны во время редкого спокойного ночного сна. Некоторые

слышат настойчивый голос, зовущий их в жестокой битве. Откуда бы ни исходило сообщение, как бы оно ни было сформулировано, оно всегда говорит одно и то же: если вам нужна сила, вы можете ее получить. И если охотник соглашается, если он выбирает легкий путь, если он принимает подношение, ему даруется сила. И он навсегда потерял.

В отличие от получения божественного или независимого преимущества пятого уровня, получение коррумпированной силы не требует никаких усилий или жертв, никаких душевных страданий. Однако для этого нужен охотник, готовый встретить дьявола на полпути — тот, кто (на каком-то уровне) уже коррумпирован, уже гниет по краям. Охотник, который мало заботится о других, который готов топтать людей ногами, чтобы получить то, что он хочет, который хочет заставить своих врагов съесть 10 фунтов дерьма, прежде чем они умрут, или который просто жаждет немедленных результатов и не заботится о том, как они достигаются. Только такой охотник готов заключить сделку с дьяволом, чтобы получить то, что он хочет — или в чем нуждается.

Все, что нужно сделать охотнику, - это обдумать предложение и не задавать слишком много вопросов о том, кто или что его делает. Все, что ему нужно сделать, это принять сделку, не беспокоясь об условиях. Внезапно он получает преимущество пятого уровня - мощную способность, не похожую на способности других охотников. Получить коррумпированное преимущество сравнительно легко. Тяжело то, что происходит после того, как ваш персонаж получает это.

Отравленная чаша

Охотник, получивший преимущество коррумпированного пятого уровня, должен иметь 10 в своей основной Добродетели, может принадлежать к любому вероисповеданию и должен иметь преимущество четвертого уровня своего пути вероисповедания.

Этот прогресс в силе делает его восприимчивым к тому, что могут предложить демоны. Можно было бы подумать, что с такой силой придет соразмерная мудрость, и все же охотник, который принимает приглашение тьмы, совершает немислимое. Он позволяет первобытной, бестелесной силе зла проникнуть в его душу. Захватчик — назовите его демоном, дьяволом или злым духом, все они применимы - не может заставить охотника подчиняться его командам. Ещё нет. Но это проникает в его разум — мольба, уговоры, угрозы. Монстр может говорить ясно или общаться в видениях или снах. Может быть, он даже остается скрытым, чтобы охотник никогда не понял, что он одержим, но как ни крути, экстремист продал свою душу. Да, обладатель позволяет охотнику использовать свою силу, чтобы сразить ужасных

сущностей, которых может видеть хозяин. Но взамен он просит об одолжении. Сначала просто небольшое одолжение, а потом и более серьезное.

Чтобы продолжать пользоваться силой демона, охотник должен соответствовать его требованиям. Сначала эти требования незначительны — демон может попросить охотника убить определенное существо, угрожать, но не причинять вреда оккультисту, забрать старую книгу и отдать ее другому человеку. Такие задачи кажутся безобидными, и, возможно, так оно и есть, но они все равно являются ловушкой. Вскоре демон требует, чтобы охотник совершил поступок, который он считает морально отвратительным — убил несчастного человека или сжег больницу. В зависимости от характера владения охотником персонаж может даже не осознавать, что ему приказывают. Демон может посылать ему сны или видения, в которых он снова и снова совершает ужасные поступки — пока охотник, наконец, не разыгрывает свои кошмары в попытке потакать или изгнать нечистую силу из своих фантазий.

Эти действия способствуют неизвестным планам демона, но они также разрушают сопротивление охотника, медленно развращая его до такой степени, что он больше не колеблется совершать зверства для своего хозяина. В конце концов, экстремист либо ослабевает от сопротивления приказам демона, либо настолько унижается, что едва ли становится человеком. В любом случае, демон делает свою игру. Он пытается изгнать душу охотника и полностью овладеть экстремистом, получив тело и способность действовать непосредственно в мире. Именно тогда темные силы одержали очередную победу над божественным и украли еще одного чемпиона у Сильных Мира сего, как это было сделано в прошлые века.

Удачливому, решительному охотнику, заключившему сделку, может хватить сил пустить пулю себе в голову, прежде чем он окончательно упадет. Более слабый экстремист становится одной из тех самых вещей, с которыми он когда-то боролся.

Рассказчик: Изображая Коррупционеров

Как и в случае с божественным краем, это ваш выбор относительно того, может ли экстремистский персонаж получить коррумпированное преимущество. С коррупцией связано меньше работы, потому что вам не нужно придумывать историю о испытаниях или испытаниях персонажа. Вместо этого вам просто нужно немного подумать о том, чего хочет коррупционер, и как он пытается подтолкнуть охотника к этой цели после того, как персонаж получил силу, которой он жаждет.

Предложение

Темная сила, которая искушает охотника, - это не то же самое, что Служители, но у нее больше общего с ними, чем с человечеством. Это существо - древний злой дух, который делает мир и человечество своей игрушкой, как это было много веков назад. Существо использует свою близость к миру и его обитателям, чтобы узурпировать "связь" между Посланниками и охотником, позволяя ему предлагать персонажу руководство и силу в обмен на услуги и якорь в реальности.

Когда демон замечает могущественного охотника и пытается развратить его, он тщательно планирует свое приближение. Даже самый безумный, униженный или отчаявшийся охотник не реагирует положительно на открытое предложение власти от злой сущности, поэтому коррупционер обычно маскируется. Некоторые имитируют Посланников, говоря непосредственно в разум охотника. Они бросают загадочные намеки, такие как "ЕСТЬ БОЛЕЕ ПРОСТОЙ СПОСОБ" или "ПОМОЩЬ В ПРЕДЕЛАХ ДОСЯГАЕМОСТИ", предлагая помощь или результаты. Более тонкий способ может заключаться в том, чтобы появляться во сне или имитировать голос надежного союзника или любимого человека. Демон обладает некоторой способностью читать мысли охотника, даже на этой ранней стадии, поэтому он может адаптировать свой подход к уязвимым местам экстремиста. Oracle171 - коррумпированный экстремист. Когда-то она думала, что Посланники - это ее отец, говорящий как ангел, поэтому демон, который вселился в нее, появился как второй, более мудрый ангел, форма, которой она была предрасположена доверять, а затем повиноваться.

Средства, используемые для установления контакта, также зависят от способности демона общаться с охотником. Дух может быть неспособен говорить способами, понятными людям, поэтому существо может приблизиться к охотнику в видениях, приливах эмоций или просто вложив знания непосредственно в его разум. Не все демоны могут общаться простыми и прямыми способами, поэтому не стесняйтесь придумывать творческие способы взаимодействия с охотником. Возможно, персонаж получает электронные письма, которые не исходят ни от одного существующего интернет-провайдера. Возможно, он начинает верить, что его собака нашептывает ему секреты.

Если охотник игнорирует какие-либо предложения или отказывается их принимать, демон может сократить свои потери или упорствовать. Дальнейшие предложения могут быть более настойчивыми, более убедительными или, возможно, просто более своевременными. Охотник с большей вероятностью откликнется на приглашение власти в кризисной ситуации, чем

когда он чувствует себя непринужденно. В конце концов, даже самый упорный коррупционер сдастся, если охотник отказывается от всех предложений. Однако многие проникнутые в конечном итоге принимают это предложение. Требования охоты слишком велики, чтобы их можно было выполнить без посторонней помощи, и эти избранные не обязательно осознают, что обрекают себя на гибель.

Услуга за услугу

Как только охотник принимает предложение демона и использует предложенное преимущество, демон может занять паразитическую "резиденцию" в разуме и душе охотника. "Я" демона — основная часть его сущности — остается отдельно от охотника, где-то в другом месте мира. Это означает, что убийство охотника не убивает демона. Это может ослабить существо на мгновение, но не более того. Аналогично, демон замолкает и не знает о действиях хозяина, когда охотник активирует второе зрение, но он может общаться с одержимым и восстанавливать его сознание, как только зрение пропадает.

Поселившись, демон, вероятно, продолжает общаться с охотником в том же стиле, в каком он делал свое первоначальное предложение. Возможно, это потому, что он не может общаться другим способом (некоторые демоны настолько чужды, что слова и язык являются чуждыми понятиями). Но даже демоны с адаптируемыми коммуникативными способностями, вероятно, продолжают использовать одни и те же средства взаимодействия — и ту же ложь, рассказанную об их истинной природе, — потому что охотник может в конце концов сопротивляться, если ему скажут правду. Выбор зависит от того, как, по мнению коррупционера, охотник отреагирует на правду. Прагматичный, униженный экстремист вроде Rigger111 мог бы спокойно воспринять это откровение, не заботясь о своем проклятии. Более чувствительную охотницу, такую как Oracle171, нужно нянчить и защищать от правды, иначе она может восстать против своего соавтора.

Как бы демон ни проявлял себя и ни общался со своим слугой, вскоре он начинает подталкивать охотника следовать его плану и работать над достижением его целей. Условия этих отношений просты. Демон будет приказывать, предлагать или умолять охотника выполнить задание, простое или сложное. Если охотник не сотрудничает, демон отказывается от своей помощи, и охотник не может проявить свое преимущество пятого уровня. Как и любой экстремист, преследующий навязчивые идеи и преследующий цели на охоте, охотник по-прежнему сталкивается с трудностями на своем пути. Если он делает то, что просит демон, коррупционер вносит свой вклад, чтобы помочь экстремисту реализовать его планы.

Вполне возможно, что хитрый демон мог бы достичь и поддерживать эти отношения без того, чтобы охотник даже не знал, что он одержим или используется. Охотник может просто испытывать побуждения или импульсы к совершению ужасных поступков — побуждения, которые сопровождаются мощными инстинктами и вспышками вдохновения, помогающие ему достичь своих целей. Если он борется с этими побуждениями, его чувства и инстинкты покидают его — только для того, чтобы вернуться, когда он сдастся. Вероятно, пройдет совсем немного времени, прежде чем экстремист станет зависимым от даров, которые он иногда проявляет, и демон сможет наблюдать, как охотник развращает себя.

Это соглашение “Услуга за услугу” продолжается до тех пор, пока любая из сторон не получит все, что хочет, — в этот момент демон набрасывается на своего слугу и пытается уничтожить его душу и завладеть его телом (см. “Конец строки” ниже).

Какие планы у демона? Большинство из них хотят каким-то образом увеличить свою базу власти на Земле — привлечь последователей, уничтожить своих врагов, получить реликвии силы или тома оккультных знаний. Истинная сущность развращающего может содержаться в каком-то объекте, и получение контроля над этим объектом может быть основной целью демона. Более того, дьяволы — это создания чистого зла; они существуют для того, чтобы разрушать и развращать. Некоторые просьбы зверя могут не способствовать его намерениям напрямую, но он все равно может наслаждаться ужасом, вызванным тем, что его охотник убивает ничего не подозревающих людей или вмешивается в усилия неповрежденных пропитанных.

Когда вы решаете, что делать с вашим демоном, делайте это просто. Он хочет, чтобы определенный объект, определенный человек умер или определенное правительство было установлено. Конечная цель должна быть труднодостижимой, но не невозможной. Эта цель также должна быть в достаточной степени совместима с главной целью охотника, чтобы обе цели можно было преследовать одновременно. Хорошим примером является желание Джона Коулера убить охотников, которые, по его мнению, бросили его, что также удобно устраняет угрозы его демоническому хозяину. Дьявол, вселившийся в нашего одержимого болезнью охотника, может помочь ей уничтожить чумные ямы Лондона — массовые захоронения времен Черной чумы. Это просто счастливое совпадение, что ямы являются укрытием адского соперника демона.

Придумайте несколько действий, которые демону нужно, чтобы охотник совершил, чтобы достичь цели существа, и несколько, которые просто для смеха и смеха, например, убийство обычных людей. Последние “маленькие” зверства

служат двойной цели: они потворствуют ненависти демона к человечеству и ослабляют сопротивление охотника попыткам владельца взять власть в свои руки.

Выгоды

Преимущество: Охотник получает преимущество пятого уровня. Его можно выбрать из приведенного ниже списка, или Рассказчик может придумать остроту, подходящую для вашего персонажа. Выбор края должен отражать личность и методы персонажа. Это может иметь положительное применение, если охотник не знает, что он одержим, или это может иметь разрушительные последствия, если одержимый погрязнет в договоре, который он заключил. Первичная добродетель и кредо не имеют никакого отношения к тому, какую infernalную грань может получить персонаж. Действительно, Рассказчик мог бы вместо этого принять решение присудить коррумпированному экстремисту соответствующую награду пятого уровня, опубликованную в книге Охотника. Однако эти силы, как правило, являются прерогативой “независимых” экстремистов. По сути, они приобретаются путем получения силы изнутри структуры, созданной Посланниками, а не извне, как это делают адские экстремисты.

Коррумпированный охотник может проявить только одно преимущество пятого уровня и никогда не сможет получить другое.

Покровитель: Ваш персонаж получает статус Покровителя с рейтингом 5 на постоянной основе. Демон постоянно снабжает его приказами и информацией. Если у персонажа были точки в Патроне до его владения, они заменяются его новым рейтингом. Посланники больше не могут связаться с охотником со своими подсказками и тайнами. Он получает информацию только от своего коррупционера, и у него есть свой собственный стиль общения, голос и повестка дня. Демон может и не открыть охотнику, что человек рядом с ним в поезде — зомби, но он может сказать ему, что предполагаемая добыча разговаривает по мобильному телефону на следующей остановке. Демон может общаться в видениях, подражая Вестникам, в разговорном тоне или на архаичной речи. Это может дать ясную и более непосредственную полезную информацию, чем когда-либо делали Посланники, но только дурак забывает, что у демона есть своя цель и причины делиться (предполагая, что экстремист даже знает, что он одержим).

Недостатки

Порок: Принятие власти коррупционера отделяет экстремиста от его соратников — даже больше, чем он был раньше. Для других избранных ваш персонаж больше не является

одним из них. Он сам монстр. Коррумпированный охотник регистрируется как “неправильный” для второго зрения, и такие наблюдательные элементы, как Witness и Illuminate, могут указывать на то, что он каким-то образом запятнан или пал. Может показаться, что тьма постоянно окутывает его. Он может отбрасывать тень с крыльями или нечеловеческой формой. Более того, экстремист теперь подвержен влиянию граней, которые влияют на существ. Охотники могут, скажем, спрятаться от экстремиста, используя Шкуру, или сдержать его, используя Защиту.

Это постоянные изменения, и они применяются, даже если экстремист не проявляет свою демоническую сущность в любой момент времени. Даже если охотнику каким-то образом удастся изгнать демона из своей души, он все равно будет запятнан до конца своих дней (и, возможно, после).

Отвращение: Контакт с демоном - это больше, чем может вынести любая человеческая душа. Слушание голоса демона или попадание под его влияние может вызвать у охотника чувство тошноты и насилия — или, что еще хуже, может усилить тьму в душе охотника. В любой сцене, в которой ваш персонаж активно взаимодействует со своим демоном-обладателем (принимает приказы, задает ему вопросы, прислушивается к его советам) или использует свое коррумпированное преимущество, бросьте Силу воли. Сложность начинается с 7 и может быть выше в зависимости от того, какие ужасные действия совершает ваш охотник. Рассказчик определяет окончательный номер. При успешном броске вашему персонажу удастся немного дольше переносить ужас присутствия демона. При неудачном броске он теряет очко Силы Воли. В случае неудачи охотник теряет постоянное очко Силы Воли.

Второе зрение и грани: Ваш персонаж больше не связан с Посланниками. Он больше не получает их намеков или видений, которые направляли бы его на охоту. Однако он все еще способен проявлять те качества, которые были у него до того, как он стал испорченным. Он также может активировать второе зрение. Когда второе зрение активировано, его демон замолкает и не знает, что персонаж думает, видит или делает в данный момент. Защита зрения временно разрывает связь разрушителя с душой охотника. Но если охотник проявляет свое искаженное преимущество, пока второе зрение активно, прицел мгновенно заканчивается и может быть повторно активирован только по истечении срока действия преимущества. Аналогично, активация второго зрения при активном демоническом острие мгновенно приводит к его прекращению. В любом случае вам придется потратить Убеждение, чтобы впоследствии повторно активировать прерванный прицел или питание. Помимо этих изменений, второе зрение

вашего охотника функционирует так же, как и до его падения.

Коррупция: Самым большим недостатком вашего договора охотника является, конечно, постоянное искушение следовать советам своего демона, что в конечном итоге приводит к его уничтожению. Его демон, возможно, никогда не признает, что это работает с этой целью, но разве это не классический момент для всех сделок с дьяволом? Когда постоянный рейтинг силы воли вашего персонажа достигает нуля (см. “Отвращение” выше), он постоянно одержим демоном. Его душа уничтожена.

По мере того, как разворачивается внутренняя борьба вашего персонажа, смиряется ли он с проклятием или борется за то, чтобы сохранить то немногое, что от него осталось? Стремится ли он оставаться чистым, полагаясь на силу демона только во времена крайней опасности, а потом наказывает себя за свою слабость? Или он приходит к пониманию своей уязвимости, возможно, даже наслаждаясь свободой нарушать закон и бросать вызов морали? Станет ли ваш персонаж монстром или каким-то образом спасется до своего окончательного краха? Такова задача игры в коррумпированного охотника.

Что произойдет с вашим персонажем, если и когда он проиграет свою борьбу, зависит от вашего Рассказчика. Он может стать собственностью Рассказчика; антагонистом, которого другие охотники могут преследовать и сражаться. Он мог бы стать одним из неисправимых проклятых, которого можно было бы сыграть в качестве врага в Demon: The Fallen. Или же адский дух, вселившийся в тело вашего персонажа, может погрузиться в реальность человеческого бытия и искать покаяния за свои грехи, став играбельным демоническим персонажем. Все зависит от того, куда движется ваша хроника и какие направления ваша труппа заинтересована исследовать.

Поврежденные края

Поврежденные края еще меньше похожи на “нормальные” края, чем на божественные. Коррумпированные грани совершенно чужды, продукт демона, направляющего свои коррумпированные силы через вашего охотника. Эти края часто имеют чудовищные, причудливые эффекты. Поврежденные ребра имеют следующие общие черты:

- Как и божественные грани, силы тьмы не ограничены вероисповеданием или Добродетелью. Охотник может проявить любую одну искаженную грань, если существо внутри него способно произвести такой эффект. Броски по краю всегда основаны на основной добродетели вашего персонажа и его 10-балльной оценке.

- Поврежденный край может позволить вашему охотнику совершать подвиги, недоступные большинству обычных краев — изменять форму, воскрешать мертвых, искажать реальность и выходить за пределы материального мира. Однако создавать тонкие эффекты с помощью этих способностей довольно сложно. Это кувалды, а не скальпели.

- Вид коррумпированного эджа в действии обычно пугает и сбивает с толку обычных людей, а также охотников, не защищенных вторым зрением. Механический результат тот же, что и для путаницы, вызванной способностями некоторых монстров. Свидетели коррупционных преступлений испытывают страх, отвращение и головокружительный ужас.

- Как и божественные грани, коррумпированные грани редко избирательны в выборе своих целей. В то время как обычное острие может воздействовать только на существ, оставляя нетронутыми охотников и смертных, поврежденное острие обычно действует на любого или что-либо поблизости.

- Из-за своей универсальности и чуждой природы corrupt edges активация обходится в четыре раза дороже, чем в два.

Ниже приведены некоторые возможные поврежденные края. Рассказчик может создать уникальную историю для вашего персонажа, основываясь на этих примерах.

Канал

Всем нам знаком образ классического “демона” — кошмарного чудовища с когтями и рогами, крыльями и чешуей. Благодаря силе своего темного хозяина продажный охотник может стать таким существом, фактически меняя форму на короткое время, чтобы принять форму дьявола.

Когда экстремист преображается, на него страшно смотреть. Из его чешуйчатой кожи вырываются шипы, из кончиков пальцев появляются когти длиной в дюйм, а из спины вырастают крылья, похожие на крылья летучей мыши. Охотник деформирован так, что мало похож на человека. Он - чудовище. Охотник также является машиной для убийства — сильнее и быстрее, чем это возможно для человека, способной кромсать плоть когтями и клыками, а кожа похожа на броню.

Система: Тратит четыре Убеждения и бросает основную Добродетель вашего персонажа + Остроумие (сложность 7). Если бросок пройдет успешно, ваш охотник превратится в демоническое существо. Это реальная физическая трансформация, которая очевидна и пугает любого, кто находится поблизости. Одежда рвется и рвется, появляются крылья, оружие невозможно держать в деформированных руках. Инфернальная форма сохраняется в течение количества ходов, равного

успехам, достигнутым вами в вашем броске, хотя она может быть отменена преждевременно, если персонаж выберет. По истечении этого времени охотник возвращается в свое обычное состояние. Канал может быть использован только один раз для каждой сцены и требует полного выполнения действия; при преобразовании не допускается выполнение нескольких действий.

Охотник получает следующие преимущества, находясь в демонической форме.

- Общие успехи, которые вы получили, добавляются в качестве бонусных очков к физическим характеристикам вашего персонажа. Каждый использованный успех повышает Атрибут на одно очко, до максимального общего значения 7. Вы сами выбираете, какие атрибуты будут повышены, и они могут отличаться каждый раз, когда ваш персонаж использует это преимущество. Если вы наберете шесть успехов в броске, вы можете повысить каждый физический атрибут на две точки. Если вы снова добьетесь шести успехов в другой раз, вы можете улучшить Ловкость вашего персонажа на четыре и его Выносливость на два, оставив его Силу неизменной.

- Ваш персонаж может наносить как сокрушительный, так и смертельный урон с помощью своего рейтинга выносливости. Если его выносливость была улучшена в результате изменения, он поглощает урон, используя свой новый рейтинг.

- Когти и клыки вашего персонажа похожи на ножи, нанося смертельный урон +2 к силе. Бросок ловкости + Драка, чтобы нанести удар этим оружием.

- Шипы, растущие из кожи вашего персонажа, наносят урон любому, кто прикасается к нему или нападает на него безоружным. Любой, кто ударит охотника таким образом, получит два кубика смертельного урона.

- Используя свои крылья, ваш персонаж может летать со скоростью, равной его обычной скорости бега. Если метаморфоза улучшила его ловкость, пересчитайте его скорость, используя его новый рейтинг.

Находясь в демонической форме, ваш охотник не может говорить или эффективно общаться. Это смертоносная форма, плохо подходящая ни для чего, кроме разрушения. Если охотник становится недееспособным, действие лезвия прекращается, и он возвращается к своей обычной форме.

Увлечь

Охотник может влиять на умы людей и даже монстров, используя сладкие слова и страстную речь. Это не телепатия или контроль над разумом (не совсем). Охотник становится настолько харизматичным в глазах своей аудитории, что участники будут делать все, что он попросит.

Под влиянием Увлечения люди соглашаются создавать культы, свергать правительства или даже приносить в жертву своих близких по прихоти охотника. Сверхъестественные существа немного более устойчивы к краю.

Система: Охотник обращается к цели или группе целей. Он должен говорить не менее минуты, так что эта сила не может быть использована в бою. Одновременно может быть затронуто несколько целей, вплоть до манипуляций охотника.

Если слушает больше людей, охотник решает, кто из них пострадал. Объекты должны находиться в физическом присутствии вашего персонажа; он не может быть показан по телевизору или записан.

Потратьте четыре Убеждения и бросьте основную Добродетель вашего персонажа + Манипулирование (сложность 7). Цели сопротивляются броском силы воли (сложность 8 для людей и охотников, 6 для монстров; один бросок может быть сделан для всех членов группы или Рассказчик может сделать бросок для каждого предмета индивидуально, по своему выбору). Если испытуемые не добиваются больших успехов, чем вы, они считают вашего персонажа мудрым и замечательным человеком, которому следует повиноваться или даже поклоняться.

Эффекты грани действуют неопределенно долго (хотя ваш персонаж может полностью отменить их в любое время по своему желанию). Пострадавшие субъекты продолжают почитать охотника, пока он недееспособен, и даже после его смерти, возводя его в статус мессии, который смотрит с Небес на своих преданных последователей. Субъекты могут в конечном итоге преодолеть последствия Увлечения, если охотник заставляет их действовать вопреки их природе или личному благополучию. Рассказчик сам решает, какие действия могут вызвать у субъекта бунт. Пожертвование своей семьей, пренебрежение религиозными убеждениями или демонстрация испорченной природы охотника - все это может быть квалифицировано. Колеблющиеся последователи получают еще один шанс сопротивляться с новым броском Силы воли и могут добавить успехи, достигнутые к любому броску в предыдущих попытках убежать. Когда накопленные успехи, наконец, превышают те, которые вы получили при первоначальном броске edge, субъект сбрасывает эффекты Enthral. Ваш персонаж не может снова использовать это преимущество на последователе, пока он или она не вырвутся на свободу, хотя маловероятно, что многие из них бросят вызов его воле, если он будет осторожен, чтобы не толкать их слишком далеко.

Рассказчик может решить, что особо могущественные или древние монстры особенно устойчивы к Захвату и делают броски Силы Воли против сложности ниже 6, или что они получают

один или несколько автоматических успехов в броске.

Охотники с активной Убежденностью не подвержены влиянию Увлечения, но могут быть промыты мозгами, как и любому другому нормальному человеку, когда их второе зрение неактивно. Если охотник пленен и позже активизирует второе зрение, захват Entrall может быть полностью ослаблен или персонаж может восстановить контроль только на время сцены, после чего послушание восстанавливается. Рассказчик решает, сможет ли последующее использование второго зрения разрушить Очарование.

Это ребро можно использовать только один раз за сцену.

Транспорт

Несмотря на все силы наделенных, они являются существами этого мира, этой реальности. Некоторые видели намеки на то, что существуют потусторонние миры, уровни существования, невидимые для реальности, но все, что они получают, — это проблески. Охотник с Transportом видит больше, чем проблески. Он может протянуть руку и прикоснуться к ткани другого пространства. Действительно, он может разорвать его и открыть туннель.

Невидимый человеческому глазу дверной проем на мгновение остается открытым, достаточно долго, чтобы персонаж успел проскользнуть внутрь, прежде чем дверь за ним закроется. В этом чужом пространстве время и расстояние мало что значат, и охотник подвергается бомбардировке непонятными раздражителями. Двигаясь по “туннелю” в этом пространстве, охотник выходит с другого конца — в сотнях ярдов от того места, где он вошел.

Система: Потратьте четыре Убеждения и увеличьте основную Добродетель вашего персонажа + Остроумие (сложность 7). Если бросок проходит успешно, на мгновение открываются невидимые врата и окутывают его. Охотники с активным вторым зрением видят краткий проблеск зазубренной дыры в пространстве, заполненной бурлящей энергией и облаками черного света. Для любого другого свидетеля это выглядит так, как будто ваш персонаж просто исчезает.

В следующем повороте ваш охотник снова появляется на некотором расстоянии от своей первоначальной позиции. Стены и препятствия бессмысленны. При использовании транспорта персонаж перемещается за пределы реального мира. Единственное, что может помешать путешествию вашего персонажа, - это Приостановка, край Искупителя пятого уровня (Охотник, стр. 154), который блокирует движение за пределы этого уровня реальности.

Пройденное расстояние зависит от вашего броска — до 100 ярдов за каждый достигнутый

успех. Ваш охотник за персонажами может “целиться” в любую цель, которую он видит, инстинктивно зная, как далеко может простираться острие при его активации. Охотник также может появиться в месте назначения, которое он не может видеть, пока его наставник-демон может чувствовать местоположение и управлять эффектами грани (что решает Рассказчик). Опасности повторного появления внутри твердых предметов нет; адский проводник вашего охотника позаботится об этом. Если он захочет, ваш персонаж может пройти меньшее расстояние, чем предполагают ваши успехи.

Перемещение по чужеродному пространству туннеля - это травмирующий и тревожный опыт. Первое использование края в сцене требует броска Силы воли, как обычно, чтобы проверить “отвращение” от проклятия вашего персонажа (см. стр. 111). Каждое последующее использование ребра в одной и той же сцене увеличивает сложность броска Силы воли на единицу. Охотник, который сильно полагается на свое острие, вскоре рушится от напряжения, видя то, что люди не способны понять, и он быстро впадает в абсолютную коррупцию со стороны своего наставника.

Никакие другие люди, охотники или монстры не могут быть взяты с вашим персонажем, когда он путешествует.

Независимые

Не каждый экстремист слышит шепот божественных или темных сил. И некоторые, кого соблазняют эти сущности, умудряются сопротивляться предложениям власти. Для любого вида охотников есть другой путь — их собственный.

По своей сути, наделенные ограниченными возможностями. Были установлены преднамеренные блоки, чтобы помешать им достичь самых мощных краев. Но несколько преданных, глубоко безумных охотников невольно обнаруживают, что эти границы не являются непреодолимыми. Прилагая огромные усилия и самоотверженность, с которыми не справился бы ни один здравомыслящий человек, некоторые экстремистские охотники преодолевают свои ограничения и достигают вершины власти — пятого уровня своих убеждений.

Такая мощь дается дорогой, ужасной ценой. Усилие, необходимое для преодоления барьера, наложенного на Хай, разрушает и без того раздробленную личность охотника. Когда-то она была нормальным человеком. Со временем, по мере того как ее Добродетели возрастали, она становилась все более неуравновешенной. Однако, когда она получает преимущество пятого уровня, ваш персонаж вообще едва ли

думает или действует как человек. Все, чем она является, каждая ее мысль целиком и полностью подчинена ее личному мировоззрению и главной цели. Она больше не может контролировать безумие, с которым так долго боролась. И большую часть времени у нее нет никакого желания это делать.

Независимый экстремист - это уже не обычный человек, это сила природы. В то время как божественные и продажные охотники претерпевают свои собственные личностные изменения, эти изменения могут быть не такими экстремальными или неконтролируемыми, как те, от которых страдают так называемые “независимые” экстремисты - охотники, достигающие пятого уровня благодаря собственной силе воли.

Живи Свободным Или Умри

К некоторым независимым экстремистам никогда не обращаются ни коррумпированные, ни божественные силы. Скорее, они трудятся в изоляции, прежде чем прорваться к новому состоянию. Возможно, они работают скрытно на протяжении всего своего насыщенного существования и не привлекают к себе никакого внимания. Может быть, они так настойчиво борются за свою “карьеру”, что космические силы интуитивно чувствуют тщетность попыток привлечь этих людей. Однако такие “нетронутые” экстремисты встречаются редко. К большинству потенциальных независимых в какой-то момент обращаются Сверху или Снизу — и отвергают любые предложения помощи или обещания власти.

Что заставляет кого-то отвергать любую помощь, предпочитая следовать своей мечте в одиночку? Почему экстремистка отказывается от сделок как божественных, так и продажных и обрекает себя на одинокую борьбу? Представьте, что вы посвятили себя какому-то проекту (например, строительству дома). Вы сами спроектировали дом, составили планы и получили разрешения. Этот дом значит для вас все, и вы готовы платить за все и работать так усердно, как это необходимо, чтобы все это соответствовало вашим вкусам. Возможно, вам приходилось нанимать помощников в разное время, но они выполняли ваши приказы и работали в соответствии с вашими требованиями.

Теперь появляется профессиональный строитель. Она готова приложить свои усилия для строительства дома, предоставив вам рабочую силу, инструменты, материалы и свой опыт по сниженной цене. Есть только одна загвоздка: ей нужно пересмотреть планы. Она говорит, что вы хорошо начали, но вам нужно перенять ее видение, и она хочет изменить дизайн.

Это дом вашей мечты. Это самая большая, самая важная вещь в твоей жизни. Позволяете ли вы кому-то другому взять это под контроль, даже в небольшой степени? Это будет твой дом или ее?

Теперь экстраполируйте этот сценарий до абсурдных масштабов — борьба с монстрами в реальности, где существует сверхъестественное, — и у вас будет мышление экстремиста-охотника. Персонаж посвящает свою жизнь своей главной цели, своей великой цели. Это начало и конец всего его существования. Он привносит в свои планы безумную решимость; ни один стабильный человек не смог бы так полностью посвятить себя делу.

Может быть, он настолько уверен в своей способности достичь своей цели, что воспринимает предложение помощи как оскорбление. Возможно, это упрямство; он не собирается уступать контроль кому-то другому, какие бы выгоды это ни принесло. Охотник может не доверять мотивам неизвестных и, возможно, пугающе тонких или требовательных сил, и он не собирается откладывать свою цель ради кого-то (или чего-то) другого.

Рассказчик: Один Мастер, Два Голоса

Возможно, вам интересно, в чем разница между независимым и божественным экстремистом. В конце концов, оба в конечном счете работают на Служителей, будь то на расстоянии или мучительно близко, и оба получают свои знания и второе зрение из одного и того же источника. Разница может показаться незначительной, но на самом деле она очень важна.

Божественный персонаж получает свою силу непосредственно от Служителей. Другая, более великая личность занимает часть разума охотника, направляя и советуя ему, используя его в своих собственных целях.

Напротив, независимый экстремист все еще получает свою власть через “обычные каналы”, через механизмы, введенные в действие Посланниками, когда все охотники проникнуты. Она продолжает получать информацию от Мессенджеров, но она по-прежнему уклончива и загадочна. Независимым охотником не манипулирует и не направляет другая сила. Она делает свой собственный выбор, основываясь на собственных выводах и догадках. Она находит свой собственный способ бороться со злом, на своих собственных условиях и по своим собственным стандартам, какими бы искаженными они ни были. Возможно даже, что министры не знают, что независимая охотница преодолела свои ограничения. Они наделяют ее силой, как и любого из своих избранных, и не знают, как она ее использует.

Чтобы провести обыденную параллель, представьте себе, что проникнутые — это офисные служащие. Божественный охотник наделен большой властью, но его босс постоянно контролирует и направляет его. Независимый охотник медленно поднимается по служебной лестнице, чтобы получить аналогичные полномочия, но не страдает от такой же степени “микроуправления”. Ее босс узнает только то, что она сообщает, предполагая, что она сообщает о чем угодно.

Независимые экстремисты сильно отличаются от своих божественных эквивалентов, и нет никакой гарантии, что у них одни и те же цели или что они даже больше признают друг друга союзниками.

По своей сути, эта решимость придерживаться выбранного курса и отказываться от любой помощи является вопросом идентичности. Преданность крестовому походу — это главная часть личности охотника. Изменить эту цель хотя бы немного, уступить контроль или даже прислушаться к советам извне — все равно что отречься от самого себя.

Охотник с такой сильной преданностью мог бы устоять перед предложениями и соблазнами другого или более легкого пути. Поступая так, он остается один, и в своем одиночестве он может обнаружить, что его собственная сила соответствует той, которую он отверг.

Прорываясь сквозь

Следующие правила предоставляют систему для достижения пятого уровня в качестве независимого экстремиста, показывая путь от “простого” охотника до одинокого гиганта. Эти правила были первоначально опубликованы в Руководстве для игроков Охотников (стр. 91) и подробно изложены здесь.

Становящийся

Преодоление границ силы охотника — это процесс, а не то, что происходит мгновенно. Хотя крайность пятого уровня может проявиться внезапно, она появляется только после того, как экстремист проходит через ряд личностных изменений. Этот процесс происходит в ходе хроники, а не во время простоя, и игроки, которые хотят получить преимущества пятого уровня для своих персонажей, должны отыгрывать эти изменения.

Чтобы претендовать на преимущество пятого уровня, у вашего охотника должен быть рейтинг 10 в ее основной Добродетели, и у нее должно быть преимущество четвертого уровня в ее пути веры.

Личность: Во-первых, охотница претерпевает серьезные изменения как в Характере, так и в

поведении, поскольку она отказывается от того, кем она была, и посвящает себя исключительно охоте. Характер персонажа становится Деспотичным, Фанатичным или Перфекционистским. Ее поведение также меняется в соответствии с ее Характером. На этом этапе охотница больше не может скрывать свое истинное "я" (или, действительно, понимать, почему она хотела бы этого). Нет никакой реальной корреляции между убеждениями или Добродетелями охотницы и ее новой Природой. Изменение зависит от персонажа как личности, а не от ее качеств или способностей.

Если природа вашего персонажа была одним из этих трех Архетипов до достижения этой высоты, она может остаться такой и сейчас, и ее поведение также изменится, или она примет один из двух других Архетипов. Это твой выбор.

Это изменение не должно произойти "просто так". По мере того, как ваша охотница набирала силу и развивала расстройств, она менялась и становилась все более непредсказуемой. В качестве реакции на суровость и требования охоты она отбрасывает свою старую жизнь и поглощается желанием выполнить всепоглощающую миссию (какой бы она ни была). Теперь подумайте о том, как ваш персонаж реагирует на события хроники и этот переход, и внесите изменения в Природу в тот момент, когда это действительно кажется логичным шагом для вашего охотника.

Пример: Когда она впервые прониклась, Кэрл Макинтайр была медсестрой-добровольцем, которая заботилась о своих пациентах, но она скрывала свои чувства за резкой, раздражительной внешностью. С точки зрения игры, ее Натура была Заботливой, а Поведение - Сварливым. Но это было очень давно. По мере того, как Кэрл приближается к достижению своей конечной цели - уничтожению сверхъестественных болезней, ее личность меняется, чтобы больше соответствовать ее целеустремленности и целеустремленности.

Если Кэрл станет Автократом, ее фокус может быть перенесен на использование других в качестве помощников и инструментов. Она могла бы создать клику врачей и больных, приказав им собирать данные со всей страны. Будучи фанатичкой, Кэрл может быть "медицинским террористом", совершающим набеги на больницы в поисках записей и расходных материалов, не заботясь о последствиях или благополучии пациентов. Или она может стать перфекционисткой, заиклившись на устранении любой опасности заражения или болезни, поражающей ее. В последнем случае она принимает ритуалы и процедуры, которые, по ее мнению, предотвратят ее контакт с болезнью или инфицированными, обеспечивая ей стерильную безопасность, необходимую для борьбы с инфекцией. Когда-то Кэрл заботилась о пациентах как о людях. Теперь они просто

образцы и переносчики болезней, которые следует игнорировать или уничтожать. Но удивительно, но союзники Кэрл считают, что сейчас с ней легче ладить, чем до того, как ее поведение изменилось. Теперь она слишком одержима болезнью, чтобы беспокоиться об "эмоциональной броне" оскорблений, и слишком занята своей целью, чтобы больше прятаться за плохим характером.

В вашей хронике должно пройти некоторое время между изменением личности вашего персонажа и проявлением преимущества пятого уровня. Это должно быть не просто время простоя, а период, в течение которого вы можете продемонстрировать новую индивидуальность своего персонажа. В идеале полная история отделяет изменение архетипа от следующего шага в процессе.

Сила воли: После того, как вы потратите соответствующее количество времени на игру с вашим трансформирующимся персонажем, охотник может, наконец, проявить свое преимущество пятого уровня. Это появление обычно не происходит в период затишья. Вероятно, это происходит во время тяжелого кризиса, когда вашему персонажу отчаянно нужно что-то сделать, чтобы выжить или спасти свои планы от полного краха. Возможно, оборотень вот-вот растворится в воздухе, унося с собой образец зараженной ткани. Или зомби вот-вот сожрут давно потерянного брата вашего персонажа, а ваш охотник безоружен и слишком слаб, чтобы сражаться. Или Джон Коулер приставляет пистолет к голове вашего персонажа и взводит курок. Это важный момент, и его не следует замалчивать. Это так же травмирующе и меняет жизнь, как и наполнение, которое впервые поставило вашего персонажа на путь к этому моменту.

Столкнувшись с катастрофой, охотница совершает невероятное, невозможное усилие воли, разрушая духовные барьеры и овладевая силой, в которой Служители пытались ей отказать. Механически это простой процесс: постоянный рейтинг Силы воли вашего персонажа падает на пять. С точки зрения ролевых игр, это намного сложнее — высший акт воли, распад личности, водоворот боли и усилий, который не смог бы выдержать ни один нормальный человек.

Когда рейтинг силы воли вашего охотника снижается, он проявляет преимущество пятого уровня наряду с множеством других преимуществ и некоторыми серьезными недостатками.

Выгоды

Преимущество: Ваш персонаж проявляет одно преимущество пятого уровня для своего пути кредо. Это может быть из книги правил Охотника или из соответствующего справочника

по вероучению. Рассказчик также мог бы создать уникальный образ, используя любой из этих печатных материалов в качестве примера. Охотник не может получить преимущество пятого уровня с любого другого пути веры, даже если у него есть 10 в соответствующей Добродетели и преимущество четвертого уровня с другого пути. (Скажем, у персонажа 10 Усердия и Острота Суждения четвертого уровня, а также 10 Видения и острота видения четвертого уровня. Однако она Судья, поэтому может получить только силу Суждения пятого уровня.) Кроме того, охотник может проявить только одно преимущество пятого уровня. Она никогда не сможет получить другого.

Покровитель: Ваш охотник получает Фон Покровителя с рейтингом 5. Если у нее уже была предыстория, ее рейтинг увеличивается до 5. Когда барьеры вокруг ее души разрушены, ваш персонаж погружен в постоянный, интенсивный поток информации и указаний от Герольдов. Это полезно, потому что помогает ей в достижении ее личной, уединенной цели с помощью сообщений, сенсорного ввода и видений. Но это также ужасное бремя и отвлечение внимания, как если бы мегафон кричал ей в ухо непонятные инструкции. Временами охотник может оказаться сбитым с толку и дезориентированным, и его так засыпает информацией, что он не может действовать.

Поймите, что вход, полученный Сверху через 5 Патронов, подобен тому, что получил бы любой охотник с такой Чертой. То, что вы являетесь независимым экстремистом, просто делает вашего охотника более восприимчивым к информации Вестников. Это не делает ее у них на побегушках больше, чем, скажем, у охотника с низким рейтингом Добродетели и Покровителем 5. Ваш персонаж по-прежнему должен самостоятельно воспринимать информацию, которую передают Посланники, теперь она просто более восприимчива к ней и, возможно, становится ее жертвой.

Рассказчики, ищущие идеи о том, как изобразить такого высокого Покровителя, могут найти больше советов и предложений в книге "Охотник: Отшельник".

Посвящение: Ваш охотник становится живым, дышащим воплощением ее личного крестового похода. Практически ничто не может сбить ее с намеченного курса. Ее личность и преданность делу настолько сильны, что их едва ли можно изменить даже сверхъестественными средствами. Ваш персонаж защищен от сверхъестественных сил, которые постоянно воздействовали бы на его разум, эмоции и тело, как если бы было активировано второе зрение. Однако, хотя она всегда получает защитные элементы второго зрения, она не получает ни одного из его сенсорных преимуществ. Для того, чтобы ваш охотник мог видеть сквозь иллюзии или обнаружить сверхъестественное в действии, вы все равно должны потратить очко Убеждения.

Недостатки

Если делать это абсолютно в одиночку, чтобы получить удивительные возможности, это имеет свои последствия. Независимые экстремисты платят высокую цену за то, что бросают вызов Власть Имущим.

Достоинства: Когда ваш охотник получает преимущество пятого уровня, его другие оценки достоинств замораживаются. Вы больше не сможете увеличивать другие достоинства вашего охотника, когда он наберет 10 очков Убежденности. Ваш персонаж - живое воплощение ее главной Добродетели. Она больше не может позволить себе наблюдать за другими. Если у вашего охотника есть неизрасходованные очки добродетели, полученные ранее, их все равно можно потратить на получение новых преимуществ.

Тревожное присутствие: После наполнения некоторые охотники задаются вопросом, сильно ли они отличаются от существ, с которыми сталкиваются. Действительно, по мере того, как одержимые преследуют цель, они все дальше и дальше уходят от своей прежней жизни, все глубже погружаясь в безумие. Свидетельства бесчеловечности еще сильнее проявляются среди независимых, которые отказываются от своей личности ради миссии. Само их присутствие беспокоит нормальных людей и других проникнутых. Разные независимые могут проявлять эту манеру по-разному. Можно вообще не обращать внимания на обычных людей, одаренных собратьев и даже на "низменных" монстров. Другой может быть совершенно неспособен соблюдать социальные тонкости и нравы.

Независимо от того, как это проявляется, это чувство забвения или бесчеловечности имеет простой эффект: оно вдвое уменьшает количество социальных кубиков вашего персонажа (округлите все дроби в меньшую сторону). Это наказание налагается всякий раз, когда ваш персонаж взаимодействует с нормальными людьми и "меньшими" проникнутыми. Единственные, на кого ее поведение не повлияло, - это сверхъестественные существа, наделенные рейтингом Добродетели 7 или более, или охотники Отшельников или Своенравных вероучений. Эти люди, которые сами далеки от повседневного понимания, могут быть невозмутимы поведением вашего экстремиста.

Принуждение: Помимо расстройств, от которых уже страдает ваш персонаж, разум и восприятие независимого экстремиста изменяются еще больше после достижения пятого уровня. Ваш охотник теперь является воплощением ее главной Добродетели, и все, что она видит и думает, окрашено этой Чертой. Это олицетворение миссии иногда может привести к тому, что ваш персонаж будет охвачен

принуждением, которое невозможно отрицать — побуждением, которое может совпадать с ее личным крестовым походом или которое может пойти наперекор всему, чего она хочет достичь. Один раз за историю рассказчик может направить вашего охотника действовать или думать определенным образом — и это указание невозможно отрицать, даже затратив Силу воли. Экстремисты непредсказуемы, непредсказуемы и ужасающе могущественны.

Наделенные милосердием (Невинные, Мученики и Искупители) могут видеть в монстрах заслуживающих прощения и понимания. Такая охотница могла бы использовать свою силу, чтобы защитить существо от вреда — даже крашеное в шерсти чудовище, не заинтересованное ни в чем, кроме убийства. Охотница может быть не в состоянии объяснить, почему она сохраняет это существо, или даже потрудиться оправдать свои действия перед кем-либо. Один раз за историю Рассказчик может рассказать игроку о Милосердном экстремисте, что существо обладает огромным потенциалом и должно быть спасено, чего бы это ни стоило.

Охотники за вероучениями Видения (Отшельники, Провидцы и Заблудшие) могут верить, что они знают истину при любых обстоятельствах. Они могли бы считать себя лидерами одержимых, которым суждено руководить своими собратьями-охотниками. Любой, кто говорит иначе, может быть обманут или врагом. Один раз за историю Рассказчик может сказать вам, что ваш персонаж знает что-то с абсолютной уверенностью, независимо от того, насколько это маловероятно. Это знание должно быть использовано, несмотря на любые возражения или аргументы. Возможно, он “осознает”, что истинная цель одержимых — уничтожить друг друга, оставив только сильнейших, чтобы вознестись на Небеса и свергнуть Бога. Или, может быть, он решит, что члены определенной этнической группы заражены сверхъестественным и должны быть изолированы для дальнейшего изучения.

Ревностные экстремисты (Мстители, Защитники и Судьи) могут быть склонны к диким актам насилия без каких-либо видимых признаков провокации. Эти фанатики могут наказывать других за, казалось бы, незначительные или несуществующие преступления, независимо от того, является ли жертва монстром, охотником или обычным человеком. Один раз за историю Рассказчик может объявить, что данный человек является врагом или кем-то, заслуживающим наказания, и ваш персонаж отправляется уничтожать цель. Фанатик может сосредоточиться на продажном детективе, который продает наркотики и оружие уличным бандам, но с такой же вероятностью она решит, что столп общества, человек, который всегда был добр к ней, на самом деле

чудовищный дегенерат, растлевающий малолетних, который должен быть наказан.

Рассказчик: Конец Строки

Как только охотник получает преимущество пятого уровня, он обычно начинает заключительный акт своей личной истории. Мало что стоит на пути к достижению ее личных целей. И мало что может помешать ей умереть, сгореть или полностью сойти с ума в этом процессе. Энергия, которой она обладает, может быть просто слишком мощной, чтобы человеческое тело, разум и дух могли долго сдерживать ее.

Существует простое правило, которое вы можете ввести для этих экстремистов, если захотите: как только персонаж получает преимущество пятого уровня, ему остается рассказать только одну историю, прежде чем он покинет хронику. Это ограничение не только отражает последние отчаянные усилия, которые предпринимает персонаж, и стрессы, которые она накладывает на себя, но и удерживает чрезвычайно сильного персонажа от буйства в вашей игре. Охотник такого масштаба, которому предоставлена свобода действий в вашей хронике, может посеять массовые разрушения среди сверхъестественного, даровать непостижимое прощение монстрам и разрушить их власть над человечеством, или привести мир к сокрушительной судьбе. Может быть, это именно тот конец, который вы хотите для такого монументального персонажа, и, возможно, он подходит. Но если предположить, что вы хотите сохранить какую-то узнаваемую обстановку, в которой можно продолжить повествование, рекомендуется, чтобы охотница с преимуществом пятого уровня нашла свою судьбу в довольно короткие сроки. Да, вы можете создать другую, продолжающуюся, изменяющую мир хронику, если хотите, но это вызов, который вы сами создаете. Возможно, лучше всего спросить игрока или труппу, как бы они хотели, чтобы развивались события, но на самом деле не раскрывать, что судьба приготовила для рассматриваемого персонажа, пока это не станет холодной реальностью.

Если вы расскажете одной из этих экстремисток последнюю историю, возможно, лучше всего сосредоточиться на ее попытке достичь своей главной цели — той, которая, возможно, возникла гораздо раньше в ее карьере охотника и подтолкнула ее к этим высотам (или глубинам). Если она преуспеет в своих поисках и достигнет своей цели, ее история все еще может закончиться. Возможно, ей больше некуда идти, больше ничего не нужно делать. Теперь она может отдохнуть, встретиться со своим

создателем, покинуть свое тело или сгореть, как умирающая звезда.

Рассказчик: Альтернативные маршруты

Потенциал божественного, коррумпированного или независимого экстремиста — того, кто развивает преимущество пятого уровня, - действительно крут и может стать основой для нескольких забавных историй об охотниках. Но в то время как выжить достаточно долго, чтобы получить высокий рейтинг Добродетели, достаточно сложно, приобретение потусторонней силы - это титаническая задача. Ваши игроки могут быть не заинтересованы в том, чтобы вести своих персонажей в этом направлении. Согласно правилам игры, восхождение к абсолютной вершине власти требует, чтобы “карьерист” охотника следовала очень точному маршруту, на котором он получает определенные преимущества. Он должен следовать пути своего вероучения, и все его основные Добродетели должны быть посвящены этому призванию. Игрок Искупителя должен вложить все Милосердие своего персонажа в Искупление и получить его преимущества, например, вместо того, чтобы тратить какое-либо Милосердие, чтобы получить силу Невинности или Мученичества. “Отклонение” от пути лишает персонажа самых больших преимуществ, доступных ему — четвертого уровня, а теперь и пятого.

Однако что, если вы хотите рассказать истории о персонажах, обладающих чудесными способностями, а ни один из персонажей игроков не подходит по всем параметрам? Игроки потратили основные очки Добродетели на разные пути вероисповедания. Или, может быть, следование такому строгому пути к власти кажется слишком строгим. В этом случае игнорируйте постоянное правило, согласно которому персонаж должен иметь преимущество четвертого уровня в своем пути к вере и 10-й рейтинг основных Добродетелей, чтобы получить преимущество пятого уровня. Может быть, все, что ему нужно, - это рейтинг добродетели в 10 баллов с широким спектром преимуществ. В конце концов, это Добродетель 10, которая налагает так много расстройств на охотника. Если у него в голове такой же беспорядок, как и у последователя строгого вероучения, почему они оба не могут получить одинаковые способности?

Итак, не стесняйтесь приглашать персонажей для получения пятикратного уровня (или налагать такие полномочия на охотников) после того, как Добродетели достигнут 10. Для вас может не иметь значения, есть ли у охотника четыре ребра из одного пути веры или ассортимент из множества путей. Рассказывать классные истории - вот что важно, и позволяя более широкому кругу увлеченных идти по высокому пути, идти по низкому пути или найти

свой собственный путь, это позволяет создавать отличные истории.

Для этой заключительной главы подходят два основных типа историй. Эпическая история доводит хронику до предела и позволяет персонажу уйти в сиянии славы. Трагическая история позволяет экстремистке быть уничтоженной слепотой, навязанной ее безумием, подчеркивая ужас безумия и катастрофические последствия фанатизма.

Эпические истории

Эпическая история снимает все ограничения и повышает ставки хроники, все время удерживая в центре внимания экстремиста и его последний великий рывок к достижению своей цели. Рассказ этой истории может занять несколько глав (игровых сессий) и потребовать больших усилий со стороны всех охотников, но она обещает фантастическую награду. Ключ к эпической истории состоит в том, чтобы заставить ее возвращаться вокруг последней, самой важной вехи в поисках экстремиста.

Давайте вернемся к Кэрл Макинтайр. Ее последняя история лучше всего фокусируется на ее вере в то, что болезни имеют сверхъестественное происхождение. Рассказчица решает противостоять ей сверхъестественным вирусом, который, по ее мнению, является источником всех монстров и угрозой, которую она может уничтожить раз и навсегда. Теперь построим длинную, удовлетворяющую историю на этой предпосылке.

Давайте предположим, что среди граждан, где живут Кэрл и ее союзники, распространяется вирусная болезнь. Этот вирус не поддается лечению, и некоторые из его жертв воскресают как ходячие мертвецы. В первой главе истории Кэрл и охотники сталкиваются с зомби, понимают, что речь идет о вирусе, и выслеживают источник — культ, который поклоняется смерти и намеренно заражает людей. В следующей главе охотники узнают, что культ широко распространен, и они выслеживают его по всей стране, чтобы найти его лидера. Он гражданин США. сенатор одержим могущественным призраком, существом, которое хочет заразить весь мир. Когда охотники, наконец, справляются с последователями сенатора, Кэрл может изгнать призрака и уничтожить вирус, но при этом она жертвует своей жизнью.

Это эпическая, захватывающая история. Это достигает поразительных высот с широко распространенными последствиями, и это оставляет выживших охотников с новым осознанием. Они совершили великие дела. Им будет трудно вернуться к уничтожению “обычных” бродяг на местных кладбищах. Но что еще они могут сделать без поддержки Кэрл? По крайней мере, у выживших остается

обнадеживающее знание того, что охотники могут изменить мир к лучшему.

Трагические Истории

Охотник - это игра ужасов, и многие истории ужасов заканчиваются плохо. Охотник за экстремистами - это сумасшедший. Некоторые из них являются слугами сверхъестественных сил. Есть все шансы, что в безумии и замешательстве охотницы ее поиски примут катастрофический оборот. Она делает ужасный выбор или решает, что какое-то отвратительное действие должно быть совершено ради общего блага. Экстремистка может возглавить крестовый поход против врага, которого на самом деле не существует, или решить уничтожить всех в маленьком городке, потому что она считает, что все они испорчены злом. Возможно, в ее предположении или убеждении есть зерно истины, но ее выбор решений означает ужасные потери и страдания, и экстремист не видит никаких альтернатив.

В трагической истории поиски экстремиста заканчиваются плохо. Как и в эпической истории, сюжет включает в себя финал ее крестового похода, но ее усилия напрасны, и от ее действий мало что хорошего может получиться. Нет никакой гарантии, что Кэрл Макинтайр права в своей вере в сверхъестественные болезни. Что несомненно, так это то, что она параноидальна и неуравновешенна и способна на все, чтобы стереть "заразу" с лица Земли. Эта одержимость может легко привести к трагической истории, в которой она нападает на недостойную цель или причиняет огромный вред.

В таком финале союзники Кэрл могут столкнуться с упырем, который днем работает в местной больнице. Кэрл ухватилась за это открытие как за доказательство того, что больница является источником сверхъестественных вирусов. Должно быть, упырь разрабатывал язвы для своего хозяина-нежити в лаборатории больницы. Расследуя дело, Кэрл обнаруживает, что больница полна больных людей, как и следовало ожидать. Однако это говорит ей о том, что все в здании заражены, что вся больница должна быть уничтожена. Когда ее беспокойные союзники пытаются вразумить ее, она понимает, что они были испорчены с самого начала, и прогоняет их. Кэрл вторгается в больницу, преследуя и убивая пациентов и врачей. Ее бывшие друзья должны уничтожить ее, прежде чем погибнет еще больше незащищенных людей.

Трагические истории сложно разыгрывать, особенно когда главный герой — экстремист — скорее всего, будет переведен в роль антагониста по отношению к персонажам других игроков. Поэтому вы можете предложить такую кульминацию, прежде чем на самом деле пройти через нее, чтобы убедиться, что игрок и другие

члены труппы довольны таким решением. Вы также можете смягчить абсолютную трагедию, допустив небольшие победы при более крупном поражении. В предлагаемой истории Кэрл может обнаружить, что вампиры крадут кровь из больницы, и именно поэтому их упырь работал там. Кэрл не достигает великой, освобождающей победы, к которой она стремится, но она разоблачает кражу крови перед ее уничтожением.

Дополнительные советы по созданию трагических историй см. в разделе "Повествование о трагедии" в Справочнике охотников за рассказчиками (стр. 166).

Смерть и Концовки

Вполне возможно, что игрок экстремиста, который поднял своего персонажа от скромного начала до невообразимого конца, будет доволен смертью своего охотника. Хроника с достойным концом может подойти для возвышения его персонажа, и его творение играет центральную роль в этой финальной охоте. Все игроки могут похлопать вас по спине и рассказать, как им было весело, а игрок без персонажа может быстро подготовиться к появлению нового персонажа в вашей игре.

Однако некоторым игрокам трудно расслабиться. Они могут захотеть продолжать играть своих могущественных экстремистов, несмотря ни на что, и могут быть раздражены или расстроены, если вы предложите отправить такого персонажа в отставку. К счастью, сама природа экстремиста помогает вам завершить историю охотника. Для одного из этих людей почти невозможно не вляпаться по уши в финальную историю.

Следующие предложения помогут определить окончательную судьбу экстремиста, надеюсь, удовлетворительным образом. Важно, чтобы вы просто не исключали, что охотник умрет, или не забирали контроль над персонажем из рук игрока. Это никому не доставляет удовольствия. Будьте справедливы и позвольте игроку принимать решения, но не позволяйте ему игнорировать неконтролируемое давление, оказываемое на его персонажа.

Дивайн: Служителям все равно, если их служанка умрет при исполнении своих обязанностей. Их волнует только то, что она отдает все силы и выполняет их приказы, чтобы ослабить сверхъестественную угрозу, нависшую над миром. Послания и видения, которые они посылают, мотивируют ее идти дальше и дальше в своей миссии, без передышек, необходимых для исцеления или восстановления рассудка. Добавьте к этому непреодолимое принуждение основного расстройства охотника, и у божественной экстремистки мало что останется, чтобы выполнить или предложить, кроме ее единственного призвания. В финальном драматическом эпизоде безграничная власть

Министров может полностью поглотить экстремистку, превратив ее в ничто, кроме энергии и пепла.

Развращенный: Инфернал постоянно пытается ослабить и развратить одержимого демонами охотника, поощряя или заставляя его совершать невыразимые поступки. Как только охотник достигает финальной сцены своей истории, он может быть истощен и испытывать недостаток Силы воли. Именно тогда демон наносит удар, пытаясь стереть душу охотника и полностью овладеть им, получив тело, с помощью которого он сможет управлять миром. Охотник может получить бросок Силы Воли, чтобы противостоять этой абсолютной покорности, но демон продолжает пытаться, и в конце концов это ему удастся. Возможно, последняя надежда охотника - активировать свое второе зрение, на короткое время закрыть глаза на своего обладателя и использовать эту возможность, чтобы покончить с собой, чтобы уйти в тихом покаянии или в сиянии славы. Если он потерпит неудачу, демон примет его тело — и, вероятно, станет главным врагом для оставшихся охотников в хронике. Такой персонаж может быть представлен с помощью правил Demon: The Fallen.

Независимый: Эти охотники находятся во власти своих расстройств, и они заставляют себя достигать своих целей, возможно, больше, чем это могут сделать любые другие экстремисты. Рейтинг силы воли независимого охотника прискорбно низок, что оставляет ее практически неспособной сдерживать свои безумные порывы. Вдобавок ко всему, охотница страдает от навязчивых идей, вдохновленных ее главной Добродетелью, которым она никак не может противостоять. К финальной сцене ее истории охотница может полностью находиться под контролем своих недугов и импульсов, подталкивая ее к финальной конфронтации со сверхъестественным, в которой она вряд ли выживет. И все же эта абсолютная приверженность определяет ее и придает ее смерти — и существованию - смысл.

Известные экстремисты

Следующие охотники начинали так же, как и многие другие, охваченные ужасом, растерянные и изолированные. Но когда они доказали, что выживают при повторных столкновениях с нечеловеческими существами, они получили власть над существами и нашли утешение в личных поисках борьбы со сверхъестественным. Возможно, они потеряли свои прежние жизни из-за созданий ночи, но они могли оставить свой след на своих угнетателях. Однако со временем давление и требования этих квестов взяли свое и

подорвали здравомыслие этих охотников. Да, они одержали победы над другой стороной, но какой ценой? Теперь эти одержимые задерживаются, продолжая преследовать свои цели, но часто через облако безумия и с последствиями для монстров, обычных людей и других охотников. Как рассказчик, вы можете ввести этих персонажей в свою хронику как союзников или врагов охотников.

Ибрагим Насир

Первоначально выбор стать мусульманином был для Ибрагима Насира политическим решением, а не духовным. Его работа в качестве активиста за права афроамериканцев была его страстью, но он был всего лишь одним человеком. Принятие ислама, смена имени, вступление в Мусульманскую федерацию — все это было практичным, взвешенным решением. Религия не имела к ним никакого отношения.

Но еще до того, как он проникся, Насир начал понимать, что его решение было не таким продуманным, как он полагал. Ислам говорил с чем-то глубоко внутри него - с желанием верить и быть частью большего сообщества. Со временем он превратился из прагматичного лоббиста в страстного защитника ислама для афроамериканского сообщества. Его наполнение только придало ему еще больше энергии. Насир вскоре стал лидером и важным голосом для Atlanta's imbued, отдавая все силы тому, что, как он все больше верил, было делом Аллаха. Благодаря его связям и планированию охотники в Атланте получили доступ к правовой защите, координации и ресурсам. И если Насир работал больше для афроамериканских охотников, чем

для представителей других рас, что ж, это было справедливо. Кто-то должен был пройти лишнюю милю ради таких людей, как Тайрон Беллеми, охотник, заключенный в тюрьму предвзятой правовой системой - системой, коррумпированной и контролируемой сверхъестественным. Насир отдал все, что у него было, Мусульманской федерации и движимым, и он начал верить, что успех и золотой век не за горами.

Это было до 11 сентября 2001 года. Внезапно Америка стала гораздо менее дружелюбно относиться к мусульманам, будь то чернокожие или арабы. Друзья Ибрагима стали подозрительными незнакомцами, его контакты стали отдаленными. Даже одержимые, охотники, на которых он так неустанно работал, держали его на расстоянии вытянутой руки, всегда высматривая признаки предательства.

Насир отказался позволить недоверию и стрессу овладеть им и еще больше погрузился в свое призвание. Он работал круглосуточно, чтобы защитить местных мусульман — с небольшой благодарностью — и улучшить восприятие ислама в обществе. Вскоре давление и недосып начали сказываться, и разум Насира ослабел. Он набросился на других членов Федерации и разглагольствовал о вендетте общества против чернокожих и мусульман. Люди перестали отвечать на его звонки.

Затем Насиру начал сниться Нейт Альтман, чернокожий мужчина, заключенный в тюрьму за убийство в Миссисипи. Воодушевленный снами, говорящими ему, что Альтман был важен, Насир стал одержим идеей спасти этого человека. В конце концов, охотник пожертвовал всем — своей карьерой, свободой и здравомыслием — чтобы освободить Альтмана.

После прорыва, когда его жизнь была разрушена, Насир поверил, что Пророк пришел к нему во сне. Он был избран, чтобы вести, и он должен вести. Ислам подвергался нападкам и нуждался в защитнике — в ком-то, кто сдерживал бы тьму, стремившуюся погасить свет веры. Насир проснулся с горящей целью и силой заставить людей слушать и верить.

Насир все еще скрывается, за ним охотится ФБР за его участие в побеге Альтмана. Он переезжает с конспиративной квартиры на конспиративную квартиру, скрытый исламскими радикалами, и проповедует свое новое евангелие, свою правду о мире. Он считает, что злая сила, нацеленная на ислам, - это та же самая сила, которая веками угнетала людей, та же порода, которая управляет институтами, которые держат его народ больным, сломленным и побежденным.

Насир верит, что скоро его армия восстанет против тьмы. У них будет оружие, воля и сила. И, по его словам, они получат благословение Творца.

Джон Коулер, он же Rigger111

За всю его жизнь никто ни хрена не сделал для Джона Коулера. Ни его семья, ни вереница его работодателей, и особенно ни проклятый наделенный.

Как Rigger111, Коулер был хорошо известным — и непопулярным - плакатом для hunter-net. Он говорил то, что думал, и ему было наплевать на правила, этикет или манеры. Он знал, что все это ни черта не значит в реальной жизни, в мире, населенном монстрами. В конце концов он перешел черту, когда опубликовал имена и данные других охотников в списке, указав, кто “доставил ему неудобства”. Свидетель 1 исключил его из списка, и Коулер потерял контакт с более широким сообществом imbued.

Поначалу это его вполне устраивало. В любом случае, он не хотел и не нуждался в этих слабых засранцах. Но в одиночку Коулер обнаружил, что ему не справиться с монстрами, которые пришли за ним. Он бросил дерьмовую работу, за которую держался, и попытался сбежать, но Аннабель нашла его. Вампир со вкусом к новым жестокостям, Аннабель взяла под контроль волю Коулера, когда он был слаб, и сделала его своим рабом. В течение нескольких месяцев с Коулером обращались как с домашним животным кровососа, и он был вынужден унижаться ради ее развлечения.

А потом Вассаго спас его.

Когда монстр заполз в его разум и сделал ему предложение, Коулер не колебался. С помощью демона он сбежал от Аннабель. Он снова был свободен — но на самом деле он только что сменил одного хозяина на другого.

Все еще неся на себе эмоциональные и ментальные шрамы от пыток — возможно, шрамы, которые он носил на протяжении всей

своей злой и разочаровывающей жизни, — Коулер не хочет ничего, кроме мести. Месть монстрам, но, что более важно, против одержимых. Он снова и снова рисковал своей жизнью, и как эти ублюдки из hunter-net отплатили ему тем же? Они оставили его, чтобы он стал собакой вампира.

Теперь Угольщик бродит по Соединенным Штатам, живя впроголодь. Вассаго — демоническая сила, которую он называет “Босс” — направляет его на поиски охотников и вампиров, и все это в надежде Коулера, что он сможет уничтожить вампиров, которые напоминают ему Аннабель, и убить охотников-непопырей, которые предали его. Взамен Босс требует услуг Угольщика, сражающегося с его врагами и защищающего его интересы. Он также пытается заставить Коулера совершать бессмысленные убийства и зверства, чтобы подавить его волю, чтобы Вассаго мог постоянно владеть его телом.

Поначалу у Коулера не было проблем с этим соглашением. Он отомстил, он убивал монстров и слабых болванов одинаково, и не похоже, чтобы его заботили убийства, которых требовал Босс. Но постепенно Джон начал бунтовать против своего нового хозяина. Даже такой задиристый ублюдок, как он, проводит черту, а демон продолжает пытаться переступить ее. Что еще более важно, Коулер постепенно понимает, что убийство одержимого не делает его счастливее. Это не заполняет пустоту внутри него.

На данный момент Коулер продолжает выполнять приказы Босса и преследует свою собственную вендетту, но каждое убийство приближает его немного ближе к неповиновению. Если ему повезет, это сопротивление может перерасти в восстание, прежде чем Вассаго полностью поглотит его душу.

Профиль

Атрибуты: Сила (Большая) 4, Ловкость 2, Выносливость (Жесткая) 4, Харизма 2, Манипуляция 2, Внешность 2, Восприятие 3, Интеллект 2, Остроумие (Хитрость) 4

Способности: Бдительность 2, Драка (Сборщики сена) 4, Компьютер 1, Ремесла 2, Разрушения 1, Уклонение 2, Драйв 2, Огнестрельное оружие 3, Запугивание (Запугивание) 4, Мощь 3, Безопасность 1, Скрытность 1, Уличный 3, Уловка 3, Выживание 3

Дополнения: Грация Под давлением 3, Железная Воля 2, Покровитель 5, Стальные нервы 3

Края: (Защита) Подопечный, Омолаживающий, Бренд, Чемпион, Канал

Видение: 1, Рвение: 10, Убежденность: 5, Сила Воли: 5 Расстройства: Антисоциальное Расстройство Личности,

Компульсивно-Агрессивное, Маниакально-Депрессивное, Посттравматическое Стрессовое Расстройство

Мэри Эллен Крамер

Оборванная, грязная, тощая женщина путешествует по Америке, следуя своим собственным беспорядочным импульсам. Время от времени она связывается с группой проникнутых, помогая им бороться со сверхъестественным злом. Но она знает, что такие развлечения — всего лишь развлечение, просто разогрев, и она иногда рассказывает тем, кто готов слушать, о настоящем представлении.

Мэри Эллен знает правду: Посланники — это враги.

Она не всегда чувствовала себя так. Иногда она все еще может вспомнить, когда впервые прониклась, когда была еще слепа. Как хорошая марионетка, она сражалась с монстрами, наводнившими ее сообщество. Она сражалась с ветряными мельницами, и у нее была своя доля маленьких побед. Затем однажды ночью она пришла домой и обнаружила, что монстр крадет ее детей — существо, которое отбросило ее в сторону, как тряпичную куклу.

Когда она пришла в себя в больнице, ее муж Майкл сказал ей, что их дом сгорел дотла и что Итан, Эмбер и Хлоя мертвы. Но для Мэри Эллен это было неприемлемо. Такой реальности быть не могло, и вместо того, чтобы поверить в это, она приняла безумие с распростертыми объятиями.

Мэри Эллен отказалась от прежней жизни — мужа, работы, образа жизни и здравомыслия — и посвятила себя поискам своих детей. Она неустанно преследовала каждую зацепку, каждую зацепку, даже те, которые существовали

только в ее извращенном сознании. Сама борьба со сверхъестественным отошла на второй план по сравнению с ее одержимостью. Другие монстры на самом деле не имели значения, когда ее дети все еще были там.

Союзники Мэри Эллен начали считать ее опасной психопаткой. Она считала других проникнутых дураками, пытающимися сдержать полный хаос. Она также начала все больше подозревать мотивы, стоящие за наполнением, и истинные цели Посланников. Если эти существа действительно хотели бороться со злом, почему они оставили избранных в неведении? Почему они просто не сказали ей, где ее дети, вместо того, чтобы устраивать бессмысленные кукольные представления? Охота и Посланники были ложью, бессмысленной для женщины, живущей в мире, определяемом тремя словами: "найди моих детей".

Потребовались месяцы поисков, месяцы, которые толкали Мэри Эллен все дальше и дальше в пропасть, пока она, наконец, не узнала правду. Ее дети были живы, и она никогда больше их не увидит. Ее муж Майкл, отец ее детей, отдал их монстрам, существам, которые утверждали, что связаны с ними более тесной связью, чем у нее. Мужчина, которого она когда-то любила, уничтожил ее. Ее дети никогда не принадлежали ей. Они всегда принадлежали тьме. И Посланники позволили этому случиться.

Такое откровение должно было уничтожить Мэри Эллен. Возможно, так оно и было. Ее разум был разрушен, но в своем безумии она нашла новый объект для мести, которую искала: Посланников. Неизвестные глаза в небе, которые дергали за ниточки и смеялись, в то время как

дети превращались в тени. В безумии Мэри Эллен внутри нее горела ярость, и она нашла способ обуздать ее, раскрыть секреты Герольдов и вытащить огонь из самого своего тела.

Скоро этот огонь поглотит ее. Скоро, но не сейчас. Не тогда, когда у нее все еще есть работа, которую нужно сделать. Мэри Эллен больше не ищет детей, которые никогда не смогут принадлежать ей. Вместо этого она разжигает огонь и работает с другими, увлеченными своими кукольными играми. Тем, кто готов слушать, кто может видеть сквозь ее безумие и тлеющий огонь в ее глазах, она шепчет то, что, как она знает, является правдой — она велит им перерезать ниточки.

Профиль

Атрибуты: Сила 3, Ловкость 3, Выносливость (Неутомимость) 4, Харизма 3, Манипулирование 2, Внешность 2, Восприятие 3, Интеллект 3, Остроумие 3

Способности: Бдительность 2, Атлетика 3, Драка 3, Уклонение 2, Эмпатия 1, Выносливость 3, Интуиция 3, Рукопашный бой 2, Производительность 1, Безопасность 2, Скрытность 3, Выживание 2

Дополнение: Контакты 3, Судьба 3, Покровитель 5

Грани: (Мученичество) Требование, Свидетель; (Мечь) Расщеплять, Оставлять след, Тлеть, Всплескивать, Поражать

Милосердие: 3, Рвение: 10, Убежденность: 8, Сила воли: 3 Расстройства: Диссоциация, Маниакально-Депрессивный, Обсессивно-Компульсивный, Шизофрения